

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

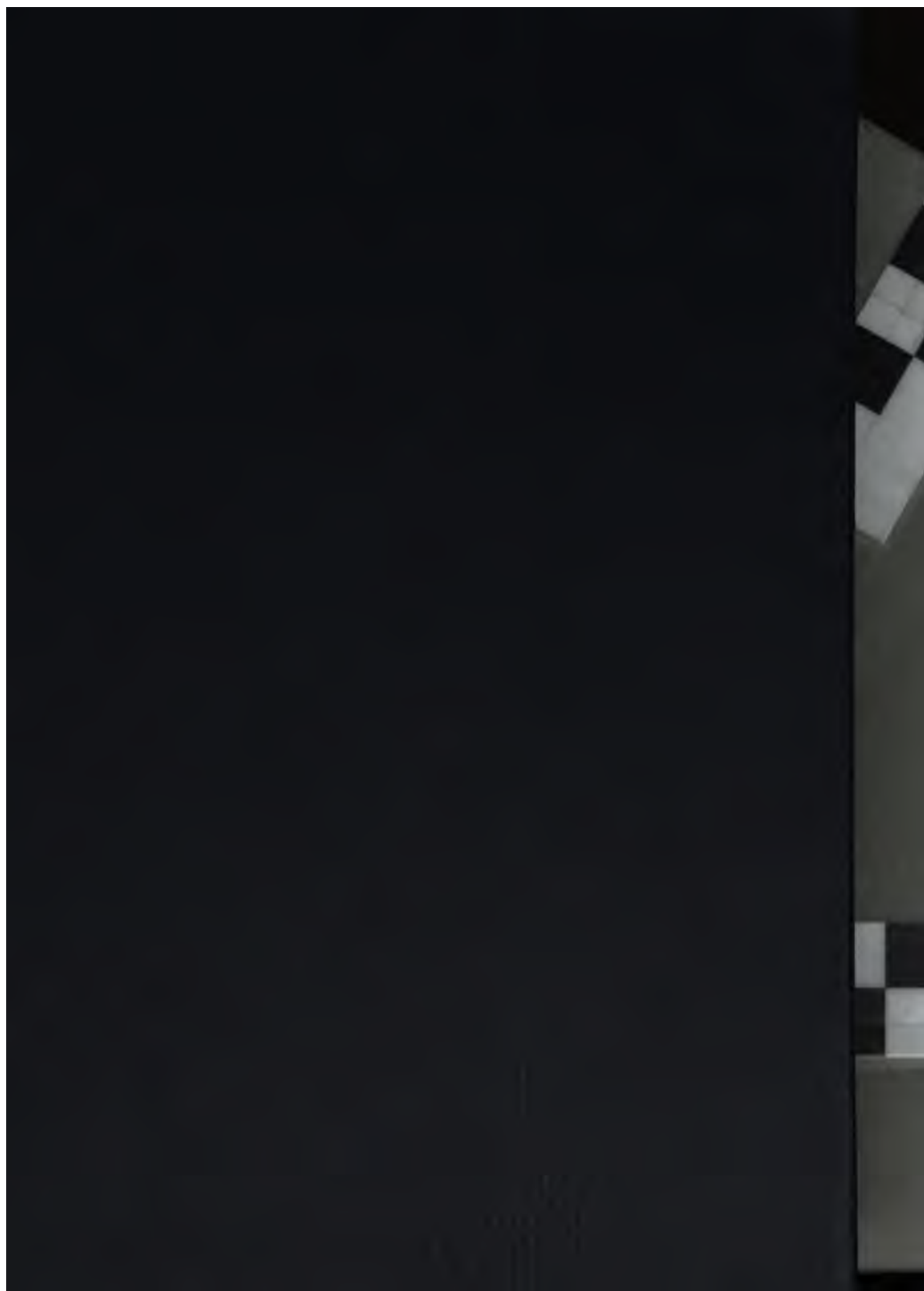
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

*** * ***

**This is an authorized facsimile of the original book, and was
produced in 1968 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

*** * ***

Bulgarian Fairy Tales
" СОЧИНЕНІЯ

ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ор 8098
x250933

Жини съ нии надѣнѣ — и въ комъ не сыщешъ пашенъ?
Когда жъ поспранешвуешь, воропнишья домой:
И дымъ опечеснива намъ сладокъ и пріагнѣ!

А. Грибондовъ.

v. 2

Томъ второй.

Часть третья.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи И. Греча

1827.

R+1

Bulgarian Fables & Legends
" СОЧИНЕНІЯ

ОАДДЕЯ БУЛГАРИ

Жинь съ ними надѣенъ — и въ комъ не сыщенъ пашень?
Когда жъ поспрашевуень, воропнишься домой:
И дымъ опечеснива намъ сладокъ и пріашень!

А. Грибодовъ.

Томъ второй.

Часть третья.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча

1827.

R41

PG3321

B8

1827a

v. 2

PG 3321
B8
1827

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ лпѣтъ, чпобы по напечатаніи, до выпуска изъ шп-
пографіи, предснавлены были въ Цензурный Комитетъ
семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда
сѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Ми-
варя 1 дня 1827 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ
Константинъ Сербиновичъ.*

104837

1827.

T. 1, 4, 3

МОДНАЯ ЛАВКА.

Н Р А В Ы.

— N° I. —

М О Д Н А Я Л А В К А ,

И Л И

ЧТО ЗНАЧИТЬ ФАСОНЪ?

(Посвящается всемъ добрымъ
мужьямъ.)

Однажды дверь съ шумомъ отворилась въ мой комнаѣ, и вошелъ старый мой воспитанникъ, съ которымъ мы не видались 25 лѣтъ. Сначала мы было не узнали другъ друга, но вспомнивъ наши дѣтскія и юношескія лѣта, сердечно обрадовались сему свиданію, бросились обниматься, и наконецъ стали рассказывать другъ другу свои похождения. Мой совоспитанникъ говорилъ такимъ образомъ: „Ты знаешь, что Философы называютъ жизнь Драмою; я прожилъ около полувѣка, и

Часть III.

теперь играю 3-е дѣйствіе моей пьесы. Первое дѣйствіе, т. е. по выпускѣ изъ Корпуса въ Артиллерію, провелъ я въ военной службѣ. Это самая веселая часть сей Драмы. Я служилъ, отчасти хорошо, отчасти лѣнливо, велъ себя честно, но не всегда добронпорядочно, игралъ въ карты, танцевалъ мазурку, влюблялся; иногда мимоходомъ заглядывалъ въ книги, и такимъ образомъ проводя время, таскался за моею пушкою по бѣлому свѣту, и безпощадно стрѣлялъ въ Турокъ и Французовъ ядрами и картечами. Уже я попалъ на путь, ведущій въ храмъ славы и почестей: получилъ знакъ отличія и Штабъ-Офицерскій чинъ. Уже обманчивая надежда, въ облакѣ пороховаго дыму, указывала мнѣ Генеральскіе эполеты и пр. и пр. Вдругъ всѣ мои мечтанія исчезли: Французскій егеръ однимъ выстрѣломъ остановилъ мое стремленіе къ безсмертію, перешибъ мнѣ ногу пулею, принудилъ опрешпироваться въ деревню, и заставилъ кончить первое дѣйствіе. — Пріѣхавъ домой, я сначала былъ неутѣшенъ. Честолюбіе мучило меня болѣе, нежели моя рана; но вскорѣ я опомнился, уви-

рившись, что съ благими наміреніями, можно и въ деревнѣ быть полезнымъ человѣчеству, стало быть и отечеству. — Я рѣшился не выѣзжать изъ моей деревни, и заняться благосостояніемъ крестьянъ, которыхъ судьба ввѣрила моему попеченію. Здѣсь начинается второе дѣйствіе моей Драмы. Я удобрилъ пашни, развелъ плодовые сады у поселянъ, размножилъ стада, уменьшилъ оброкъ, завелъ школу, выстроилъ церковь, нашелъ умнаго Священника, однимъ словомъ, дѣлалъ, что только могъ, для образованія моихъ крестьянъ и ихъ благосостоянія. Въ свободные часы занимался изученіемъ Латинскаго и Греческаго языковъ, чтеніемъ отличныхъ книгъ, и десять лѣтъ промчалось, какъ десять дней. Наконецъ мнѣ захотѣлось имѣть подругу, помощь и утѣшеніе въ жизни — т. е. я вознамѣрился жениться. Долго не могъ я рѣшиться, и все откладывалъ отъ году до другаго; наконецъ самолюбіе подстрекнуло меня, и заставило вступити въ супружеское состояніе. Дальніе родственники начали беспокоить меня вѣжливыми письмами и посѣщеніями, и въ нашемъ околоткѣ уже погова-

ривали о богатомъ наслѣдствѣ, которое я для нихъ прочилъ. Это меня взбѣсило, и я пожелаалъ имѣть моихъ собственныхъ наслѣдниковъ. Выборъ мой палъ на дочь моего соседа, дѣвицу умную, прекрасную, добрую и къ тому жъ воспитанную въ деревнѣ; она платила меня своею любезностію, ласковымъ обхожденіемъ и невинностію. Я женился, и симъ началъ 3-е дѣйствіе моей пѣссы. Вошь уже вѣтъ, какъ я обладаю этимъ сокровищемъ, люблю жену мою безъ памяти, и (какъ кажется) любимъ взаимно. Умѣю чувствовать цѣну всѣхъ ее добродѣтелей и любезныхъ качествъ, но при всей моей любви, не такъ слѣпъ, чтобъ не видѣть ее недостатковъ. Мы все смертные, подвержены однимъ законамъ въ любви, и только предъ свадьбой не примѣчаемъ недостатковъ и слабостей въ нашихъ суженыхъ. И такъ знай, что жена моя принадлежитъ къ тѣмъ земнымъ существамъ, которыя всю жизнь грезятъ, и живутъ воображеніемъ въ надоблачномъ мірѣ, гдѣ кусточки и листочки разговариваютъ между собою, гдѣ сладостная нежность и упоеніе чувствъ служатъ имъ пищею, вздохи

ческія имена мужескаго и женскаго рода, заглавія Комедій и Романовъ, разныя хпмическія и импералогическія выраженія, но все такъ перемѣшано, въ примѣненіи къ названіямъ леншъ, капошовъ, перьевъ и шляпокъ, что я не могъ довольно надивиться изобрѣтательному духу Французскаго народа, и понятливости нашего! Хозяинъ, или, какъ онъ называлъ себя, *мужъ хозяйки*, во время чтенія моего пріятели, отъ радости нѣсколько разъ перемѣнялся въ лицѣ. Онъ повторилъ свою просьбу, чтобы мы подождали хозяйку, которая сего дня должна непременно пріѣхать съ дачи къ завтраку. Въ это время прекрасная карета, запряженная парой лошадей, подъѣхала къ крыльцу, и женщина среднихъ лѣтъ, въ богатомъ нагнже, и въ бѣлой Турецкой шали, взошла на лѣстницу. Хозяинъ бросился опрощеніемъ къ дверямъ и встрѣтилъ даму съ низкимъ поклономъ. Мы сперва подумали, что это какая нибудь зажиточная барыня, но вскорѣ узнали, что сія дама есть сама хозяйка.

Пріятель мой, примѣтивъ работящество мужа, и видя, что онъ играетъ ролю всепокорнѣйшаго и усерднѣйшаго слуги предъ своею

женою, нѣсколько обрадовался и утѣшился. Вообще мы любимъ встрѣчать наши слабости въ другихъ людяхъ: это нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ.

Мадамъ, услышавъ отъ своего мужа о спискѣ моего пріятеля, чрезвычайно разнѣжилась, просила насъ войти во внутреннія комнаты и позавтракать съ нею. Мы согласились, а мужъ хозяйки занялся между тѣмъ выкладкою счетовъ и разсматриваніемъ вещей, пребуемыхъ моимъ пріятелемъ.

Въ то время, какъ мы пили Левантскій кофе изъ драгоцѣннаго фарфора Севрской фабрики, вошла дѣвушка, держа въ рукахъ ситцевое платье и простой пепинетовый чепчикъ, и уведомила, что человекъ пришелъ за нами. Я спросилъ у хозяйки, для чего она занимается такими маловажными вещами, каковы напримѣръ ситецъ и пепинетъ. — „Какая мнѣ нужда?“ отвѣчала она: „сiасин а son gout (у всякаго свой вкусъ); пусть одѣваются хоть въ рогожки — мое дѣло *фасонъ*.“ — „Сколько стоитъ подобное ситцевое платье?“ подхватилъ мой товарищъ.

— „Пятьдесятъ рублей!“ отвѣчала хозяйка.
 — „Помилуйше!“ вскричали мы въ одинъ голосъ. „За что же?“ продолжалъ мой пріятель: „мнѣ извѣстно, что самый лучший ситецъ продается въ Гостинномъ дворѣ по 2 рубля съ полтиной; на это платье довольно 9 аршинъ, и такъ все стоитъ 22 рубля съ полтиной; за работу довольно 3 рублей, за что же остальные 19 рублей съ полтиной?“ — „Мы беремъ не за работу, но за *фасонъ*!“ отвѣчала хозяйка. — „Этотъ *фасонъ*, есть самый дорогой товаръ въ вашей лавкѣ,“ примолвила я. „Позвольте спросить, что стоитъ этотъ пепинетовый чепчикъ?“ сказала мой товарищъ. „Бездѣлица,“ отвѣчала хозяйка: „25 рублей.“ Товарищъ мой старый Архиллернестъ, слѣдовательно Математикъ, и какъ свѣдущій въ женскихъ нарядахъ, снова сталъ расчитывать. „Аршинъ пепинету продается въ Гостинномъ дворѣ по 2 рубля съ полтиной,“ говорилъ онъ: „здесь не болѣе $\frac{3}{4}$ аршина, и такъ весь пепинетъ стоитъ 1 рубль 87 копѣекъ; 3 аршина лентъ недорого 1 рубль 50 копѣекъ, а потому весь приборъ продается въ 3 руб. 37 коп. За что же осталь-

пья 21 руб. 63 копейки?" — „Какою цѣною вы продаете эту легкую прозрачную шляпку?" спросилъ я: „только одинъ букетъ припоминаешь, что она сдѣлана изъ произведеній земли, а не изъ облаковъ." — „Все это стоитъ только 40 рублей!" отвѣчала хозяйка. Пріятель мой снова принялся за Математику, и высчиталъ, что газъ, букетъ, ленты и проволока стоятъ 20 рублей. — „Неужели за работу такой бездѣлки вы берете 20 руб.?" сказалъ онъ, нахмуривъ брови. — „Не за работу, но за *фасонъ*!" отвѣчала хозяйка, улыбаясь. — „Но что значитъ это *фасонъ*?" спросилъ я: „въ Словарѣ Французской Академіи сіе слово означаетъ форму, видъ, образъ, сообщаемый художникомъ или ремесленникомъ своему произведенію." — „Это обыкновенное значеніе слова," сказала хозяйка: „но въ техническомъ смыслѣ, оно представляетъ собою другое." — „Пожалуйста располкуйте намъ," сказалъ я хозяйкѣ, ваше техническое слово *фасонъ*!" И товарищъ мой повторилъ мою просьбу. — „Очень хорошо!" отвѣчала хозяйка: „но дайте мнѣ честное слово, что вы въ моемъ магазинѣ сдѣлаете всѣ ваши ком-

мисія; утѣрю васъ припомъ честью модной торговли, что вы нигдѣ не найдете дешевле; ибо *фасонъ* (примолвила она, улыбаясь) существуетъ во всѣхъ модныхъ лавкахъ подъ однимъ *фасономъ* (*).“ Мы дали честное слово и хозяйка продолжала такимъ образомъ: „*фасонъ* значить: наемъ квартиры и магазина, содержаніе служивелей, плаща швеямъ, выписка моделей изъ Парижа, нитки и иглы, мебели, дача за городомъ, ложа въ Театрѣ, экипажъ, столъ, одежда, *parties de plaisir* (забавы), и наконецъ капиталъ, съ которымъ надобно будете возвращишься во Францію, проживъ нѣсколько лѣтъ подъ 59°, 56' 2" сѣверной широты.“ — „Нѣтъ спору,“ сказалъ я: „что всякій долженъ имѣть вознагражденіе за свои труды; но это вознагражденіе должно быть соотвѣтственно употребленію и прочности предметовъ. Напримѣръ, мраморъ и бронза не могутъ быть сравняемы съ газомъ и ашласомъ. Одно существуетъ въ продолженіе вѣковъ, а существо-

(*) Я можеть бытъ не слишкомъ вразумительно перевелъ это французское слово: *parce que la façon existe par-*

ваніе другаго щитається минутами; и такъ въ вещахъ, столь скоропреходящихъ, 21 рубль 63 копейки барыша на 3 рубля 37 коп. капитала, мнѣ кажется болѣе, нежели излишнимъ.“

— „Но развѣ вы ни во что ставите,“ возразила хозяйка: „прудъ умственный и усилія воображенія, чтобы изъ этихъ тряпокъ (*des chiffons*) составить предметъ роскоши и моды, обращающій на себя вниманіе лучшаго общества въ столицѣ? Произведенія моды суть творенія генія, и должны цѣниться такимъ же образомъ, какъ произведенія Поэзіи, Живописи и Ваянія, а не такъ, какъ черная работа портныхъ и домашнихъ швей. Здѣсь оцѣняется не матеріалъ, но изобрѣтеніе и вкусъ. Умъ, дарованія, знаніе свѣта и человеческого сердца вездѣ получаютъ награду.“

— „Позвольте вамъ замѣтить,“ сказала я: „что вы, говоря о произведеніяхъ ума, безъ сомнѣнія говорите не о книгахъ, потому что у насъ произведенія ума въ семъ отношеніи....“

Хозяйка въ жару разсказа, не дала мнѣ кончить, и громко воскликнула: „Все равно, все равно! въ каждомъ родѣ торговли умъ есть первое условіе и главнѣйшій товаръ. Торго-

вый умъ состоятъ въ томъ, чтобы въ расчетахъ принимать въ соображеніе не умы, а слабости человѣческія. — Кто работаетъ для умныхъ людей, тотъ не многого долженъ надѣяться, во-первыхъ потому, что умныхъ людей вездѣ не много, а во-вторыхъ, что они слишкомъ разборчивы и взыскательны. Умные люди должны имѣть дѣло съ тщеславіемъ и самолюбіемъ, и тогда вѣрный успѣхъ. Лучшія вывѣски въ торговыхъ оборотахъ суть: новость, дорогая цѣна и болѣе наружнаго блеску, нежели внутренняго достоинства. При всемъ этомъ, чтобы продать товаръ лицомъ, надобно уметь льстить самолюбію покупателей; напримѣръ: если пожилая или бывшая красавица, примѣривъ у меня шляпку, и спросивъ о цѣнѣ, скажетъ: я послѣ заѣду за ней; (это обыкновенная отговорка людей, нежелающихъ купить вещь); тогда мужъ мой, какъ будто печально взглянувъ, восклицаетъ: Ахъ, какъ вамъ это къ лицу! — Я съ своей стороны съ удивленіемъ говорю: прекрасно, безподобно! (*C'est charmant!*) — и скупая дама, воображая, что моя шляпка произведетъ нѣ же самыя ощущенія во

всѣхъ бульварныхъ щеголяхъ, поупастъ шляпку. Когда какой нибудь дамъ понравится готовое платье, то я увѣряю, что оно заказано Графиней или Княгиней N. N., которая хочетъ *первая* въ городѣ показаться въ этомъ модномъ нарядѣ. Слова *первая во всемъ городѣ*, какъ электрическая сила, потрясають сердце, ибо почти каждая женщина почтиваетъ себя *первою* во всемъ городѣ, и платье мое, которому, можетъ статься, должно было испѣть въ темномъ углу моего магазина, продается съ добрымъ *фасономъ*. Вотъ вамъ вкратцѣ изъясненіе слова *фасонъ* и пайпа модной торговли. Но извините, что я должна прервать нашъ разговоръ: мнѣ надобно заняться дѣлами, и если вамъ угодно сдержанъ ваше слово, то прошу доставить мнѣ списокъ вашихъ надобностей, и чрезъ нѣсколько дней все будетъ готово къ вашимъ услугамъ.“

Пріятель мой, опустивъ руку въ боковой карманъ, долго медля вынулъ роковой списокъ. „Не затрудняйся, любезный другъ!“ сказалъ я: „слово насъ связываетъ; приномъ же мы обязаны здѣсь благодарностию за оп-

УРОКЪ ФАНФАРОНАМЪ И ВЪТРЕННИКАМЪ.

Французамъ перестать пора!
Державинъ.

Вы знаете, любезные читатели, странности и причуды пріятеля моего Архипа Оаддеевича, который смотритъ на многіе предметы съ особенной точки зрѣнія, и весьма часто починая дурнымъ то, что другіе находятъ очень хорошимъ, и обратно. Недавно я былъ свидѣтелемъ такой бесѣды, которая привела меня въ удивленіе, и безъ сомнѣнія, изумитъ и васъ: послушайте!

Однажды, когда я сидѣлъ у него, вдругъ подъѣхала къ крыльцу прекрасная карета; молодой, щегольски одѣтый юноша выпрыгнулъ изъ нее, какъ заяцъ, и такъ громко зазвонилъ у дверей, что канарейки встрепе-

пулець въ клѣткахъ, собачка залаяла и копь спряхался подъ постель. Я взялъ шляпу и хотѣлъ идти домой, но Архипъ Ѡаддеевичъ остано-
 вилъ меня. „Пожалуй-ста погоди,“ ска-
 залъ онъ: „это мой племянникъ, который
 никогда не ѣздитъ ко мнѣ, зная, что отъ
 меня нельзя получить ни наслѣдства, ни по-
 кровительства, а въ большомъ свѣтѣ слы-
 дится даже называть меня своимъ дядю, по-
 тому, что не находятъ моихъ визитныхъ
 билетовъ въ знаемыхъ домахъ, что я хожу
 пѣшкомъ и не одѣваюсь по модѣ.“ — „Хо-
 рошъ племянничекъ!“ сказалъ я. — „Виро-
 чемъ, онъ очень добрый малый,“ примолвилъ
 Архипъ Ѡаддеевичъ: „и всѣ его недостатки
 происходятъ отъ вѣтренности, пустыхъ зна-
 комствъ и неосновательнаго воспитанія. Онъ
 получитъ теперь порядочный урокъ — уви-
 дишь.“ — Между тѣмъ юноша вбѣжалъ въ
 комнату, остановился у дверей, посмотрѣлъ
 на насъ въ двойной лорнетъ, и не обращая
 на меня вниманія, приблизился къ столу, за
 которымъ сидѣлъ Архипъ Ѡаддеевичъ, и про-
 тянувъ къ нему руку весьма фамиліарно,
 сказалъ шопомъ покровительства: „bon jour,

mon oncle!“ Потомъ придвинулъ стулъ, развалился на креслахъ, положивъ шляпу на столъ, зѣвнулъ два раза и, устремивъ глаза въ потолокъ, сказалъ: „Eh bien, mon oncle! За какимъ важнымъ дѣломъ вы призвали меня къ себѣ?“ Архипъ Фаддеевичъ въ это время дѣлалъ какія-то замѣчанія карандашомъ въ своей записной книжкѣ, и наморщившись, отвѣчалъ: „Прежде, нежели приступлю къ дѣлу, я долженъ припомнить тебѣ, что этогъ господинъ (указывая на меня), котораго ты непримѣчаешь, не Князь Певидимка, но лучший другъ твоего дяди, пріятель покойнаго твоего отца, любитель просвѣщенія и заклятый врагъ безпалатныхъ Поэтовъ и невѣждъ Словесниковъ. Ему даже Князья реноменсны дѣлающъ честь, сочиняя на него Сатиры и Эпиграммы, а это самое вѣрное доказательство, что сужденія его объ ихъ произведеніяхъ справедливы. Следовательно тебѣ надлежало почтись его пріѣздомъ.“ — При воспоминаніи о Князьяхъ, юноша обратилъ взоры съ потолка на меня, и когда Архипъ Фаддеевичъ кончилъ длинное свое прѣсловіе, онъ кивнулъ головою и сказалъ: „Par-

don... charme... очень радъ знакомству!“ не заботясь впрочемъ узнать мое имя. Я, поклонившись ему вѣжливо, спокойно ожидалъ развязки этой комедіи. — „Ты знаешь, племянничекъ, что у тебя есть богатая пестушка, моя двоюродная сестра, бездѣтная вдова, которая лѣтъ двадцать живетъ безвыѣздно въ деревнѣ?“ — „Какъ не знать!“ — отвѣчалъ юноша: „она помѣщена у меня на первомъ мѣстѣ въ списокѣ кандидатовъ, которые должны обогатить меня наслѣдствомъ. У меня уже торгуютъ ся деревню....“ — „Постой, не поропись, племянничекъ, не продавай шкуры съ живаго медвѣдя. Прочитай вотъ эти строки въ ея письмѣ ко мнѣ.“ Племянникъ прочелъ въ слухъ: „Посылаю тебѣ, братецъ, Архипъ Фаддеевичъ, ломбардный билетъ на десять тысячъ рублей; ты отдашь его племяннику моему Харитону....“ — Юноша бросилъ письмо, и закричалъ громко: „безподобно — въ самую пору, — пожалуйста билетъ, дядюшка!“ — „Прочти до конца, любезный племянникъ!“ — „Зачѣмъ?“ — отвѣчалъ юноша; „лучше этого выраженія вѣрно нѣтъ въ письмѣ, а отъ нѣжныхъ изъ-

ясней я охотно увольняю милую тетюшку.“
 — „Прощу тебя, читай далѣе.“ Должно
 было повиноваться, и юноша продолжалъ:
 „Ты отдашь его племяннику моему Харитону
 въ такомъ случаѣ, если найдешь, что онъ
 ведетъ себя хорошо, не зараженъ несноснымъ
 фанфаронствомъ Французскихъ щеголей, ко-
 торые изъ нашей матушки Россіи хотятъ
 сдѣлать клѣтку съ попугаями; когда удо-
 стовѣришься, что онъ душевно и пламенно
 любитъ свое отечество, служитъ вѣрно и
 усердно Государю, исполняетъ всѣ обязанно-
 сти, возлагаемыя на честнаго человѣка Вѣ-
 рою опцевъ его; когда не входитъ въ долги;
 когда прилежитъ къ усовершенствованію се-
 бя въ Наукахъ и въ Русской Словесности,
 чтобы быть полезнымъ чиновникомъ, а не
 вѣчнымъ переписчикомъ, чтобы....“ — „Это
 слишкомъ длинно, дядюшка!“ сказалъ юно-
 ша, положивъ пошхоньку письмо на столъ:
 „впрочемъ я согласенъ, что правоученіе пре-
 красное, и годится даже въ печать, а между-
 тѣмъ пожалуйста мой ломбардный билетъ;
 мнѣ право нѣкогда, я долженъ еще сдѣлать
 нѣсколько визитовъ.“ — „Погоди, другъ мой!“

— сказалъ важно Архипъ Ѡаддеевичъ: „я привыкъ въ точности исполнять всѣ порученія, и потому, прежде окончательнаго рѣшенія, долженъ прочесть тебѣ нѣкоторые обвинительные пункты противу тебя, по смыслу тетушкина письма.“ — „Обвиненія противу меня!“ сказалъ юноша, засмѣявшись во все горло: „C'est un peu fort! Спросите у всѣхъ знатныхъ дамъ, кто любезнѣе и довѣе всѣхъ въ обществѣ. Спросите у моихъ начальниковъ, кто составляетъ ихъ любимую партію въ вѣстѣ. Спросите у товарищей, кто лучше ихъ кормишь. Всѣ, всѣ укажутъ вамъ на меня, на вашего любезнаго племянника! Пожалуйте, дядюшка, мой ломбард-ный билетъ.“ — „Все это очень хорошо, но билета я тебѣ не отдамъ, пока ты не выслушаешь моихъ пунктовъ обвиненія.“ — „Извольте, слушаю!“ сказалъ юноша, сѣлъ въ креслы, облокотился на столъ и, закрывъ лице платкомъ, началъ зѣвать.

Архипъ Ѡаддеевичъ читаетъ изъ записной своей книжки. „Первое: *преступленіе противу любви къ отечеству*. Племянникъ мой перемѣняетъ свое прозвище, облагорожен-

ное въ бояхъ и въ судѣ его предками, и самое имя, данное ему при Святомъ Крещеніи.“ — „Что это значить дядюшка?“ воскликнулъ юноша съ удивленіемъ. — „Тебязовутъ Харипономъ Хищучинскимъ: а вотъ посмотри на свою визитную карточку. Здѣсь напечатано Chariton Chistchoutschinsky, что по настоящему Французскому произношенію будетъ: Каритонъ Шисшпъ-шунъ-шенской. Это названіе какого нибудь Китайскаго Мандарина, а не Русскаго дворянина, и ни одинъ Русскій изъ этой галимашьи не признаетъ себя своимъ землякомъ.“ — „Но это общая мода, дядюшка, писать свою фамилію по Французски на визитныхъ билетахъ.“ — „Стыдно, сударь, въ Россіи, въ одной изъ первыхъ Державъ въ мірѣ, употребляютъ чужеземный языкъ для подписи своего прозванія. Если мы дѣлаемъ честь иностранцамъ, обучаясь ихъ языкамъ, они могутъ сдѣлать столько для насъ, чтобы по крайней мѣрѣ выучиться азбукѣ для чтенія нашихъ именъ. — Для Русскихъ же это прибавленіе десяти буквъ къ своему прозванію вовсе ненужно.“ — „Что странно!“ сказалъ племянникъ.

„Нѣтъ, а требованіе народной гордости. Позволь спросить, твоя ли это карета?“ — „Моя, дядюшка; я наконецъ заплатилъ за нее.“ — „Для чего же на дверцахъ написаны заглавныя буквы чужаго прозванія: С. С.?“ — „Но это заглавныя буквы моего имени и фамиліи по-Французски. — „Ну, вошь и по-Французски, эти два С. значать: перестань дурачиться (*). Не стыдно ли тебѣ, собственность свою клеймить иностранными буквами въ Россіи, которая доставила тебѣ эту собственность! Русскій челоуѣкъ подумаетъ, что ты ѣдешь въ чужомъ экипажѣ, и по неволѣ почтешь тебя или банкротомъ или хвасуномъ.“ — „Это отчасти и правда!“ сказалъ юноша. — „Я у тебя былъ вчера, когда тебя не было дома, и видѣлъ, что твой кабинетъ украшенъ богатымъ собраніемъ книгъ. Къ удивленію моему, я не нашелъ ни одной Русской книги въ твоихъ богатыхъ шкафахъ. Видѣлъ Исторію Женевы и Санъ-Марино, но не нашелъ Исто-

(*) С. С. произносится какъ *sassez*, что значитъ: перестань.

рин Государства Россійскаго. Видѣлъ Данта, Петрарка, Ламартина и Богъ вѣсть кого, но не видалъ ни Крылова, ни Жуковского, ни Батюшкова, ни Державина, ни Ломоносова. Видѣлъ на столѣ Парижскіе модныя Журналы, и не видалъ ни одного Русскаго. Видѣлъ на стѣнахъ, малеванье Италіянскихъ учениковъ, и не примѣтилъ ни одной картины Русскаго Художника! Я очень радъ, что ты знаешь иностранные языки: употребляй ихъ на пользу службы и для собственнаго своего образованія; говори съ иностранцами ихъ языкомъ, и даже въ Русскомъ обществѣ, гдѣ находились чужеземцы, употребляй для разговора ихъ языкъ изъ вѣжливости, чтобы сдѣлать ихъ участниками разговора. Все это очень хорошо и позволительно. Но къ чему это безпрестанное болтанье по-Французски, въ домашнемъ кругу, съ пріятелями, съ Русскими, въ Русскомъ обществѣ? И сами Французы смѣются надъ нами за это малодушное опрѣченіе оиъ драгоцѣннѣйшаго достоянія, оиъ языка народнаго, и называютъ нашихъ нешменровъ Французскими попугаями. Иѣкоторые иностранцы осмѣливаются даже

писать, что на нашемъ варварскомъ языкѣ нельзя изъяснить ни мыслей, ни чувствованій образованнаго человѣка. — Не обидно ли такое сужденіе, къ которому подаете поводъ, вы, господа не-Русскіе земляки! — Еще прибавьте вашъ Русскій языкъ, перемѣшанный Французскими фразами и словами, передѣланными на Русскую статью. Это доказываетъ, что вы думаете по-Французски, а въ головѣ, которая въ Россіи думаетъ обо всемъ по-Французски, не могутъ родиться мысли Русскія, патріотическія. Если жъ вы принуждены говорить по-Русски, то изъясняетесь, какъ модныя шортовки, безъ правилъ, безъ связи. Посмотри, племянничекъ, на благородное Англійское юношество, которое получаетъ высокое образованіе въ оплочѣйшихъ Университетахъ, знаетъ многіе языки, но почитаетъ за безчестіе говорить иначе между собою, какъ на отечественномъ языкѣ. Даже ихъ фанфароны, пешименры (fashionables) ограничиваются однимъ щегольствомъ, и то не подражаютъ Французамъ, а выдумываютъ свои собственныя, Англійскія моды, и засмѣиваютъ даже Французовъ перенимать

у нихъ редигоши, клоки, галстухи и п. п. А нашъ иной Русскій баричъ все свое самолюбіе ограничиваетъ тѣмъ, чтобы быть одѣтымъ, какъ Парижская модная картинка, и чтобы по языку и ухванкамъ быть похожимъ на Французскаго вертопраха. Скажи по совѣсти, племянникъ, не есть ли все это *преступленіе противу любви къ отечеству*? Не есть ли это оскорбленіе народной гордости, и того ли желалъ Петръ Великій при преобразованіи Россіи? — „Все ли, дядюшка?“ сказала племянникъ. — „Нѣтъ, выслушай второй пунктъ обвиненія. *Преступленіе противу добрыхъ нравовъ*.“ — „Дядюшка! это ужасно!“ возразилъ юноша въ смущеніи. — „Не бойся: я не вхожу въ дальнія изслѣдованія твоего поведенія, а укажу только на публичныя твои поступки. Напримѣръ, въ концертѣ, ты всегда останавливаешься у входа съ подобными тебѣ *рыцарями пусто-словія*, заглядываешь нескромно въ лице дамамъ, чрезъ свое графинное стеклышко или лорнетъ, хохочешь, говоришь на ухо товарищамъ, смотря въ глаза другимъ; послѣ этого проталкиваешься въ залъ на первое

мѣсто, говоришь громко всякій вздоръ, судишь безтолково объ артистахъ, мѣшаешь другимъ слушать, акомпанируя извѣстныя шебъ аріи козлинымъ своимъ голосомъ; не уважаешь въ публикѣ ни чиновъ, ни дѣтъ, ни пола, и чѣмбы показаться ловкимъ, дѣлаешься безстыднымъ. То же самое дѣлаешь ты и въ Театрѣ: говоришь, или лучше скажешь, кричишь во время игры актеровъ, толкаешься у входа и выхода, топчешь ноги скромныхъ зрителей, и заставляешь опасаться своего сосѣдства, какъ встрѣчи съ бѣшеною собакою, будучи готовъ сказать всякому грубость или дать пощечку. На прогулкахъ, ты, взявшись за руки съ подобными шебъ куклами, идешь на проломъ; сгоняешь всѣхъ съ дороги, кричишь, говоришь неприличныя вещи, не взирая на присутствіе дамъ; произносишь громогласное сужденіе объ ихъ красотѣ; отворачиваешься отъ знакомыхъ, чѣмбы не ломать шляпы, не примѣчаешь старшихъ. Все это прилично Парижскимъ лавочнымъ сидѣльцамъ, а не Русскому образованному дворянину. Это дѣлаетъ соблазнъ скромнымъ людямъ, и заражаетъ другихъ юношей.“

— „Конецъ ли, дядюшка?“ — „Нѣтъ, еще *третій* пунктъ: *Преступленіе противу здраваго разсудка*. Рыская по улицамъ и изъ дома въ домъ, ты не имѣешь времени ни порядочно служить, ни размышлять, ни учиться, ни читать. Однако жъ, сколько разъ намъ случалось быть вмѣстѣ, я примѣчалъ, что ты хочешь судить о всѣхъ предметахъ; называешь негоднымъ все, чего ты не знаешь и не понимаешь, и всѣхъ людей, занимающихъ высшія мѣста, провозглашаешь неспособными. Крипикуешь все, не изслѣдовавъ ничего. Выучивъ нѣсколько фразъ изъ Вольтерова, такъ называемаго Философическаго Словаря, нѣсколько стиховъ изъ Расина и Мольера, прочитавъ одинъ или два параграфа въ Политической Экономіи Сея, и выучивъ наизусть имена Беншама, Беккарин и Филанжери, ты считаешь себя Философомъ, Политикомъ, Литераторомъ, Законодателемъ, и мелешь такой вздоръ, что уши вянутъ! Тебѣ уступаютъ въ спорѣ, изъ сожалѣнія къ твоему невѣжеству и ради громкаго твоего голоса, а ты принимаешь это данью твоей премудрости. Всѣ умные люди считаютъ

тебя шутомъ, а ты думаешь, что ты истрой моды и образецъ юношества. Образуясь, племянничекъ, и вѣрь, что я говорю тебѣ правду. Пропускаю статьи о твоихъ *долгахъ*, о *службѣ*, о *поведеніи*, потому, что и *трехъ* пунктовъ починаю доснапочнымъ къ твоему обвиненію, и кончу рѣчь.“ — „Кончите!“ воскликнулъ племянникъ: „слава Богу! Довольно вы меня намучили! пожалуйте же мой ломбардный билетъ!“ — „Нѣтъ, любезный племянникъ, я кончу рѣчь не отдачею билета, а желаніемъ, чпобы ты исправился, и изъ обезьяны сдѣлался человекомъ.“ — „Вы шутите, дядюшка?“ — „Ни мало, а только исполняю въ точности порученіе твоей тѣтки.“ — „Въ письмѣ вѣрно отдать мнѣ ломбардный билетъ въ десять тысячъ рублей.“ — „Но это не главное содержаніе письма.“ — „Помилуйте, дядюшка, можетъ ли быть въ письмѣ что нибудь *главное* денегъ!“ — „А условія?“ — „Это пустяки!“ — „Для пустой головы, все пустяки; но я тебѣ объявляю не шутя, а торжественно, офиціально и при свидѣтеляхъ, что я денегъ тебѣ не дамъ, а опошлю обратно къ

сестрѣ, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, этотъ случай *будетъ урокомъ для многихъ фанфароновъ и вѣтрениковъ.*“

Юноша не отвѣчалъ ни слова, закусила губы, взяла шляпу и, не поклонившись, вышла изъ комнаты. Я подошелъ къ окну, и слышалъ, что онъ, сядя въ карету, говорилъ громко: „медвѣдь, чудакъ, оригиналь!“ — Когда дверцы кареты захлопнули, онъ закричалъ: „пошелъ въ лавку Королева!“ — „Вашъ племянникъ хочетъ утѣшить себя устрицами!“ сказала я Архипу Фаддеевичу. — „Онъ самъ похожъ на устрицу;“ отвѣчалъ раздраженный старикъ: „живешь безъ плана, безъ цѣли, существуетъ для моды и модою, и будешь поглощенъ лѣнью и бездѣйствіемъ, не оставивъ послѣ себя на землѣ никакого слѣда, кромѣ своей земной оболочки, т. е. бесполезной раковины.

НѢЖНАЯ МАМЕНЬКА

И

НАСТАВНИКЪ,

ИЛИ

ПЛАНЪ МОДНАГО ВОСПИТАНІЯ.

Маменька. Вы желали прежде познакомиться съ моимъ сыномъ, узнать его способности и послѣ составить планъ воспитанія. Вотъ уже десять дней, какъ вы у насъ въ домѣ, находитесь безотлучно при моемъ сынѣ, и вѣроятно, узнали все, что вамъ знать должно. Что вы о немъ скажете?

Наставникъ. Сударыня!.... Ему пятнадцатый годъ.... и онъ.... въ Наукахъ....

Маменька. Договаривайте: вы хотите сказать, что онъ мало знаетъ.

Наставникъ. Менѣ нежели мало: вовсе ничего. Онъ съ трудомъ читаетъ по-Фран-

пузски и по-Русски, не можетъ написать правильно одной строки, и едва, едва подписываетъ свое имя. О Наукахъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, и кромѣ четырехъ правилъ Ариѳметики, ничего не знаетъ, и кажется ничему не учился.

Маменька. Извините, онъ очень хорошо говоритъ по-Французски.

Наставникъ. То есть, онъ говоритъ по наслышкѣ, отъ того, что этимъ языкомъ говорили съ нимъ съ самаго дѣтства; но онъ не знаетъ ни одного правила.

Маменька. Я провела жизнь въ кругу большого свѣта, гдѣ обыкновенно говорятъ по-Французски, и не могу вспомнить, чтобы мнѣ пригодилося хотя одно правило. Довольно, кажется, понимать и объясняться.

Наставникъ. Но мужчинѣ этого недостаточно; бываютъ обстоятельства....

Маменька. Я вижу, что вы меня не поняли. Ради Бога, не дѣлайте изъ моего сына *угенаго*; это можетъ испорчить его карьеру. Вспомните, что онъ богатъ, очень богатъ, что онъ хорошей фамиліи, въ связяхъ, и что для успѣховъ въ свѣтѣ, ему вовсе не

нужны Науки. Къ тому жъ онъ слабаго сложенія и нѣсколько уже опоздалъ, чтобы учиться многому. Прошу васъ, сдѣлайте изъ него молодого человѣка, который казался бы похожимъ на другихъ людей изъ его круга; чтобы онъ могъ начать и поддерживать незначашій разговоръ, зналъ не правила, а приличія языка, ш. е. съ кѣмъ какъ говорить, чтобы умѣлъ ксшати опмалчиваться; словомъ, чтобы онъ былъ любезнымъ. Вся его ученость должна ограничиваться вытверженіемъ наизусть нѣсколькихъ именъ, чтобы онъ Науки не припаялъ за какую нибудь заморскую птицу, а птицы за Науку. Вы понимаете меня? Такъ, всего слегка, коротко, поверхностно, понѣмножку, безъ затрудненія, болѣе для виду, для свѣта.... Повшоряю вамъ, что онъ очень богатъ, и по его положенію въ свѣтѣ, ему нѣкогда будетъ заниматься Науками и употреблять ихъ въ пользу, хотя бы онъ былъ гораздо ученѣе васъ!

Пастырикъ. Позвольте вамъ доложить, что хотя я самъ вижу, что для порядочнаго образованія вашего сына прошло драгоценное время, но мнѣ кажется, что надобно уопшре-

бить оспальное на то, чтобы развернуть, сколько возможно, его умственные способности, дать ему ясное и чистое понятие, по крайней мере о Наукахъ, необходимыхъ въ свѣтской жизни, для управленія имѣніемъ и для нѣкоторой способности на томъ поприщѣ службы, которое онъ изберетъ себѣ. Такъ я думаю.

Маменика. Вы выводите меня изъ перпѣнія своими школьными умствованиями. Скажу вамъ на отпѣвъ, что если въ сынѣ моемъ нѣтъ здраваго смысла, то вы не развернете его вашими Науками. Путь къ почестямъ я очищу ему, посредствомъ моихъ фамиллярныхъ и дружескихъ связей. Вспомните, что вы недалеко ушли съ вашею ученостью — безъ протекціи, и что напротивъ, всѣ бывающіе у меня въ домѣ, идутъ въ гору съ протекціей безъ учености: примѣры должны убѣдить васъ. Что касается до управленія имѣніемъ — объ этомъ не безпокойтесь: я сама буду управлять и распоряжаться доходами; понимаете ли? я сама!

Наставникъ. Милостивая государыня! Вы опдаляетесь отъ цѣли въ своихъ отвѣтахъ

на мои возраженія. Я говорю объ *угень*, о необходимости знать *что нибудь*, а вы позволите говорить объ *угености*. Ученымъ хотя и не мѣшаетъ быть богатому человѣку, но это не есть необходимость. *Образованнымъ* ему быть должно непременно, а для этого надобно учиться и знать что нибудь.

Маменька. Ахъ, Боже мой, какъ досадно! Говорю вамъ, что онъ богатъ, въ связяхъ, следовательно *все знаетъ*.

Наставникъ. И такъ мнѣ нѣчего дѣлать въ вашемъ домѣ, сударыня!

Маменька. Вотъ вы и разсердились. Перестанемъ спорить и будемъ хладнокровнѣе. Вы общали составишь планъ воспитанія: готовъ ли онъ?

Наставникъ. Я обработалъ его по своему, но изъ словъ вашихъ вижу, что онъ вамъ не понравился. Прикажете, что мнѣ должно дѣлать: я буду строжайше исполнять вашу волю.

Маменька. Быть такъ! Возьмите бумагу и перо, и пишите.

Наставникъ. Готовъ: что прикажете?

Маменька. Каждое утро, исключая празд-

никовъ, отъ 11 до 12 часовъ, вы будете проходить съ нимъ Исторію и Географію, т. е. вы должны сдѣлать такъ, чтобы онъ безъ большаго труда и усилій затвердилъ имена, болѣе извѣстныя въ Исторіи, и нѣсколько самыхъ блестящихъ дѣлъ изъ жизни героевъ. Онъ долженъ также знать всѣ главные города Европы, и имена нынѣ царствующихъ Государей. Прошу васъ также, рассказать ему что нибудь о любопытныхъ предметахъ на пути изъ Петербурга въ Парижъ, и кое-что о достопамятностяхъ въ столицѣ Франціи, въ Римѣ и въ Неаполѣ, потому, что объ *этомъ* *часто* говорятъ въ общесѣвахъ большаго свѣта. Вотъ, все что должно составлять курсъ Истории и Географіи.

Наставникъ (улыбаясь). Очень хорошо: что далѣе?

Маменька. Два раза въ недѣлю, долженъ навѣщать его учитель Французской Литературы.

Наставникъ. Помилуйте, сударыня, зачѣмъ Литература, когда онъ не знаетъ ни Грамматики, ни Риторики?

Маменька. Какая нужда! — Родствен-

ники и знакомые должны знать, что онъ беретъ уроки Литературы. Учитель долженъ научить его именамъ отличѣйшихъ Авторовъ, особенно драматическихъ, съ объясненіемъ, кто писалъ Поэмы, кто Романы, кто Трагедіи, кто Комедіи, и пересказать въ моего сына свои заключенія о достоинствѣ каждого Автора, особенно драматическаго; объ этомъ также говорятъ *иногда* въ обществахъ Большаго свѣта.

Наставникъ. Далѣе!

Маменька. Разъ въ недѣлю, пускай ходитъ къ нему учитель Математики.

Наставникъ. Разъ просто учитель Арифметики, потому что онъ весьма недалекъ въ ней.

Маменька. Нѣтъ! Эта Математика должна быть только для виду, чтобы сынъ мой зналъ, что такое *углы, круги, шары, треугольники: cela donne du relief!*

Наставникъ. Пускай будетъ по вашему!

Маменька. Къ музыкѣ сынъ мой не имѣетъ никакой склонности: у него нѣтъ *уха*; но все таки учитель музыки долженъ навѣщать его хоть разъ въ недѣлю, чтобы онъ, по

крайней мѣрѣ, могъ разбираться ноты и перевертывать ихъ, когда какая нибудь дама будешь при немъ играешь на фортепیانно. Это даетъ видъ, будто молодой человекъ знаетъ музыку.

Наставникъ. Что еще?

Маменька. Танцевать онъ долженъ *всякій* день, и я поручаю вамъ нанять лучшихъ учищедей, для мазурки и Французскихъ кадрили. Учитель рисованья пускай ходитъ разъ въ недѣлю: главное дѣло не въ рисованьи, но въ томъ, чтобы онъ зналъ нѣсколько, что такое *рисункъ*, что *колоритъ*, что *композиція*, и чтобы онъ выучилъ наизусть имена нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ Живописцевъ. Объ этомъ также *иногда* говоряшь въ обществахъ.

Наставникъ. Что далѣе?

Маменька. Кажется, этого довольно для молодаго человека, которому все улыбается въ свѣтѣ. Ему спойтъ только вступить въ свѣтъ, чтобы понестись въ верхъ на золотыхъ крылышкахъ. Общество образуетъ его, а ваше дѣло ходить съ нимъ гулять въ хорошую погоду по Невскому проспекту, между вторымъ и четвертымъ часомъ, быть непре-

иѣнно во всякомъ Французскомъ спектаклѣ, потому, что это весьма полезно для усовершенствованія произношенія и для ловкости въ разговорахъ, и наконецъ наблюдать спрощайше, чтобы онъ не лѣнился танцовать на балахъ, и приучался разговаривать съ дамами. Последнее средство есть самое вѣрнѣйшее, чтобы развернуть умъ, и, какъ говорится, *donner une jolie tournure* (ловкость въ обращеніи)!

Наставникъ. Вы изволили пропустить два важнѣйшіе предмета, безъ которыхъ я даже не осмѣлюсь приступить къ занятію моего званія, а именно: *Вѣру и Правдивость.*

Маменька. Правда, я позабыла. На первое я согласна. Попросите нашего Священника, чтобы онъ приходилъ разъ въ недѣлю обучать его Капихизису. Что же касается до *нравственности*, то это такъ неопредѣленно, такъ отвлеченно, что я починаю излишнимъ заниматься особенно этимъ предметомъ. Сыно мой долженъ знать, что *прилично*, что *неприлично* молодому человѣку хорошей фамиліи; на что свѣтъ *смотритъ* бо-

— N° IV. —

ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ
АРХИПА ОАДДЕЕВИЧА,

ИЛИ

УТѢШЕНІЯ ВЪ ГОРЕСТЯХЪ.

(Письмо въ Москву, къ Пустыннику
СЕРГІЕВСКОЙ УЛИЦЫ.)

Наскучивъ суешами міра сего, наконецъ и вы, по примѣру многихъ, заплъли: „я въ пустыню удаляюсь!“ — Извините, я вообще не вѣрю городскимъ пустынникамъ. Поселясь въ городъ, вы напрасно будете искать того душевнаго спокойствія, которымъ наслаждаются въ уединеніи, и всегда будете развлекаться въ самыхъ своихъ наблюденіяхъ. Въ обществѣ людей, мы невольно принимаемъ на себя различные виды, по мѣрѣ получаемыхъ нами впечатлѣній: замѣчая, наблюдая,

вы невольно должны сѣяться, сердиться, молчать и говорить, гдѣ бы не слѣдовало: вы должны соблюдать всѣ свѣтскія приличія, чтобъ быть допущеннымъ въ общество. И такъ, гдѣ же ваша пустыня, и какой вы будете пустынный, когда подвергаете себя всѣмъ принужденіямъ, сопряженнымъ съ свѣтскою жизнью? — Я испыталъ это, и удостовѣрлся, что свѣтскому человѣку невозможно сложить съ себя цѣпей приличія и предразсудковъ, пока онъ самъ замѣшанъ въ толпѣ дѣйствующихъ лицъ. Я выдумалъ другое средство для доспаиванія себя уединенія въ большомъ свѣтѣ, а именно, сдѣлалъ себѣ воздушный шаръ для эростать, и странствую на немъ надъ землею, во всякое время, когда мнѣ заблагоразсудится. Шаръ, мой, съ покойною лодочкою, не занимаетъ много мѣста; онъ помѣщается въ моемъ воображеніи, чувство возноситъ его, а небольшой мой умишка управляетъ его полетомъ — и съ тѣхъ поръ я счастливъ!

Судьба поставила меня въ такое положеніе, что по долгу чести и природы, я долженъ ходатайствовать. Приближаюсь къ вс-

ликольпному дому богача. Черезъ открытыя окна, сквозь тонкую пелену Индѣйскихъ тканей, при блескъ бронзы и позолоты, я вижу, какъ онъ прохаживается среди покорной толпы, изгибающейся при каждомъ его словѣ, взглядѣ, движеніи. Позлащенные слуги не удостоиваютъ меня взглядомъ: толстый швейцаръ утѣшается своею фигурою, глядясь въ блестящій набалдашикъ своей палки, и только огромный песъ почтилъ меня своимъ лаемъ, какъ будто желая обратить на себя вниманіе. „Подождите въ передней!“ говорятъ мнѣ. Но я не люблю атмосферы переднихъ: она для меня удушлива; сажусь на мой воздушный шаръ, и улетаю (разумеется въ воображеніи) поверхъ земли. Огромныя палаты богача кажутся мнѣ сверху тѣсною кѣшкою. Взоръ мой гуляетъ по обширнымъ полямъ, открываетъ толпы трудолюбивыхъ поселянъ, которые, подобно муравьямъ, работаютъ для общаго благосостоянія. Легкіе корабли, оживленные промышленностью, какъ пчелы, увиваются предъ моими глазами. Природа красуется въ лучахъ солнечныхъ, и представляетъ мнѣ тысячи разнообразныхъ кар-

пипъ. Въ сладостномъ забвеніи я провожу время, пока меня не позовуть на землю: спускаюсь и терпѣливо переношу нѣсколько непріятныхъ минутъ, за сколько наслаждений. Надменный богачъ не въ состояніи лишиться меня моего воздушнаго шара, слѣдовательно не можешь лишиться меня моего счастья.

Богъ благословилъ посильные труды моего друга: начинанія его увѣнчались успѣхомъ; благородные, великодушные люди надѣлали его данью хвалы и признательности. Защищала зависть, клевета заскрежесала зубамъ, злоба излила свой ядъ. Гдѣ укрыться отъ этихъ непремримыхъ враговъ всякаго достоинства? Напрасно другъ мой говоритъ имъ: „изслѣдуйте жизнь мою, взвѣсьте дѣла мои: они ошголосокъ сердца и тайныхъ моихъ помышлений.“ — Но злоба дѣйствительна: она заглушаетъ голосъ невинности, заграждаетъ путь истины. Уже другъ мой готовъ упасть духомъ, и сдѣлаться жертвою клеветы и зависти — я беру его съ собою на воздушный шаръ, быстро уношу отъ земли, и душа его проясняется. Враги его, съ вы-

соты, кажутся пресмыкающимися, безсильными: вопли злобы не доходятъ до нашего слуха. Движущіяся толпы народныя кажутся намъ морскими волнами, исчезающими одна за другою и ведущими за собою потомство, справедливое и благодарное. Физическая жизнь призываетъ насъ на землю — но воздушный шаръ остается въ распоряженіи моего друга, и онъ становится спокойнѣе и счастливѣе.

Волшебница Цирцея манишь меня къ себѣ востановительною улыбкою. Она хочетъ приковать меня къ своей торжественной колесницѣ. О какъ сладостна лесть въ устахъ прелестной женщины! какую гармонію имѣютъ пѣжныя ея слова! Ты обещаешь быть моимъ другомъ..... не вѣрю..... Однажды нарушенная клятва не возбудишь во мнѣ довѣренности. Возьми мое золото, и отпусти меня свободнымъ. Если бъ у меня не было воздушнаго шара, я сдѣлался бы жертвою коварства: надземныя пространства разстѣли мою слабость.

Вотъ храмъ правосудія. — Здѣсь клянутся соблюдать законъ и правду, судить не *взира*я на лице, защищать невинность, ка-

ратъ притѣснителя, и не руководствоваться никакими посторонними обстоятельствомъ, покровительствомъ, страхомъ или надеждою. Какая священная обязанность! какого уваженія достоинъ праведный судья! — Онъ почетнѣйшій гражданинъ въ обществѣ: ему вѣренъ законъ, эгида гражданского спокойствія. — Но если судья увлекается страстями, корыстью, лестию, если онъ Нѣтъ! не хочу смущать себя горестными мыслями. Скорѣе, скорѣе на воздушный шаръ, и лечу мимо, закрывъ глаза, закинувъ уши. Мимо! мимо!

Зачѣмъ я поѣхалъ на балъ? Танцевать не могу, въ каршы играть не умѣю, готовыхъ фразъ говорить не люблю, а разговаривать тамъ нѣкогда. Хозяинъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать честь приглашеніемъ; я пріѣхалъ изъ благодарности за уваженіе ко мнѣ. Какая странная пародія благороднѣйшихъ чувствованій! какой варварскій языкъ приличій! Модныя дѣвицы заняты собою и своими нарядами, чтобы привлечь взоры и вниманіе богатыхъ юношей. Молодые люди заняты своею ловкостью, красою и своимъ будущимъ

ведичіємъ. Они ищутъ зеркала, а не взглядовъ прелестныхъ. Танцуютъ будто по наряду, шаркая по полу и лѣниво передвигая ноги. Хозяйка хочеть блеснуть своєю любезностью, хозяинъ своимъ великолѣпіемъ. Люди собираются не для веселья, а для блеску: каждый хочеть выказать себя, одного себя. А мнѣ что дѣлать? я не богатъ ни родисю, ни золопомъ, слѣдственно не занимаюся въ большемъ свѣтѣ. Я возсѣлъ на мой воздушный шаръ, и пустился страствовать. Сверху, огромная зала съ танцорами показалась мнѣ кукольною комедією — но вдругъ восковая свѣча капнула мнѣ на голову, и вывела меня изъ сладостнаго мечтанія — было 12 часовъ ночи, пора спать.

Еслибъ не было такъ поздно, я бы описалъ вамъ множество случаевъ, въ которыхъ мой воздушный шаръ служитъ мнѣ большимъ утѣшеніемъ, вознося меня превыше земли, и представляя все свѣтское въ самомъ мелкомъ видѣ. Но довольно, что я открылъ вамъ мои средства: оспальное вы можете дополнить своимъ воображеніемъ. Я не люблю все высказывать, предоснавляя всегда своимъ чинпа-

шелям довершать картину, чтобы дать
работу ихъ уму, или такъ сказать, чтобы
вмѣстѣ прудиться. При первой неприятно-
сти въ жизни, попробуйте полетать, лю-
безный пустынный! вознеситесь духомъ на
моемъ воздушномъ шарѣ: вы увидите, что
всѣ земныя козны исчезнутъ передъ вами.

КОМПАСЪ МНѢНІЙ,

и л и

С Л О В А И Д Ъ Л А.

„Если бѣ ты спросилъ у твоего знакомаго: откуда вы взяли прекрасные часы? а онъ отвѣчалъ бы тебѣ: я похитилъ ихъ у проѣзжаго на почтовой станціи—чтобы ты сдѣлалъ? Ты отступилъ бы отъ него на три шага, повернулъ носъ въ другую сторону, и старался бы бѣгать отъ него, какъ отъ чумы, — отъ чего это? Отъ того, скажешь ты, что похищеніе чужой собственности противно всѣмъ законамъ и естественному порядку, что это нарушаетъ общественную безопасность, и что человѣкъ, преданный сему гнусному пороку, не можетъ быть терпимъ въ обществѣ, и напрошивъ возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе всѣхъ честныхъ лю-

дей. Все это совершенная правда, и ты от-
вѣчалъ бы прекрасно. Но если ты спанешь
разбирать физиологически этотъ случай, то
удостоверишься, что кромѣ нравственнаго
понятія о вещахъ, другіе предметы сильно
содѣйствовали къ возбужденію въ тебѣ от-
вращенія къ откровенному похитишесю чу-
жей собственности. Органы твоего слуха,
непривычные къ словамъ такого рода, вне-
запно потряслись и сообщили неправильное
движеніе всей нервной системѣ; мозгъ, сѣда-
лище мыслей, и сердце, гостиница ощуще-
ній, получивъ непріятное и непривычное впе-
чатлѣніе, породили столь же непріятныя
идеи и чувствованія. Тебѣ вдругъ предста-
вилось все зло, протѣкающее какъ отъ
самаго порока, такъ и отъ сообщенія съ по-
рочными: презрѣніе, униженіе, спрогоссть
законовъ, судъ общаго мнѣнія, и. т. и. Од-
нимъ словомъ, если бѣ твой знакомый не былъ
такъ откровененъ, и не сознался тебѣ въ
своемъ порочномъ *дѣлѣ*, то ты не былъ бы
такъ строгъ въ отношеніи къ нему; но его
слова довершили справедливое твое негодо-
ваніе. Не правда ли? "

Все это говорилъ (отвѣчая самъ себѣ) извѣстный вамъ брюзга, Архипъ Оаддеевичъ. Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и молчалъ. „Не правда ли?“ повторилъ онъ.

„Неправда, неправда, и еще сто разъ неправда!“ отвѣчалъ я. „Первая часть вашего отвѣта (приписанная мнѣ) справедлива, а вторая нигде не годится. Для меня все равно, признался ли бы мнѣ кто въ похищеніи часовъ, или, если бъ я узналъ объ этомъ стороною, изъ достовѣрныхъ источниковъ, во всякомъ случаѣ, я бѣгалъ бы, какъ отъ чумы, отъ этого молодца. И такъ прошу вѣрнѣе, почтенный Архипъ Оаддеевичъ, что не *слова*, а *дѣла* возбудили бы во мнѣ презрѣніе и отвращеніе къ человѣку, преступившему законы чести и совѣсти. Вошъ вамъ мой отвѣтъ *личнѣй*, а не по *доверенности*,

т. е. моими, а не вашими устами. Впрочемъ я согласенъ, что есть преступленія словесныя, напримѣръ, ложь, клевета, богохульство, порицаніе того, чего не должно и т. п. Но въ случаѣ, представленномъ вами для примѣра, *слова* не имѣютъ никакого дѣйствія, по тому, что *дѣла* вопіютъ сильнѣе.“

Архипъ Ѳаддеевичъ замолчалъ въ свою очередь, всталъ со стула, подсыпалъ корму своимъ канарейкамъ, послѣ того закурилъ трубку, сѣлъ на прежнее мѣсто и курнувъ самымъ сильнымъ образомъ, спросилъ меня, гдѣ я вчера обѣдалъ. — „Въ домѣ очень пріятномъ, у Памфила Памфиловича Куроцапкина,“ отвѣчалъ я: „онъ человѣкъ радушный, большой хлѣбосоль, кормить прекрасно, поить еще лучше. Онъ живетъ открыто, и я очень весело провожу тамъ время, особенно когда хочу полакомиться.“ — „Я лѣтъ тридцать знаю Куроцапкина,“ сказалъ Архипъ Ѳаддеевичъ: „и хопя не бываю у него въ домѣ, но слыхалъ, что онъ человѣкъ очень, очень не глупый.“ — „Не глупый!“ воскликнулъ я: „скажете: умирикъ. Надобно послушать, какъ онъ станетъ крипиковать всѣ проекты, которые не имъ составлены, всѣ мѣры, которыя не ему поручено привести въ исполненіе: слова такъ и льются; говоритъ, какъ книга!“ — „А если начнешь пересуживать людей, занимающихъ важныя мѣста — которыя онъ самъ хотѣлъ бы занять?“ — примолвилъ съ улыбкою Архипъ Ѳаддеевичъ. — „Эпо-

го я не знаю; но если онъ коснется въ разговорѣ этихъ господъ, то надобно послушать, съ какими подробностями онъ разбираетъ всѣ ихъ ошибки, какъ обсуживаетъ всѣ ихъ поступки, какъ хитро представляетъ всѣ противорѣчія, несообразности. Да, Архипъ Ѡаддеевичъ, признаюсь, что трудно найти другаго Куроцапкина.“

— „Довольно объ умѣ Куроцапкина: скажи-ка что нибудь объ его честности!“ возразилъ Архипъ Ѡаддеевичъ. — „О! Куроцапкинъ заклятый врагъ злоупотребленій! За столомъ, только и разговоровъ, что о взяточникахъ и корыстолюбцахъ. Нѣчего сказать, достается имъ порядочно отъ Куроцапкина: онъ удивительный мастеръ рассказывать всѣ ихъ плушны, всѣ обороты, и если бъ его насмѣшки передѣлать въ стихи, то на Русскомъ языкѣ не было бы лучшаго собранія Эпиграммъ. Рюмка отборнаго вина выпивается обыкновенно за столомъ Куроцапкина въ честь добродѣтели и на пагубу порока. Къ нему, по истинѣ, можно примѣлить извѣстные стихи:

Когда жъ о честности высокой говоришь,
 Какимъ-то демономъ внушаешь:
 Глаза въ крови, лице горитъ,
 Самъ плачешь — и мы все рыдаемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Куроцапкинь не разъ обливается слезами, провозглашая голосомъ Штеншора, любовь къ безкорыстію, правосудію.“

„Довольно, довольно!“ воскликнулъ Архипъ Фаддеевичъ: „послушай теперь меня, и опѣчай мнѣ опікровенно на мои вопросы. Знаешь ли ты, что Куроцапкинь не получила ни гроша послѣ родителей?“ — „Знаю.“ — „Знаешь ли, что онъ женился безъ приданого?“ — „Это онъ самъ не разъ сказывалъ.“ — „Тебѣ извѣстно также, что онъ не получалъ ни арендъ, ни суммъ за свою службу?“ — „И это мнѣ извѣстно.“ — „Можетъ быть, знаешь и то, что Куроцапкинь не былъ въ военной службѣ и не обогатился военными призами ни на сушѣ, ни на морѣ!“ — „Все это знаю.“ — „Что онъ никогда не производилъ торговли, по крайней мѣрѣ торговли *товарами*?“ — „Знаю.“ — „Однако жъ изъ словъ своихъ я вижу, что

онъ богатъ, принимаетъ гостей и живетъ роскошно. Богатъ ли Куроцапкинь? — „Надѣюсь,“ ошвѣчалъ я: „домъ его заваленъ золотомъ, серебромъ и всякою дорогою мебелью. Экипажи отличные, дома, дачи, деревни, и словомъ чего хочешь, того припнешь!“ — „Прекрасно! — скажи же мнѣ, откуда все это привалило къ Куроцапкину? — „Какъ, откуда? У него имѣніе *благопріобрѣтенное*: онъ занималъ важныя мѣста, онъ..... но я впрочемъ не знаю, какъ, но знаю, что онъ *пріобрѣлъ*, т. е. самъ составилъ себѣ состояніе, въ продолженіе многихъ годовъ. Впрочемъ это не мое дѣло изслѣдовать, кто какимъ образомъ пріобрѣлъ имѣніе.“ — „А зачѣмъ же ты объявилъ себя врагомъ чловѣка, который (по предположенію) признался тебѣ, что онъ похитилъ часы на почтовой станціи у протѣзжаго!“ — „Это совѣтъ другое дѣло: чловѣкъ, который, безстыдно говоришь мнѣ, что онъ похитилъ чужую вещь...“ — „Но ты сказалъ, что если бъ ты даже случайно узналъ о его поступкѣ, то бѣгалъ бы отъ него, какъ отъ чумы.“ — „Сказалъ, и теперь не отпираться.“ — „И такъ

слушай же," сказалъ Архипъ Оаддеевичъ, и положилъ свою трубку: „Выходишь на мосты боишься болѣе *словъ*, нежели *дѣлъ*. Куроцапкинь говоришь безпрестанно о честности и добродѣтели, а эти слова пѣжашь твоей слухъ, и возбуждаютъ въ тебѣ пріятныя идеи и ощущенія. Онъ, стараясь забыть о средствахъ, которыми пріобрѣлъ богатство, думаетъ, что и свѣтъ забылъ о нихъ, и окружая себя новыми знакомствами и разогнавъ всю родню, проповѣдуетъ вамъ о честности, какъ *мышь*, *удалившаяся отъ свѣта*, въ Баснѣ П. И. Дмитриева, или какъ тотъ росновщикъ, который написалъ трактатъ о вредѣ, происходящемъ отъ лихомствъ, чтобы исправить своихъ товарищей, и открыть для себя обширѣйшее поле дѣятельности. *Слова* Куроцапкина, приправленные хорошимъ виномъ и вкуснымъ кушаньемъ, имѣютъ свой вѣсъ и цѣну, и прикрываютъ *дѣла*. Но если ты безпристрастно станешь сравнивать Куроцапкина съ человекомъ (представленнымъ мною для примѣра), который похитилъ часы, то вся разница между ними будетъ въ одной цѣнѣ и въ *словахъ*. Если бы

въ общемъ мнѣніи судили людей по *дѣламъ*, а не по *словамъ*, и такъ обходились съ ними въ обществѣ, какъ они 'заслуживаютъ', по повѣрь, что пришло бы до того что наконецъ было бы такъ же стыдно *приобрѣтать* мнѣніе по примѣру Куроцапкина, какъ похищать часы на почтовыхъ станціяхъ. Общественная нравственность зависить не столько отъ законовъ, какъ отъ общаго мнѣнія. Законы въ Христіанскихъ Государствахъ не могутъ быть никогда дурны въ отношеніи къ нравственности, которая составляетъ ихъ основаніе и силу, но надобно, чтобы общее мнѣніе награждало уваженіемъ строгихъ исполнителей законовъ, а нарушителей наказывало презрѣніемъ. Словомъ, должно, чтобы мы принимали людей и знались съ ними, судя по ихъ *дѣламъ*, а не по *словамъ*.“

Я убѣдился, что Архипъ Ѡаддеевичъ говоритъ правду, и потому рѣшился напечатать нашъ разговоръ, во всякомъ случаѣ, прося покорно всѣхъ господъ Куроцапкиныхъ, гнѣваться не на меня, а на чудака Архипа Ѡаддеевича. Впрочемъ позволено называть эту

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ КАРМАНОВЪ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОБЪИХЪ ЧАСТЕЙ:

Введеніе.

Первая эпоха: *Безкарманная* или золотой вѣкъ.

Вторая эпоха: *Мѣшковая* или серебряный вѣкъ.

Третья эпоха: *Малокарманная* или мѣдный вѣкъ.

Четвертая эпоха: *Многокарманная* или желѣзный вѣкъ.

Заключеніе.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я .

Введеніе.

Исторія рода человѣческаго есть безъ сомнѣнія важнѣйшая Наука въ области ума. Въ Исторіи видимъ прошедшее, изъ нее почерпаемъ уроки для настоящаго и будущаго. Но Исторія кармановъ, по моему мнѣнію,

еще важнѣе: она, подобно лити Аріадинной, ведетъ насъ тайными путями лабиринта обыкновенной Исторіи, прямо за кулисы, гдѣ разыгрывается всемірная драма, и знакомитъ насъ съ дѣйствующими лицами. Начало Исторіи кармановъ, подобно началамъ многихъ другихъ Исторій, теряется во мракѣ баснословныхъ временъ; преданія столь же невѣрны, источники столь же мутны, а потому и моя Исторія кармановъ составлена болѣе по предположеніямъ и вѣроятностямъ. Впрочемъ, если Продоту, Діодору Сицилійскому, Тациту и Титу-Ливію позволено было основываться на догадкахъ, надѣюсь, что и мнѣ просіяетъ нѣкоторые несообразности, тѣмъ болѣе, что отъ того не потеряешь убытка карманы чинителя или сочинителя.

Эпоха первая: Безкарманная или золотой вѣкъ.

Всѣ Философы согласны въ томъ, что бѣлая часть нашихъ несчастій родилась отъ двухъ словъ: мое и твое. Доколѣ люди ограничивались удовольствіемъ первыхъ

жизненных потребностей, и не зная собственности, пользовались общим имуществомъ, не было ни зависти, ни злобы, ни клеветы, ни ссоръ, ни драки. Доказательство сему нахожу въ старинной Русской поговоркѣ: за что намъ ссориться? вѣдь намъ ничего дѣлать. Слѣдовательно вся бѣда произошла отъ дѣлежа, т. е. отъ раздѣленія общаго на частности.

Видно, что эта историческая истина перешла по преданіямъ къ позднѣйшимъ потомкамъ и произвела въ насъ окрѣпленіе къ дѣлежу, причинѣ всѣхъ золъ. Разница въ томъ, что нынѣ предпочитаютъ взять все себѣ, а прежде любили, чтобы все было общимъ.

Люди въ началѣ общеснвъ вели жизнь пастушескую, звѣроловную или рыболовную, думали болѣе о настоящемъ, и поному не имѣли нужды въ карманахъ для храненія масла, сыру, мяса, рыбы, плодовъ. Людей было не много, и они не были столь просвѣщенны, чтобы предпочитать удовольствіе иѣннипся на скалахъ или песчаныхъ сненияхъ наслажденію жить просторно въ странахъ плодородныхъ. Даже и теперь, когда родъ чело-

вѣческій, не взирая на роскошь, болѣзни и пороки, размножилея до невѣроятной степени, и теперь, говорю, на Земномъ шарѣ остается довольно порожней земли, чтобъ прокормить всѣхъ насъ безбѣдно, безъ тяжбеъ, обмановъ, банкротства и другихъ принадлежностей утонченной образованности. Но во времена перваго земленаселенія, въ самыхъ благословенныхъ климатахъ земли было болѣе, нежели нужно для пропитанія самыхъ здоровыхъ и веселыхъ людей, слѣдовательно не о чемъ было спорить, и не для чего дѣлаться. — Здѣсь читатель можетъ мнѣ замѣтить, что и нынѣ самыя плодоносныя страны меньше населены и бѣднѣе, нежели нашъ Сѣверъ. На это отвѣчаю: по первые люди не были лѣнны и не должны были питать безчисленнаго множества бумагомарашелей, сиснемашиковъ, спекуляторовъ, политическихъ экономовъ, однимъ словомъ: тогда не было кармановъ, и потому люди жили въ довольствѣ

ЭПОХА ВТОРАЯ: МЭШКОВА И СЕРЕБРЯНЫЙ ВѢКЪ.

Золотой вѣкъ исчезъ въ предѣлахъ Истории, какъ обыкновенно исчезаетъ золото, когда проходишь черезъ многія руки. Подобно вершинамъ огромныхъ горъ, снѣжающимся въ

туманѣ, взорамъ Историка представляются Имперіи Китай, Индія, Ассирія, Египетъ. Нѣсколько ближе къ горизонту, видны древнія Царства и Республики: Іудея, Греція, Італія и Малая Азія. Города населены, люди узнали роскошь, лишились простоты нравовъ и ознаменовали себя злодѣяніями. Но еще не пороки, а сильныя страсти заставляли ихъ дѣйствовать, и ложныя понятія о правахъ собственности приводили въ заблужденіе Правителей и народы. Тогда не считалось зломъ, объявивъ войну своимъ соседямъ, разорить ихъ и присвоить себѣ чужую собственность; но это дѣлалось явно, и потому безъ хитрости и обмана, именно отъ того, что не было кармановъ. Одежда

древнихъ, состоявшая изъ хитона и хламиды или плаща, ихъ мѣдныя или стальныя латы такимъ образомъ были устроены, что нельзя было придѣлать къ нимъ кармановъ, и это самое спасало людей отъ многихъ злоупотребленій. Къ тому же Іудейскіе и Аттичскіе таланты, а послѣ Римскіе ассы были столь огромны, что значительныхъ суммъ нельзя было укладывать иначе, какъ въ мѣшки. Мелкія деньги хранили въ кожаныхъ мѣшечкахъ, которые прятали за пазухой или подвѣшивали къ поясу. Но какъ въ этихъ мѣшкахъ не вмѣщались таланты золотые и серебряные, отъ переноски же большихъ мѣшковъ происходили большія неудобства, то, не взирая на развращенность тогдашнихъ нравовъ, долгое время сохранялись добрая вѣра въ дѣлахъ, правда въ судахъ, безпристрастіе при выборахъ въ чиновники Республики, и чистая безкорыстная любовь къ отечеству. Аристидъ не принялъ даровъ Персидскаго Сатрапа, во-первыхъ по совѣсти, а во-вторыхъ потому, что невозможно было скрыть отъ народа мѣшковъ съ золотомъ. Дары Филиппа Македонскаго также были отпущены

въ Аениахъ, по опасенію большихъ мѣшковъ, и Фабрицій потому же отказался отъ мѣшковъ Пирра. — Однимъ словомъ, неудобство мѣшковъ и недостатковъ кармановъ избавляли народы отъ многихъ бѣдствій. Наконецъ Греческіе казнохраниители и Римскіе Квесторы выдумали небольшую и удобную круглую монету, и стали ее носить въ длинныхъ и узкихъ мѣшкахъ, обвязывая оные кругомъ тѣла, вмѣсто пояса. Изобрѣшеніе это, какъ ни остроумно, произвело неслыханную дошолъ страсть (боюсь назвать порокомъ), подъ именемъ лихонмства или, сказать вѣжливе, лхонмства. — Искусные люди достигли до такой ловкости, что, обнимаясь въ Ареопагѣ, въ Сенагѣ или на публичной площади, передавали другъ другу мѣшки съ золотомъ, обвивая ихъ кругомъ лѣвой руки, на которую наброшенъ былъ плащъ или тога. Но недостатковъ кармановъ еще служилъ прошивуадіемъ отъ большихъ злоупотребленій, ибо, какъ ни ловки были лихонмцы, но иногда обнаруживалась ихъ тайна. Говоряшъ, будто какой-то Римскій Орапоръ, защищая своего преступнаго кліента, въ жару декламаціи,

позабылъ, что у него объ руки обвинны мѣшками съ деньгами, возвысилъ руки къ небесамъ, и привелъ въ смѣхъ цѣлое собраніе, которое въ шутку назвало его Лаокоономъ, обвиннымъ змѣями. — Съ тѣхъ поръ вошло въ пословицу: онъ нечиснѣ на руку, отъ того, что подъ драгоценными жемчужинами часто подѣли мѣшки изъ козловой кожи, а козелъ, какъ извѣстно, починался въ древности животнымъ нечиснымъ. — Наконецъ новыя потребности привели къ новымъ изобрѣщеніямъ, какъ увидяшъ читатели во второй части сей Исторіи.

Конiecь первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

**ЭПОХА ТРЕТЬЯ: МАЛОКАРМАННАЯ, или
ВѢКЪ МѢДНЫЙ.**

Упалъ Римъ, упала Греція. Погасли два свѣтильника умышленнаго міра. Варвары безъ мѣшковыхъ и кармановъ наводнили Европу, покорили народы, ослабленные любовью къ мѣш-

камъ, ш. е. къ роскоши, и на развалинахъ Искусствъ и Наукъ основали новыя царства, въ которыхъ побѣжденные смѣшались съ побѣдителями. Отъ сего сліянія варварства съ пороками пронзошла тѣма среднихъ вѣковъ; народы пріобрѣли новыя названія, начали изъясняться новыми, смѣшанными нарѣчіями, изобрѣли новыя права и одежды. Исчезли хитоны и тоги, и мѣсто ихъ заняли полукафтанья. Побѣдители управляли побѣжденными безусловно, и отъ этого возникла феодальная система. Первымъ слѣдствіемъ сего общаго переворота было изобрѣтеніе кармановъ. Каждый хотѣлъ носить съ собою свою драгоценность, каждый желалъ пряпать пріобрѣтенное, и потому, кромѣ мѣшковъ, которые превратились въ кошельки, къ плащю пришли мѣшечки и назвали ихъ карманами. Но какъ во время феодальной системы, большая часть преступленій очищалась денежными пенями, то судящіе и судимые въ явномъ дѣлѣ не имѣли нужды скрываться, и носили карманы снаружи. По обѣимъ сторонамъ груди, на полукафтанѣ, пришиты были по два кармана, какъ у нынѣшнихъ Черкесовъ, ко-

торые также поставляють себя въ честь дневной разбой. На нижнемъ плащѣ также было спереди по два кармана снаружи — и много чепыре во всемъ уборѣ. Съ этими чепырями карманами и пятымъ кошелькомъ, люди оставались до тѣхъ поръ, пока не во дворилась въ Европѣ утонченная образованность. Дворянство, занимавшее прежде всѣ судебныя должности, опираясь въ крестовые походы, передало оставшимся дома мѣщанамъ и купцамъ право управлѣнья во время всего отсутствія. Возникли новыя сословія судей, адвокатовъ, законоискусниковъ, и эти-то господа, пользуясь обстоятельствомъ — выдумали различныя отрасли коммерческихъ оборотовъ, ябеду и ш. п., а въ слѣдствіе того умножили число кармановъ.

Эпоха четвертая: многокарманная,
или вѣкъ желѣзный.

Первые полные кафтаны введены во Франціи и вообще въ западной Европѣ, въ концѣ XVI вѣка. Хотя они отличались покроемъ отъ нынѣшнихъ, но уже имѣли по два кармана въ полахъ плаща. Камзолы имѣли также по

два кармана, но въ исподнемъ платьѣ ихъ вовсе не было. Эта эпоха знаменита тѣмъ, что женскій полъ, который прежде не мѣшался въ дѣла общественныя, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, и пользовался только привилегією управлять мужьями дома и мучить ихъ шайкомъ, началъ дѣйствовать явно. Не знаемъ, съ какою цѣлью прекрасныя промѣняли тихую спокойную жизнь на безпокойства, сопряженныя съ ходапайствомъ, прошекціями и другими хлопотами, но видимъ, что въ это время женщины стали употреблять подвязные карманы, которые, какъ говорятъ, надѣлали не мало суматохи въ свѣтѣ. Для наполненія шести кармановъ мужа и жены надобно, было много денегъ, и если кто измѣнялъ долгу и совѣсти, то эти карманы превращались въ бочки Даниандъ. — Возгорѣвшаяся въ XVII вѣкѣ тридцатилѣтняя война и послѣ того брань за Испанское наслѣдство привели въ истощеніе Западъ Европы, и породили множество новыхъ отраслей спекуляцій и снестемъ. Толпы подрядчиковъ, поставщиковъ, опкупщиковъ, прожектеровъ осадили казну, и всѣмъ право-

судія пошатнулись. Одинъ откупщикъ выдумалъ около сего времени боковой карманъ въ кафтанѣ, чѣмъ имѣть бумажникъ съ облигаціями и расписками, всегда близъ сердца, которое только и было для одной выгоды. Сему примѣру послѣдовали купцы, и пришли боковые карманы для храненія векселей, секретари для прянанія просьбъ съ аккомпаниментомъ, судьи для рѣшеній, писанныхъ покровительствуемыхъ ими просителями; свѣтскіе люди для нѣжныхъ писемъ; Поэты для стиховъ собственнаго произведенія: однимъ словомъ, въ боковой карманъ каждый клалъ, что у него было на сердцѣ. Наконецъ въ 1725 году, Англійская мода сертуковъ или рединготовъ (reding-coat) распространилась на твердой землѣ, и сіе изобрѣтеніе коммерческой націи усовершенствовано было во Франціи прибавкою къ двумъ боковымъ карманамъ въ полахъ сертука, третьяго въ фалдахъ и четвертаго боковаго противу сердца. Сіе умноженіе кармановъ въ сертукъ приписываютъ маклерамъ и купцамъ, для помѣщенія образчиковъ шоварамъ. Такой порядокъ вещей продолжался до Французской револю-

почти склсены. Кромѣ того, чѣмъ безкорыстнѣе званіе, тѣмъ менѣе кармановъ въ одеждѣ. Благородные воины едва имѣютъ небольшой карманъ для храненія носоваго платка, а крестьянинъ вовсе не имѣетъ кармановъ. Какъ скоро поселянинъ и земледѣлецъ поступаетъ въ купцы, то начинаетъ носить сибирку, которая тѣмъ отличается отъ Русскихъ кафтановъ, что имѣетъ карманы; когда же разбогатѣетъ и пустится въ спекуляціи, то надѣваетъ многокарманное Французское платье. Не знаю, какая участь ожидаетъ карманы, но я долженъ кончить мою Исторію, во-первыхъ потому, что она писана не для наполненія кармановъ, а во-вторыхъ, что нынѣ мода на карманныя, т. е. небольшія книжки: это означаетъ почтеніе къ карманамъ, для коихъ изобрѣтена особенная карманная Литература.

ПОСВЩЕНІЕ ДОКТОРА.

Guter Mutß macht gutes Blut.

„Мы весьма часто стараемся душевные недуги и страсти называть физическими болѣзнями, чтобы скрыть не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя свои слабости или проступки. Иногда раскаяніе или страхъ послѣ дурнаго дѣла точитъ сердце наше, а мы жалуемся на желудокъ; ревность, зависть, досада и прочія страсти причисляются къ нервическимъ болѣзнямъ. Въ головѣ гнѣздишься воспоминаніе нашей несправедливости или дурное намѣреніе, а мы думаемъ, что это мигрень или ваперы. Но на это нѣтъ ле-

карства въ медицинскихъ книгахъ и въ аптекарскихъ лабораторіяхъ.....“

Такъ говорилъ, между прочимъ, одинъ почтенный Медикъ, встрѣтившись со мною въ залѣ у Г-на NN. Онъ не успѣлъ кончить своей рѣчи, какъ слуга доложилъ, что Г. NN. проситъ насъ въ кабинетъ. Мы вошли.

Г. NN. сидѣлъ въ большихъ креслахъ: колпакъ его былъ надвинушъ почти на глаза, шея окутана; передъ нимъ на столикѣ, вкусный кофе испарялся въ чашкѣ, и не привлекалъ его аниманія. Лице его непріятно морщилось, глаза потуплены были въ землю, и только изрѣдка обращались на развернутую на столикѣ книгу. Я невзначай заглянулъ въ нее: это было Уголовное Право.

Г. NN. Здравствуйте, Г. Докторъ! Слава Богу, что вы пожаловали: я нездоровъ, да и вся моя семья занемогла. (Обращаясь ко мнѣ) Садись, Архипъ Фаддеевичъ!

Докторъ. Что вы чувствуете?

Г. NN. Самъ не знаю: нѣтъ аппетита, мучитъ бессонница, частыя біенія сердца, воображенію представляется все въ черномъ

видѣ; все какъ-то грустно, ничто не радуешь.....

Докторъ. Дайте руку и покажите языкъ. (По нѣкоторомъ молчаніи.) Желудокъ вашъ не испорченъ, однако же пульсъ не очень регуляренъ. Болѣзнь происходитъ отсюда (показываетъ рукою на сердце). Много ли вы спали нынѣшнюю ночь?

Г. ЛН. Часа четыре, но безпрестанно пробуждался, вертѣлся въ постель....

Докторъ. Вѣрно какія нибудь ужасныя сновидѣнія васъ тревожили?

Г. ЛН. Да, преужасныя! Мнѣ снилось, будто бы на меня поданы были жалобы, будто бы нѣсколько семействъ кричало всенародно на площади, что я разорилъ ихъ пристрастными рѣшеніями, будто бы меня позвали въ Уголовную Палату, будто бы доказали, что я..... однимъ словомъ вздоръ грезилося мнѣ въ такомъ ужасномъ видѣ, что я и теперь не могу вспомнить объ этомъ безъ пренема!

Докторъ (посмотрѣлъ на меня стороною и улыбнулся). Такъ! это происходитъ отъ сгущенія соковъ, отъ неправильнаго кру-

гообращенія крови, приводящаго въ разстрой-
ство нервную систему. Я бы вамъ совѣто-
валъ удалиться на время отъ дѣлъ, сѣздишь
на теплыя воды, поищашъ разсѣянiя, за-
бавъ, прiятнаго общества. А пока, пейте
Зельцерскую воду, не употребляйте вина и
горячительной пищи.

Г. NN. Хорошо, но пока — пропи-
шите мнѣ лекарство.

Докторъ. Извольте! (Садитесь за столъ
и пишите). Принимайте это поупру и вве-
черу, по чайной ложкѣ. Вы говорили, что
ваше семейство нездорово: нельзя ли видѣть?

Г. NN. Жена моя очень страдаетъ
нервами. Погодите, она потѣхала въ магазинъ.

Докторъ. А Пелагея Герасимовна?

Г. NN. Она нѣсколько дней не вста-
вала съ постели, послѣ бала у Князя NN.
Теперь насилу привсталала и танцуетъ въ га-
лопъ съ учителемъ. Это новый и очень во-
схальный танецъ; завтра ей должно ѣхать на
балъ. Но вотъ и жена!

Г-жа NN. Ахъ, Г. Докторъ, ради Бога,
пропишите мнѣ чего нибудь: у меня спазмы,

мигрень, нервная слабость..... ужъ не ча-
хотка ли?..

Докторъ. Полно-те сударыня! цвѣтъ ва-
шаго лица и объемъ пальца показываютъ про-
тивное. (Беретъ ее за руку и щупаетъ
пульсъ). Давно ли вы нездоровы?

Г-жа NN. Съ прошедшей Субботы.

Г. NN. Да, да, именно съ тѣхъ поръ,
какъ ты увидѣла новую Турецкую шаль у
Матрены Панкратьевны. Помню: у тебя въ
глазахъ пошемило, въ груди сдѣлалось ко-
лошье, и съ тѣхъ поръ только и разгово-
ровъ, что о шали Матрены Панкратьевны.

Г-жа NN. Ахъ, Г. Докторъ! я слы-
шу и вижу эту проклятую шаль, бѣлую какъ
снѣгъ, мягкую какъ пухъ, съ пребольшими
бортами, на которыхъ зеленые, голубые и
красные цвѣта такъ перемѣшаны, что бле-
стяшъ, какъ брилліанты. Во всемъ городѣ
только и разговоровъ, что о шали Матрены
Панкратьевны; а ей прислалъ мужъ изъ го-
рода Бухаринъ, что на Турецкой границѣ въ
Молдавіи. (Обращаясь къ мужу.) Представь
себѣ, милый, что я наконецъ ошыкала поч-
теньхонько такую же шаль, и сего дня придетъ

Г. NN. Теперь, братъ, нѣкогда — завтра.

Докторъ. (Отдастъ рецептъ.) Извольте употреблять, какъ предписано. Прощайте! (Уходитъ, и я съ нимъ.)

Въ залѣ я остановилъ Доктора, и сказалъ ему: у васъ, я вижу, есть универсальное лекарство; пожалуйста дайте копій вашихъ рецептовъ противу здѣшнихъ недуговъ. Это мнѣ пригодится для многихъ моихъ знакомыхъ.

Докторъ. Очень хорошо. Выньте свою записную книжку и пишите:

Для батюшки:

Rp. Aquae fontanae $\bar{3}$ iij
Syrupi rubi idaei 3 iij
m. dr. s.

Для матушки:

Rp. Aquae purae $\bar{3}$ iij
Sachari albi 3 i β m. dr. s.

Для дочки:

Rp. Syrupi cort. aurant. $\bar{3}$ β
Aquae communis $\bar{3}$ iij
m. dr. s.

т. е. по-Русски это значить: взять простой Невской воды, слѣшать съ сахарцемъ

или сиропомъ, и окрасить разными невредными веществами, для каждаго больного особымъ цвѣтомъ: бѣлымъ, желтымъ, розовымъ. Вы видите, чѣмъ эти люди больны. Отказавъ имъ въ лекарствѣ невозможно: они готовы огласить пѣвѣждою всякаго Доктора, который имъ скажетъ, что они здоровы и спржадутъ приходями или другимъ чѣмъ, еще того хуже. Вода съ сахаромъ не повредитъ, а между тѣмъ Г. NN. забудетъ свой страхъ и горе, жена его купитъ шаль, а дочь его выучится танцовать галопъ, и все припишется удивительному лекарству!

ДЕШЕВО и ДОРОГО.

Г. N. Ну, любезнѣйшій, каковъ мой экипажъ? Что говорили, когда я показался на Невскомъ проспектѣ?

Я. Одни удивлялись, другіе восхищались, а пѣкорные.....

Г. N. А если бъ ты зналъ, какъ это все дешево! Вообрази, что бронза, ремни, однимъ словомъ все, даже дерево Англійское. — Лошади — заглядѣнье, ливрея богатѣйшая, и, повѣришь ли, мнѣ весь экипажъ стоить едва, десять тысячъ. Не правда ли, что это дешево?

Я. По мнѣ, кажется, дорого.

Г. N. Экой чудакъ! — А я утѣренъ, что все удивлялись моимъ лошадямъ. — Вотъ, братъ, лихія лошади..... бѣгуны..... скакуны.....

Я. Нынѣ не удивляются, что скоты скачутъ подѣ плетью. Да и вообще, пещеръ мало охотниковъ до лошадей.

Г. Н. Ты, братецъ, оригиналь — скажи-ка мнѣ, откуда ты тащился съ какою-то поноскою. Ты не стыдишься ходить по прощуру съ поноскою?

Я. Поноска значитъ чужая вещь, и въ этомъ смыслѣ, многимъ должно быть стыдно носить не свое на улицѣ. А я съ своею собственностію никого не стыжусь.

Г. Н. Что же ты несъ?

Я. Племянникъ просилъ послать ему въ Крымъ Сочиненія Державина.

Г. Н. Бывшаго Министра Юстиціи, Гаврила Романовича? Знаю: я ѣзжалъ къ покойному въ домъ. Прекраснѣйшій человѣкъ! А что стоятъ его сочиненія?

Я. Теперь почти достать нельзя! я заплатилъ 50 рублей

Г. Н. За Русскія книги 50 рублей! Да это ужасно какъ дорого!

Я. Сочиненія Державина безцѣнны, и у кого изъ Русскихъ нѣтъ ихъ, тотъ долженъ купить, хотя бы на вѣсь золота.

Г-жа N. (жена, входитъ) Ахъ, mon cher, какая мнѣ досталась прелесть! Дай слово, что не будешь сердиться — я покажу. Ну такъ дешево, что нельзя было не промотаться.

Г. N. Не взводи на меня небылицъ: я никогда не сердился за твои покупки — а сердился кое за что.....

Г-жа N. Ну полно, mon ami! (кричитъ въ дверь). Мадамъ Инютиль, мадамъ Инютиль! принесите мнѣ большой каршонъ сегодняшней покупки.

Г. N. Да что же это такое?

Г-жа N. Увидишь самъ. Какъ мило — да какъ дешево!

Г. N. Была ли ты сегодня съ визитамъ, и не забыла ли опять жены этого, какъ бишь его, ну, тошъ, что нынче въ милости у NN.?

Г-жа N. Помилуй, какъ забыть! Была, застала дома, и такъ обласкала ее, что она опъ меня безъ памяти. Ахъ! милой, я сегодня прогуливалась по магазинамъ: какія прелестныя вещи, сколько новостей изъ Парижа, какая тѣма народу вездѣ! Но ты

знаешь мою бережливость. Я ничего не купила въ Англійскомъ магазинѣ: взяла только браслеты, кусокъ гродешуру, штуку муслину, платочекъ, колечко, ящичекъ одеколону, да дѣтскій сервизъ для нашего маленькаго Жака: отъ того только и взяла, что все ужасно какъ дешево. Хотѣла было заѣхать къ дѣтямъ въ пансіонъ, да опоздала. — Въ модный магазинъ ни ногой. Стыдно — тамъ я слыву скуною. Только остановилась у крыльца, да велѣла вынести марабу, которыми я сторговала еще — преръльго дня. — Шляпки съ блондами вовсе бы не взяла, у меня ихъ пропасть — да сама мадамъ вынесла къ каретѣ — къ тому жъ ужасно дешево! Но вотъ моя покупка: посмотри, что за шаль — прелесть! Цвѣты блестятъ, какъ брильянты, и какъ мягка — кажется растаетъ въ рукѣ: — Это куплено по оказіи — Персіанскій возвращается къ себѣ домой — въ Турецію — и продаетъ за безцѣнокъ; вообрази: за эту шаль я дала только двѣ тысячи пять сотъ рублей! Вѣдь это даромъ! не

Г-жа Н. Но какъ же пропустить такую вещь? — Въдь у насъ есть дѣти, милый мой — имъ, можетъ быть, не удастся купить такъ дешево. Не правда ли?

Г. Н. Правда, правда!

Г-жа Н. (обращаясь ко мнѣ) А у васъ что за обивка къ празднику: что это опшопырилось за пазухой?

Я. Это Альманахи къ Новому году.

Г-жа Н. Съ картинками? Ахъ, покажите; я люблю Альманахи (беретъ въ руки книжки, развертываетъ и, не разглядѣвъ, отдаетъ обратно) Русскія! — *C'est du Grec pour moi.*

Г. Н. Купить бы для дѣтей въ пансіонъ. — Нынѣ тамъ стали учить по-Русски. А что стоятъ эти книжки?

Я. По десяти, по двѣнадцати рублей....

Г-жа Н. Помилуйте! это ужасно дорого! (Уходитъ).

Г. Н. Конечно дорого. Ты знаешь, любезнѣйшій, что съ тѣхъ поръ, какъ мы съ женою побывали за границею — мы помѣшались на экономіи. — Я самъ занимаюсь хо-

зайствомъ, то есть, выдаю и считаю деньги. (Входитъ дворецкій). Что тебѣ надобно?

Дворецкій. Пожалуйте шестьдесятъ рублей печникамъ за передѣлку въ нижнемъ этажѣ.

Г. Н. Ты никогда не торгуешься — это ужасно дорого! (Обращается ко мнѣ). Ты не замѣтилъ моего новаго камня. Каковъ? Вѣдь прелестъ! что за мраморъ, что за барельефы, какая бронза. Здѣсь надобно было бы заплашишь по крайней мѣрѣ двѣ тысячи рублей — а я въ Италіи купилъ за сто червонныхъ — не правда ли, что это дешево?

Я. По мнѣ, такъ все то дорого, безъ чего можно обойтись.

Дворецкій. Красильщикамъ слѣдуетъ десять рублей за выбѣленіе людскихъ и нижняго этажа,

Г. Н. Ты за все платишь въ три-дорога! — (Обращается ко мнѣ.) Посмотри, любезнѣйшій, какъ у меня расписанъ пошолокъ. Это по эскизу Жерара: какія краски, какъ отдѣланы фигуры! Повѣришь ли, Италіянецъ, никакъ, рыхнулся: онъ взялъ за работу только пять сотъ рублей. Это чрезвычайно дешево, не правда ли?

Я. Я не знатокъ въ стѣнной живописи.

Г. Н. (даетъ деньги дворецкому). Расплатись съ рабочими, да пооди на почту и выпиши для барыни всѣ модныя иностранныя Журналы. — Самый дешевый стоить съ доставкой двѣсти рублей. — (Обращается ко мнѣ.) Я самъ люблю иногда заглядывать въ нихъ: прелестныя картинки, такія миленькія личики! Но ты не будь у меня въ новой залѣ; пойдемъ я покажу тебѣ прелестныя вещи, которыя, я самъ купилъ за границей: онѣ недавно пришли сюда съ послѣдними кораблями. — Какъ все мило, какъ дешево!“

Слѣдуя за хозяиномъ чрезъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ, я разсуждалъ о слышанномъ и видѣнномъ. Цѣна вещей, подумалъ я, зависить отъ точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на предметы. Все, что льститъ нашему самолюбію и удовлетворяетъ нашимъ прихотямъ, кажется намъ дешево; напротивъ того все, чего требуетъ холодный разумъ, кажется дорого! —

К А Ч Е Л И.

„Лишь то бѣда, ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ,
Они и всякой кто каковъ,
Чему либудъ хотѣли бѣ удивиться;
А я, испуганъ, спалъ въ тупикъ;
Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
Да начинались сполько книгъ!
Всю подмогшную проникли! —

Грибоѣдовъ.

Маша! подай мнѣ новый шюрбанъ съ перьями, бѣлую шаль и новый Англійскій клокъ. Лиза! поди, узнай, заложили ли новую карету, да зайди къ мадамъ Пероке (Perroquet), чтобы скорѣе одѣли дѣшей въ новыя платья. Уже седьмой часъ, пора подъ качели. Къ лицу ли мнѣ этотъ нарядъ, Маша? — „Безподобно, сударыня.“ — Лиза (возвращается): „Карета готова, и дѣши съ мадамой сошли къ крыльцу.“ — „Хорошо.“ — „Позвольте, сударыня, и намъ пой-

ли подь качели.“ — „Съ кѣмъ же вы пойдете?“ — „Съ мамушкой, съ нянюшкой, съ поваромъ Никитой и съ насмѣнымъ человекомъ молодаго барина.“ — „Хорошо! спускайте, вотъ вамъ десять рублей на комедию; да возвращайтесь скорѣе, и не забудьте запереть спальни и уборной.“ — „Слушаемъ, сударыня!“

Я обѣдалъ у Г-жи NN., и все это слышалъ, сѣдя одинъ въ комнатѣ, смежной съ уборною, куда я удалился отъ гостей, что-бы прочесть Газету. Возвратясь въ гостиницу, я былъ атакованъ хозяиномъ, который непремѣнно хотѣлъ усадить меня въ вѣсѣ съ почетными гостями. Въ этотъ день немного нашлось охотниковъ до игры. Гости по нѣскольку вдругъ выходили изъ комнаты; экипажи отъ крыльца направляли путь въ одну сторону, и кучера получали одно приказаніе: пошелъ подь качели! — Мнѣ предлагали мѣсто въ одной щегольской коляскѣ, но я отказался, предпочитая состояніе зрителя званію дѣйствующаго лица. Сказать по просту: я желалъ лучше сморѣть на людей, нежели быть на показѣ.

глядывали подъ шляпки горничныхъ и магазинщицъ, и даже пробалтывали по-Французски: монъ шеръ и апандё. Мимо насъ быстро мчались нарядные экипажи съ нарядными дамами и кавалерами: нельзя было описать богатаго ошъ шоровашаго. Рѣдко лорнеты экипажныхъ господъ обращались на нашу сторону. Только непривыкшіе ѣздить въ каретахъ или недавно возсѣвшіе въ нихъ, протягивали изъ оконъ головы, и взорами искали знакомыхъ, чшобы всѣ видѣли, что они ѣдутъ. Купческіе экипажи, везомые тучными конями, медленно передвигались: вновь разжившіеся купцы выказывали до половинны лоснящіеся ошъ пошу лица, и гордо кланялись землякамъ своимъ, однопородцамъ, лавочникамъ и мелкимъ подрядчикамъ. Милосердныя купческія жены, чрезъ головы мужей, привѣщивали вѣжливыхъ своихъ жильцовъ, офицеровъ и чиновниковъ, а стоявшіе за каретами аршельщики, а иногда земляки сидѣльцы, здоровались съ пѣшеходами — поварницами, и свободнымъ пѣлодвиженіемъ и увертками, давали чувствовать, что они опирающіеся лакейскую должность изъ дру-

жбы, а не изъ службы. — Вотъ вамъ крап-
кое начертаніе нашего каравана, который,
прибывъ на конецъ Офицерской улицы, раз-
сѣлся во всѣ стороны. Ловкій жандармъ
ввелъ въ рядъ экипажи, и обратился всякъ
извозничьи дрожки, а вѣжливый полицейскій
служившій пропустилъ насъ чрезъ веревку
на Театральную площадь, давъ опеческое на-
ставленіе, чѣмъ мы не изволили полкаться
и не перебѣгали между лошадьми. Вотъ
я наконецъ на площади, гдѣ приглашаютъ ве-
селишься, веселятся и смотрятъ на веселье.

Съ чего начать? Обойду вокругъ пло-
щадь по проунару, гдѣ стоятъ неподвижно
и прохаживаются зрители различныхъ со-
словій и обоего пола. Здѣсь я нашелъ мно-
жество знакомыхъ. Изъ этой толпы на-
чальники кланялись съ своими смѣтливými
подчиненными, разъѣзжавшими въ каретахъ;
мужья здоровались съ своими женами и любо-
вались ихъ нарядами и своими экипажами;
молодые пѣшеходы съ видомъ досады опѣв-
чали на пріѣтствіи своихъ сверстниковъ,
сослуживцевъ и соучениковъ, которыхъ фор-
пуна возвысила на четырехъ колесахъ и убаю-

квиваетъ на Англійскихъ рессорахъ. Красавицы молчали, но въ ихъ взорахъ можно было вычитывать увѣренность, что онѣ показались бы гораздо лучше въ экипажахъ, нежели эти госпожи! Любители изящнаго въ оживленной природѣ, медленно прохаживались, поглядывали кругомъ, и замѣчали прелестные образцы для Живописи и Ваянія. Пѣкшоры нескромные весельчаки рассказывали исторію мимопрѣзжавшихъ экипажей и ихъ хозяевъ, а масшеровые, купцы и магазинщики со вздохомъ поглядывали на своихъ должниковъ, которые не удостоивали ихъ даже взглядомъ. Довольно! пойду между балагановъ, гдѣ музыка гремитъ на всѣхъ балконахъ увертюру и аріи изъ Фрейшица, гдѣ звукъ бубновъ, шарелокъ, восклицанія паяцовъ, веселыя пѣсни качающихся на качеляхъ и Русскій рожокъ заглушаютъ трели и мелодіи Вебера. Полюбуюсь сперва на паяцовъ. —

„Честные господа, пожалуйста сюда!“ — кричитъ расписанный паяцъ: — „здесь вы увидите вещи невиданныя, услышите рѣчи неслыханныя, чудо чудное, диво дивное. Заморскія комедіи! — Скорѣе, скорѣе, почти

всѣ мѣста заняты.“ — Музыка прерываетъ слова паяца, и разладицей наигрываетъ торопливый экосезъ. Разряженная мадамъ предлагаетъ билеты у входа. — Не то ли самое объявленія о Журналахъ? подумалъ я. Повѣрьте вытѣскъ и паяцу. Только бы собрать народъ въ балаганъ, а о содержаніи представленія кому забота! Не то ли ревностные друзья, прославляющіе одинъ другаго! не то ли корыстные рекомендаціи? не то ли газетныя объявленія о своемъ искуствѣ и шовартъ? не то ли самое защита собственнаго дѣла, и многое, многое въ общественной жизни? Одна разница въ формахъ и названіяхъ. Вхожу въ балаганъ: здѣсь куклы шопорной работы прыгаютъ за растянувшимъ полотномъ, и фигляры испорченнымъ Русскимъ парѣиємъ, разговариваютъ между собою чрезъ гребешокъ и перышко — кончилось дракой куколь! — Это по-человѣчески, подумалъ я, и вышелъ изъ балагана.

Итъ! гораздо пріятнѣе сморѣть на толпы народа, шѣнящагося передъ балконами, чтобы даромъ налюбоваться, напѣвши о остроуміемъ паяца: его каждое слово имъ по сердцу, каждое шѣловженіе по праву —

громкій хохотъ изъясляетъ всеобщее удовольствіе. Какъ счастливы люди, для которыхъ надобно такъ не много, чтобы привести ихъ въ восторгъ, въ восхищеніе! А мы перебираемъ, пересуживаемъ и часто осуждаемъ вещи, достойныя хвалы и удивленія, для того только, чтобы блеснуть своимъ умомъ, ослѣпить мнимо-глубокими свѣдѣніями, чтобы выставить себя выше другихъ. И для этого мы часто скрываемъ слезы умиленія и радости! Но..... но прочтите лучше эпитафію къ этой статьѣ.....

Вдругъ слышу я знакомыя имена въ толпѣ; оглядываюсь, хватаюсь за шляпу, и вижу, что это лакеи перекликаются и называютъ другъ друга именами своихъ господъ. Это эмблема присвоеннаго въ чуждѣ дарованія, заслуги!—Ничего нѣтъ забавнѣе, когда слуги стараются подражать своимъ господамъ: это точно ученическія копіи съ оригиналовъ. Посмотрите, какъ нѣкоторые изъ нихъ важно прохаживаются, другіе порхаютъ возлѣ застѣчивыхъ горничныхъ, и подчиваютъ ихъ изюмцемъ и орѣшками съ примѣсью комплиментовъ; нѣкоторые рѣшительно судятъ о

представленіи, не бывъ во внутренности балагана. Это отпечатокъ страстей и привычекъ большаго свѣта! А женскій полъ? — Взгляните на магазинныхъ швей, на горничныхъ: та же сентиментальность и задумчивость во взорахъ, та же улыбка презрѣнія, гримаса пресыщенія и самодовольства, то же желаніе правиться и побѣждать: вещи непоспичимыя для деревенской невинности, и скоро перенимаемыя въ городахъ.

Круглая качели представляютъ колесо фортуны: не говорю о быстротѣ возвышенія и пониженія — но посмотрите, съ какимъ хладнокровіемъ садится этотъ крестьянинъ въ бѣсъду. Вотъ его поднимаютъ, вертятъ; лице его разыгрывается веселіемъ; онъ затягиваетъ пѣсню, помахиваетъ руками, пошанириваетъ спесиво на стоящихъ кругомъ земляковъ — и вдругъ качели останавливаются: середина его истощены, пѣчѣмъ плашится, и онъ печально входитъ въ толпу, а другой заспунаетъ его мѣсто. Горизонтальныя качели въ видѣ колясочекъ съ лошадьми, можно уподобить мечтѣ, фантазіи и т. п. Мальчики обманываютъ самихъ

я, погоняя деревянныхъ лошадокъ, а механики и прожектеры питають себя пустыми надеждами, живутъ въ міръ воображаемомъ, стремятся къ безсмертію своими изобретеніями, которыя навѣрное пропадутъ безъ вѣсти: не тѣ же ли это деревянные лошадки! — Но вотъ съ шумомъ и грохомъ катится съ горы молодой сидѣлецъ: онъ ищетъ наслажденія вещественнаго; онъ не мыслитъ, не чувствуетъ; одна секунда — и онъ скатился, наслажденіе кончилось: — то же бываетъ въ свѣтѣ, когда мы гонимся за радостями, которыхъ не можетъ сохранить сердце и одобрить разумокъ. Но полно осматривать, замѣчать, сравнивать. — Надобно оставить что нибудь и для читателя. Зачѣмъ все высказывать? довольно намѣкнуть, намекнуть мысли, а умные люди сами кон-

ПУБЛИКА И ЖУРНАЛИСТЪ.

Я давно знаю, что безъ дѣла не должно посѣщать до полудня людей, обремененныхъ срочною работою, и развлекать ихъ пустымъ болтаньемъ. Но часто праздность гонитъ меня изъ дому, куда глаза глядятъ; самолюбіе увѣряетъ, что моя особа вездѣ и всякому доставитъ удовольствіе, и я, *по дорогѣ*, захожу къ знакомымъ, которые не защищены отъ печальныхъ нападеній грозными швейцарами, полудюжиною крѣпкихъ дверей и всегдашнимъ откликомъ: „нѣтъ дома!“ Хотя я часто примѣчаю по отрывистымъ отвѣтамъ хозяина, по его потупленнымъ взорамъ, поглядыванію на часы, перевертыванію бумагъ и пробѣ пера, что я лишній въ его кабинетѣ, но, находя удовольствіе только въ перемѣнѣ мѣста, я въ моихъ посѣщеніяхъ смо-
трю лишь на декораціи и группы, и не за-

бочусь о словахъ Оперы и о содержаніи Бале-ша. Наскучивъ въ чужомъ кабинетѣ пере-вертывать книги и теряя изъ нихъ за-мѣтки, я отпраляюсь обѣдать въ гости, и рассказываю выдуманные мною или слышанные отъ моей собратіи анекдоты, на счетъ по-сѣщенныхъ мною того упр. лицъ. За все это я пользуюсь славою человека.... какъ бишь это называть!—положимъ, *человѣка по-рядковаго*: подъ этимъ именемъ разумѣютъ въ свѣтѣ людей, которые не уличены юриди-чески ни въ какомъ проступкѣ, и которыми не представлялся случай обнаружить свое невѣжество.

Однажды я зашелъ поутру къ Журна-листу, наканунѣ выхода въ свѣтъ его лист-ка. По его пасмурному взгляду и привѣт-ствію, процѣженному сквозь зубы, я дога-дался, что мое посѣщеніе столь же пріятно ему, какъ визитъ заимодавца. Напрасно онъ вертелся въ своихъ большихъ креслахъ, по-тирала лобъ, перевертывала неписанный имъ листъ бумаги, и отспиртывался отъ моихъ вопросовъ словами: *да и нѣтъ*. Я такъ хо-рошо утѣлся на софѣ, что рѣшился непре-

мѣнно отдохнуть здѣсь съ полчаса, и нагрузиться новостями къ званому обѣду. Вдругъ вбѣгаетъ служитель и докладываетъ, что пріѣхала незнакомая дама. — Едва Журналистъ успѣлъ поправить галстухъ и сбросить свой колпакъ, дама вошла въ кабинетъ. Лице ея было свѣжее и прекрасное, станъ стройный; но странность ея одежды поразила меня. Она была въ длинномъ Нѣмецкомъ платьѣ, на головѣ имѣла модный Французскій чепецъ, на ногахъ Англійскіе высокіе башмаки, и сверхъ платья Русскую душегрѣйку, подбитую Сибирскимъ мѣхомъ. Посмотрѣвъ пристально въ двойной лорнетъ на Журналиста, дама поздоровалась съ нимъ на Французскомъ языкѣ, и спросила, знаетъ ли онъ ее. Журналистъ вѣжливо отвѣчалъ, что не имѣетъ сей чести. — „Какъ!“ воскликнула дама: „вы не узнаете своей владычицы, кошую вы безпрестанно величаете *погтенныйшею*, *просвѣщенною*, *благосклонною*, кошую вы упоминаете нѣжными своими объясненіями въ объявленіяхъ, и на кошую взводите небывлицы, взявшись быть истолкователемъ ея мѣтій?“

Журналистъ (съ низкимъ поклономъ).
Какъ!.. Неужели вы... Смѣю ли думать! —
Неужели вы Публика?

Публика. Точно такъ, я Публика.

При сихъ словахъ, Журналистъ отступилъ два шага назадъ, кашлянулъ три раза, уперъ лобъ плашкомъ, и началъ говорить похвальную рѣчь, кошорая все сбивалась на объявленіе. Публика прервала его.

Публика. Эпо все старое: замолчите!
Нынѣ Издаатели и Сочинители начинаютъ свое поприще похвалою *самимъ себѣ*, а не лестію *мнѣ*, какъ прежде бывало. Это средство удастся шеперь, какъ всякая новость. Конечно мнѣ смѣшно, когда неучи берутся учить меня, и говорятъ со мною школярнымъ, рѣзкимъ тономъ, какъ съ ребенкомъ. Но какъ я бросаю охотно деньги за все, что меня смѣшинъ, или что поражаетъ новостью, то ловкіе грамотѣи воспользовались этимъ — и очень хорошо сдѣлали!

Журналистъ. Я Словесникъ стараго покрову, почтеннѣйшая Публика, и всегда съ уваженіемъ обращаюсь съ вами; предлагаю мои мнѣнія, открываю мой образъ мыслей,

но не смѣю по-учительски относиться къ вамъ. Теперь я не знаю, какъ изъяснить вамъ мою благодарность за оказанное вами ко мнѣ вниманіе, за поощреніе, которымъ я горжусь....

Публика. Не гордишься и не благодаришь: я только теперь возвращаюсь изъ кукольной комедіи, и ѣду отъ васъ прямо къ восковымъ фигурамъ.

Журналистъ. Но могу ли надѣяться, что вы окажете мнѣ благодареніе, благосклонная Публика, и научите, чѣмъ я могу вамъ нравиться?

Публика. Новостью.

Журналистъ. Но если нѣтъ ничего новаго, достойнаго вашего вниманія?...

Публика. (прерываетъ его). Лгите!— Что вамъ стоитъ, однимъ махомъ пера убить на повалъ нѣсколько десятковъ тысячъ Турокъ или Американскихъ инсургентовъ? Чего ихъ жалѣть! Наводите города чернилами, разрушайте крѣпости фразами. Вѣдь вамъ не жить въ нихъ, и, не управлять ими. Выдумывайте имена и происшествія, соображая успѣхъ всякаго дѣла съ своимъ вку-

сомъ и образомъ мыслей. Я буду чптать
ваши листки,

Журналистъ. Однако жъ, мнѣ было бы
пріятно сохранить ваше уваженіе и довѣ-
ренность.

Публика. Эти вещи советъ посторон-
нія. Посмотрите, какъ нѣкошорые Фран-
цузскіе и Англійскіе Журналы коверкають
вѣсь происшествія, какъ они дигають не-
существующія арміи, покоряють и раз-
дають воображаемыя царства, составляютъ
законы для необитаемыхъ острововъ, и пред-
ставляютъ блистательныя описанія небы-
валыхъ подвиговъ! Я не вѣрю имъ, смѣюсь
надъ ихъ глупостью, но охотно чишаю, по-
тому, что они льстятъ моему самолюбію,
заманивають новостію, и привлекають вни-
маніе даже самую нелѣпностью.

Журналистъ. У насъ это невозможно и
некстати.

Публика. У насъ есть другія средства.
Предсхавляйте мнѣ какъ можно болѣе необык-
новеннаго, удивительнаго, рѣдкаго, страннаго
сверхъестественнаго, страшнаго, смѣшнаго и
вздорнаго. Журналъ вашъ долженъ бытъ родъ

косморама, гдѣ предметы представляющіяся въ искусствѣнномъ свѣтѣ, и въ увеличительное стекло. Кушайте, если угодно, ананасы, но хвалите кислую капусту и соленые огурцы; покупайте вещи въ при - дорога въ Англійскомъ магазинѣ, а восхищайтесь національными произведеніями; давайте какъ можно болѣе анекдотовъ....

Журналистъ. Я не вспомню всего: позвольте записать.

Публика. Это лишнее: можетъ быть, я завтра переѣмлю свое мнѣніе. А *propos des bottes*: старайтесь, чтобы ваши книжки были какъ можно толще, а оглавленія ихъ пестрѣе. Итъ нужды, хотя бы ваши новости были давно уже объявлены въ другихъ Жарналахъ. Я не читаю толстыхъ книжекъ, но сужу о ихъ достоинствѣ по пестротѣ обертки.

Журналистъ. Это что-то походитъ на шарлатанство, и я въ этомъ дѣлѣ, право, не мастеръ.

Публика. Этого итъ ничего легче. Я васъ научу. Вотъ, примѣръ, обыкновенная газетная фраза: „Турецкій Султанъ по-

жаловаль почешную шубу Дамасскому Пашѣ, за соблюдаемое имъ правосудіе.“ — Изъ этого вы можете составить на оберткѣ нѣсколько списковъ. Напримѣръ:

1. О Турецкомъ Султанѣ. См. стр. NN.
2. О почешныхъ шубахъ въ Турціи. См. стр. NN.
3. О Дамасскомъ Пашѣ. См. стр. NN.
4. О правосудіи въ Турціи. См. стр. NN.
5. О правосудіи вообще. См. стр. NN.
6. О великодушіи Турецкаго Султана. См. стр. NN.
7. О правосудіи Дамасскаго Пашы. См. стр. NN.
8. О неправосудіи другихъ Пашей. См. стр. NN.
9. О награжденіи, полученномъ Дамасскимъ Пашею. См. стр. NN.

Теперь понимаете ли?

Журналистъ. Это сущее шарлатанство!

Публика. Нѣтъ, сударь, это называется *Физиологія*, Наука необходимая Журналисту и всякому Артисту, имѣющему со мною дѣло. Названіе сіе происходитъ отъ слова *φύσις* (хипро); и, какъ всѣ новыя

имена для старыхъ вещей, изобрѣшено въ Германіи.

Журналистъ. Но неужели нельзя заслужить вашего вниманія и благоволенія, сообщая статьи оригинальныя, историческія, сатирическія, философическія, литературныя?

Публика. Полно-те, полно-те! — Вы на меня наводите сонъ. Скажите мнѣ рѣшительно: чего вы отъ меня хотите, *уваженія* или *благоклонности*?

Журналистъ. Мнѣ кажется, что одно не бываетъ безъ другаго.

Публика. Извините: видно, вы не знаете прекраснаго пола. Камонсъ, творецъ Луизіады, умеръ въ госпиталѣ, а Бомарше нажилъ домъ и корабли. Перваго я *уважала*, а ко второму была *благоклонною*. Я могла бы вамъ указать множество примѣровъ и у насъ, но я не люблю личностей, а къ тому жъ мнѣ некогда. Изъ кабинета восковыхъ фигуръ, я должна поспѣшить на аукціонъ, гдѣ продають каррикатуры, ошшуда заѣду въ книжную лавку взглянуть въ Журналъ съ картинками, и прочесть статью, которая надѣ-

лала много шуму въ свѣтѣ необыкновенною
своею глупостью: j'aime par fois la bêtise!
Прощайте, до свиданья!“

Дама вышла, а Журналистъ стоялъ на
мѣстѣ, какъ громомъ пораженный. Я побѣ-
жалъ домой, написалъ все, что слышалъ, и
любопыщенъ знать, что скажетъ объ этомъ
почтенная дама, которая подала случай къ
сей снискѣ.

ДОСУГЪ и НЕДОСУГЪ.

Весьма часто бываетъ, что тамъ, гдѣ бы слѣдовало намъ говорить и дѣйствовать, мы молчимъ и не двигаемся, и вообще дорожимъ временемъ и словами вездѣ, гдѣ только не участвуютъ наши выгоды, наше самолюбіе или наши наслажденія. Хотите ли увѣриться въ томъ, разверните любое благодарственное или родственное письмо: я ручаюсь, что вы непременно найдете въ нихъ выраженія: „у меня недостаетъ словъ для изъясненія,“ и проч. Загляните теперь въ письмо просительное: вы увидите такое излишество словъ для изъясненія чувствованій, что трудно понять, откуда у всякаго беретъ краснорѣчіе на нужный случай. — Послушайте, когда люди говорятъ между собою о чужихъ достоинствахъ или въ пользу другихъ людей: они изъясняются самыми ошры-

впестыми лаконизмами, и никто не хочет терять напрасно словъ и времени. Когда же говорить о себѣ, тогда краснорѣчіе льется рѣкою. Надобно ли похлопотать о комъ нибудь или замолвить за кого слово? Тогда *недосугъ, нѣкогда, тотчасъ* преграждаютъ дорогу. Чшо же касается до насъ самихъ, шо у насъ всегда много досужнаго времени не только на дѣла, но и на бездѣлье, на бесполезныя и обременительныя посѣщенія, а пустыхъ словъ такое множество, чшо если бы они, по счастію, не исчезали въ воздухѣ, шо непременно произвели бы сгущеніе атмосферы, удушье и бури.

Извините меня, почтенные чпшатели, за эту выходку: я говорю не обо всѣхъ вообще, а только о нѣкоторыхъ, и на нихъ приношу вамъ мою жалобу. Выслушайте и разсудите.

Лишь только я принялся за работу около 9-ти часовъ утра, вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ у моихъ дверей, и вошелъ въ комнату пріятель. „Здравствуй, любезнѣйшій!“ — воскликнулъ онъ: „я сегодня ранехонько долженъ былъ выйти со двора по дѣламъ мо-

ей тетки, по, по счастью, меня нигдѣ не приняли. На службу еще рано, и такъ я на досугъ, вздумалъ зайти къ тебѣ по дороге. Ну, что новенькаго?“ — „Новаго ничего не знаю,“ отвѣчалъ я: „а скажу тебѣ спешное: если кто мѣшася другому работать, это все равно, когда бь онъ снималъ съ него фракъ, лишалъ удовольствіа имѣть новую книгу и вынималъ изъ пачки жаркое.“ — „Полно шутишь!“ сказалъ пріятель: „ты, какъ Эзонъ, вѣчно говоришь припѣвами и поговорницами. Скажи-ка лучше, былъ ли ты въ новомъ Театрѣ: каковъ?“ — „Это ты можешь узнать изъ моей Газеты,“ отвѣчалъ я: „вошь возьми и читай, пока я буду заниматься дѣломъ.“ — „Мнѣ, братецъ, недосугъ читать вашихъ Газетъ и Журналовъ: я лучше пойду погуляю для аппетита.“ — „На здоровье!“ сказалъ я, и съ сердечною радостію проводилъ пріятеля до дверей.

Собравъ мысли, разсѣяныя досужнымъ пріятелемъ, я взялся за перо, чтобы продолжать мой трудъ: вдругъ колокольчикъ снова загремѣлъ, и другой пріятель ввалился въ дверь.

„Я знаю, что ты по утрам бываешь дома,“ сказалъ онъ: „и передъ Департаментомъ пришелъ на досугъ, прочесть тебѣ претій актъ моеѣ Трагедіи.“ — „Но мнѣ недосугъ слушать: у меня работа срочная, и публика не приметъ въ извиненіе пивоеѣ Трагедіи.“ — „Ну, пожалуй, я не стану чинтаться,“ возразилъ пріятель: „когда ты не въ духѣ, то начнешь кришиковать; но поговоримъ кое-о чемъ. Слыхалъ ли ты о награжденіяхъ?“ — „Пѣпъ!“ сказалъ я: „какъ я вижу, у тебя много досужнаго времени; сдѣлай мнѣ одолженіе, зайди къ пвоему родственнику, NN., и попроси его о мѣстѣ для одного добраго человека, котораго я ему рекомендовалъ.“ — „Очень радъ служить тебѣ,“ отвѣчалъ пріятель: „при случаѣ непременно поговорю, но теперь право, недосугъ зайши къ нему.“ — Въ это время принесли афиши, и пріятель мой, прочитавъ ихъ со вниманіемъ, спросилъ, меня: „Видѣлъ ли ты звѣрсей?“ — „Нѣ, всяма часшо вижу,“ отвѣчалъ я. — „То естѣ, новопривезенныхъ?“ примолвилъ онъ. — „Этихъ не видалъ еще, а говорятъ, что между ними много рѣдкихъ и есть даже ученый слонъ.“ —

„Въ какое время ихъ лучше можно видѣть?“ спросилъ пріятель. — „Натурально, днемъ,“ отвѣчалъ я. — „И такъ пойду на досугъ посмощрѣть!“ сказалъ онъ, и вышелъ изъ комнаты.

Проводивъ его, я только что успѣлъ за моимъ письменнымъ столикомъ, какъ несносный колокольчикъ снова раздался, и третій пріятель посѣтилъ меня. „Наслу успѣлъ забѣжать къ тебѣ на досугъ,“ сказалъ онъ: „дѣла пропасть, а безпрестанныя приглашенія и визиты поглощаютъ все время. — Что новенькаго въ Литературѣ? Покажи, что ты пишешь?“ — „Хочу писать, но пріятели мѣшаютъ своими досугами,“ отвѣчалъ я. — „Да ты бы онѣ ихъ двери на запоръ,“ возразилъ пріятель. — „Боюсь, чтобы не прогнѣвались,“ сказалъ я: „да къ тому же нашему брату опасно запирашся, чтобы не заперется и отъ чловѣка нужнаго.“ — „Но пріятели должны бы знать,“ возразилъ онъ: „что ко всякому чловѣку, обремененному дѣлами, нельзя приходить безъ дѣла по ушрамъ. Не правда ли?“ — „Точно такъ!“ отвѣчалъ я, улыбаясь: „и я вижу, что ты слав-

но знаешь теорію употребленія времени.“ — „Я никому не мѣшаю,“ сказалъ пріятель: „но позволь спросить, что у тебя будетъ въ слѣдующемъ номерѣ Журнала? Меня вездѣ спрашиваютъ объ этомъ, и это должно быть тебѣ пріятно.“ — „Благодарю за честь“ отвѣчалъ я: „но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы Журналъ мой извѣстенъ былъ по изустнымъ преданіямъ; къ тому же мнѣ недосугъ рассказывать.“ — „Дай - ка, я на досугъ выкурю у тебя трубку!“ сказалъ пріятель, и не дожидаясь отвѣта, сѣлъ въ большія кресла, и сталъ дымить самымъ жестокимъ образомъ. Въ это время начали сходиться для прогулки на прогуаръ, и нѣсколько моихъ пріятелей, въ ожиданіи большаго числа гуляющихъ, зашли ко мнѣ на досугъ побесѣдовать. Видя невозможность побѣдить досугъ моихъ пріятелей моимъ собственнымъ недосугомъ, я рѣшился спастись бѣгствомъ. Одѣлся, взялъ за пазуху нужныя бумаги и извинившись хлопотами, вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ дому, намѣреваясь зайти въ квартиру одного изъ сихъ досужныхъ, и пока онъ будетъ прогуливаться, кончить работу въ его комнатѣ.

Лишь только я вышелъ на улицу, другаго рода бѣдствія предвѣщали мнѣ потерю времени. — „Куда ты идешь?“ спросилъ меня одинъ. — „За дѣломъ.“ — „Откуда?“ — спросилъ другой. — „Изъ дому.“ — „Что новаго?“ — „Не знаю.“ — „Что слышно?“ — „Много пущаго.“ — „Здоровъ ли?“ — „Какъ видишь.“ — „Хорошо ли идутъ журналы?“ — „Слава Богу.“ — „Гдѣ ты обѣдаешь?“ — „Въ гостяхъ.“ — „Гдѣ будешь вечеромъ?“ — „Дома.“ — „Давно ли видѣлъ NN?“ — „Недавно. — „Давно ли былъ въ Театръ?“ — „Недавно.“ — Сими-по и подобными вопросами обременяли меня всѣ мои знакомые и пріятели, встрѣчаясь со мною на улицѣ, и наконецъ до такой степени мнѣ надоѣли, что я, подвергаясь опасности быть раздавленнымъ экипажами, побрелъ срединою улицы, и наконецъ нашелъ уголокъ, гдѣ могъ спокойно заняться работою. Но что писать? За досугомъ моихъ пріятелей я не могъ дома составить обдуманной мною статьи, и такъ на досугѣ рѣшился вкратцѣ описать мое приключеніе — не въ урокъ, а на пользу.

НОВЫЙ ФИЗИОНОМИКЪ,

и л и

ЗНАТЬ ПТИЦУ ПО ПОЛЕТУ, А
МОЛОДЦА ПО УХВАТКАМЪ.

Давно замѣчено, что мы именно почитаемъ себя знаатоками въ томъ, къ чему имѣемъ страсть, и что менѣ всего понимаемъ. Такъ, напримѣръ, молодой, остроумный человѣкъ, которому удалось замѣшиться нѣсколько спранныхъ въ обществѣ, или открытъ по случаю какую нибудь сокровенную черту человеческого сердца, почитаетъ себя великимъ философомъ, наблюдателемъ, безошибочнымъ судьей всѣхъ дѣлъ и тайныхъ побужденій. — Любезные друзья! всѣ мы ошибаемся. Одна только оышность можетъ иногда приподнять уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ лабораторію спранныхъ и мы-

слей. Но эта опытность приходитъ слишкомъ поздно, слѣдовательно на короткое время. Въ юности, познаніе людей — вещь невозможная: тогда едва есть время помотрѣться въ свѣтъ. Въ совершенныхъ лѣтахъ мы только учимся, а на старость, когда бы надлежало пользоваться опытностью — но я не хочу припоминать того, что у всякаго на роду написано. Какъ ни трудно познавать людей, а все таки надобно, потому, что мы живемъ съ ними, имѣемъ непресытныя сношенія, зависимъ отъ нихъ во многихъ случаяхъ, и отъ нихъ плачемъ или смѣемся. Со всѣмъ тѣмъ, этимъ именно менѣ всего занимаюсь. Мы живемъ въ обществѣ косякъ, безъ дальнихъ наблюденій, справокъ и изслѣдованій: принимаемъ условныя формы общежитія за душевныя качества, т. е. мишуру за золото; вѣримъ изъ лжи, не вѣримъ изъ свосправія, обманываемъ противу воли своей, обманываемся по собственному желанію, горюемъ тамъ, гдѣ бы надлежало веселиться, радуемся, когда бы надлежало плавать, кланяемся, когда бы надлежало спорить, и споримъ, когда бы надлежало кла-

няться. Весь этотъ хаосъ происходить отъ того, что мы не знаемъ ни себя, ни людей; но удивительнѣ всего то, что познаніе людей не только не сдѣлаетъ насъ счастливыми, напротивъ того, будетъ источникомъ еще большихъ горестей. Если бъ сыскался такой человекъ, который бы читалъ въ сердцахъ каждого, съ кѣмъ только ни встрѣтился, то я увѣренъ, что онъ скорѣй выйдетъ бы совершенно изъ терпѣнія. — Однако жъ надобно нѣсколько знать людей: и безъ этого много бѣды! — На первый случай, сообщу моимъ читателямъ нѣкоторыя новыя мысли, почерпнушыя мною изъ разговора двухъ молодыхъ людей — изъ коихъ одинъ уже со-
спарлся разсудкомъ.

Б. Было время, что я вѣрилъ наблюденіямъ Деланорты и Лафатера, но принимаясь къ фізіономіямъ большаго свѣта, удостовѣряюсь, что это ни къ чему не служитъ. Мимика, декламація, танцевальное искусство — и, такъ называемый, языкъ приличій сравнивали всехъ людей въ отношеніи къ наружнымъ формамъ. — Игра фізіономіи, измѣнявшая иногда душевнымъ дви-

женіямъ — нынѣ подведена подъ правила, перемѣняется по ношамъ, настраивается по камеръ-шону. Напримѣръ: если бѣ хозяйкѣ вздумалось, послѣ отличнаго обѣда, похвалить ворону; пускай только скажетъ: „*c'est charmant!*“ — У всѣхъ гостей тотчасъ улыбка появится на устахъ, размягченныхъ дорогими винами и соусами, глаза поднимутся вверхъ, и во всей залѣ вы услышите: „*c'est jolie, magnifique, superbe*“ и проч. Если бѣ человѣку въ силѣ и кредитѣ, пришло въ голову, для испынанія людей, похвалить свѣтъ солнечный — фizioноміи его льстецовъ тотчасъ бы приняли на себя оппечатокъ душевнаго увѣренія въ истинѣ словъ сильнаго. Глаза тотчасъ бы выпучились, рты полуразверзлись и высыпали бы множество утвердительныхъ рѣченій. Нѣтъ! я вижу, что все мои наблюденія пропадаютъ попустому, и потому промѣнялъ богатое изданіе Лафатера и Доктора Галла на полезныя книги: Всеобщій Спрятчій и Секретарь, и Домашняя повариха. Съ этими премудростями уйдемъ далѣе, нежели съ философскими практатами!

А. Правда, что образованность, или луч-

ше сказать, свѣтскія припчія, пзглаж-
вають черты, обнаруживающія душевныя дви-
женія, однако жъ есть такіе законы въ при-
родѣ, которымъ подвержены все одушевлен-
ныя и неодушевленные существа. Этихъ за-
коновъ невозможно ни истребить, ни скрыть.
Споишь только замѣнить ихъ постепенный
ходъ и дѣйствіе: тогда самый опытный хп-
рецъ не укроется отъ нашихъ наблюдений.

Б. Открой же, пожалуй-ста, эту тайну.

А. Учился ли ты Физикъ?

Б. На мѣдныя деньги, т. е. кое-какъ,
пип, какъ обыкновенно учатся въ пансіонахъ
и второстепенныхъ заведеніяхъ.

А. Знаешь ли ты, что значить: цен-
тробѣжная, центровлекущая силы?

Б. Столько - то знаю. Центробѣжная
сила отталкиваетъ все тѣла отъ центра
земли, а центровлекущая привлекаетъ къ оно-
му. На этомъ основаны законы тяжести,
по которымъ все тѣла движутся. Эти силы
дѣйствуютъ равно на малѣйшій атомъ, какъ
и на земной шаръ, на всю солнечную систе-
му и на всю вселенную.

А. И такъ знай же, что подобныя силы

имѣють величайшее вліяніе и на нравствен-
ную природу чловѣка.

В. Этого я не понимаю.

А. Слушай! Чловѣкъ составленъ изъ ду-
ши и тѣла. Первая, имѣя свое высшее пре-
допредѣленіе, влечетъ насъ на небо, ш. е. ко
всему возвышенному, доброму, благородно-
му. Тѣло, зависящее отъ вліянія пищи, кан-
маши, разстройсва органовъ, однимъ сло-
вомъ отъ земли, къ которой приковано своимъ
существованіемъ, влечетъ насъ къ землѣ, ко
всему низкому, чувственному. И такъ душа
есть центробѣжная сила въ чловѣкѣ, а тѣло
центростремительная. Перевѣсъ одной изъ сихъ
двухъ силъ, ш. е. большее или меньшее влія-
ніе на волю, составляетъ качество нрав-
ственного чловѣка. Одинъ болѣе жертвуетъ
душѣ, ш. е. небу, другой тѣлу, ш. е. землѣ
— и вотъ вся разница между людьми.

В. Напримѣръ.....

А. Напримѣръ: вои́нъ, который, не по-
мышляя о почестяхъ и наградахъ, приносилъ
въ жертву Государю и отечеству жизнь и
свое собственное счастье — Судья, который
не боится оскорбить сильнаго правосуднымъ

рѣшеніемъ, презираетъ золото, ласкашельства, покровительствва, и судитъ только по смыслу законовъ, а не по метафизическимъ отвлеченностямъ — Ученый или Литераторъ, имѣющій въ виду одну цѣль — просвѣщеніе, одно желаніе — общее благо, который презираетъ клевету и не спрашиваетъ самыхъ гонимыхъ за истину — юноша, отвергающій покровительство птенушекъ и дядюшекъ на поприщѣ службы и стремящійся къ почестіямъ заслугою, прилежаніемъ и достоинствами — чиновникъ, свято исполняющій свои обязанности по долгу чести и присяги, незнающій ни службъ ни лица, ни личности — женщина, отказывающаяся отъ шумныхъ бѣсъдъ и пустословія, отъ лести и блеска, для исполненія священныхъ обязанностей матери, супруги, дочери: — всѣ эти и подобные имъ люди управляются центробѣжною силою. Напротивъ того, воинъ, который стремится на смерть и опасности изъ однихъ видовъ честолюбія — Судья, который смотритъ не на правоту дѣла, а на золото просителя, или что все равно, на его связи, число покровителей, и подвергается законамъ

произвольному своему толкованію — Ученый и Лицерадоръ, курящіе ѳиміамъ желѣзнымъ и золотымъ идоламъ — чиновники, выслуживающіеся въ контрадансахъ, будуарахъ и переднихъ — машери, повѣряющія воспитаніе дѣтей наемникамъ, чтобы забывать въ разсѣянности свѣтской жизни свои обязанности, и голосомъ лести заглушаютъ упрёки совѣсти — льстецы, предатели, взяточники, безсовѣстные игроки, клеветники, шоргаши, однимъ словомъ, весь мусоръ рода человѣческаго управляется центровлекущею силою, т. е. живетъ для земли — одною землею.

В. Какъ же узнать, какъ различить съ перваго взгляда людей, управляемыхъ одною изъ сихъ двухъ силъ?

А. Центробъжная сила поднимаетъ чело и глаза вверхъ, и выпрямляетъ спину. Центровлекущая попускаетъ взоры, опускаетъ чело и сгибаетъ спинную кость. Разумѣется само собою, что старость дѣлаетъ исключеніе изъ правила, но не менѣе того служишь физическимъ доказательствомъ, что чѣмъ болѣе тѣло ближе къ своему назначенію, къ землѣ, тѣмъ болѣе сгибается. — Но наблюдай надъ

людьми въ цѣлѣ дѣлѣ, и ты увидишь справедливость моего мнѣнія. Всякая низкая спрасть, всякій дурной поступокъ наклоняетъ насъ къ землѣ. Пьяница, унижающій природу челоѣтка, валится на землю. Уличенный преступникъ поникаетъ головою и попускаетъ взоры. У малодушнаго колѣна подгибающагося отъ спраха. Скупецъ ходитъ всегда съ поникшею головою, какъ будто прикованный къ сундуку. Лстецъ и несправедливый проситель сгибаетъ спину. Злодѣй вросетъ въ пещерѣ,.... Но я бы могъ наколлнть цѣлую книгу примѣрамъ, если бы не пора было кончить эту спашью, пошому, что нѣтъ болѣе мѣста въ Сѣверной Пчелѣ.

БѢДА ОТЪ ДЕНЕГЪ.

„Неправда, неправда!“ закричатъ со всѣхъ сторонъ. — „Бѣда отъ денегъ! Въ своемъ ли ты умѣ, Г. Сочинитель!“ скажетъ мнѣ полуустарѣлая кокетка: „Если бъ не чепчики, цвѣты, блонды, притиранья и умыванья, то я не знала бы, что мнѣ дѣлать съ десяткомъ лишннихъ годовъ. Но теперь, благодаря промышленности, за деньги можно достать не только красоту, но даже и почитателей.“ — „Этого не скажешь вамъ ни одна кокетка!“ грозно возгласитъ Крипикъ. „Ваша правда: наши кокетки чрезвычайно скромны, но онѣ говорящъ взорами, а мнѣ и эшотъ языкъ понятенъ. — „Бѣда отъ денегъ!“ воскликнетъ мотъ: — „полно-ше, полно-ше, сударь! хоните ли видѣть въ натурѣ мешаморфозы Овидіевы? Пожалуйте ко мнѣ, Г. Сочинитель: вы увидите, какъ мои ас-

сигнаціи въ одно мгновеніе превращаются въ паштеты, драгоценныя вина, соусы, въ лошадей, въ собакъ, дерево, бронзу и фарфоръ. Помните ли мифологическое преданіе о Пигмалионѣ и одушевленной статуѣ? Посмотрите, какъ неприступный мраморъ, подъ золотымъ долотомъ превращается въ прелестную Пимфу, пламенящую нѣжною ко мнѣ любовью. Поживите со мною нѣсколько дней; и вы не скажете: бѣда отъ денегъ.“ — „Можетъ ли быть бѣда отъ денегъ!“ скажетъ подъячій, высохшій отъ козней, какъ листъ бумаги и почернѣвшій, какъ исписанное перо: „Зачѣмъ же я презрѣлъ законъ и совѣсть? Нѣтъ, Г. Сочинитель! нѣтъ бѣды отъ денегъ, и если вы попадетесь ко мнѣ въ когти, то я докажу вамъ это аргументами.“ Купеческое сословіе со всѣми гильдіями, компаніями, конторами, хоромъ возопіетъ: „Нѣтъ бѣды отъ денегъ: бѣда, когда нѣтъ денегъ. Вамъ вѣрно не случалось платить въ сроки по векселямъ, Г. Сочинитель? Спросите даже у женъ нашихъ, и тѣ вамъ скажутъ, что нѣтъ бѣды отъ денегъ.“ До сихъ поръ всѣ эти возраженія не страшны, но я боюсь, что-

бы на меня не падали молодые жены щеголихи, которыя все благополучіе здѣшней жизни помѣщаютъ въ модныхъ лавкахъ, смотря на весь міръ сквозь кренъ и кнсею, къ мужьямъ привязаны прозрачною ленточкою, и обходятся съ ними, какъ съ ридикюлями или шитыми бумажниками. — Вотъ эти дамы въ состояніи погубить меня, какъ Орфея, и заколютъ шпильками и булавками. Скупцы развѣ защищаютъ меня; они были бы рады, если бъ весь свѣтъ возненавидѣлъ деньги, чтобы они могли накопить ихъ побольше. Но пора приступить къ развязкѣ. Милосивые государи и государыни! — Я нижеподписавшійся, самъ не большой противникъ денегъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда увидѣлъ, что за деньги и глупцы слывутъ умниками, но у меня есть пріятель, который жалуется на бѣду отъ денегъ. Послушайте, вотъ, что онъ пишетъ ко мнѣ. „Ты знаешь, что послѣ родителей моихъ, ничего мнѣ не досталось, кромя молитвенника и сабли, зазубренной на стѣнахъ Измаила. Воспитанъ я въ казенномъ заведеніи, и послѣ того жилъ однимъ жалованьемъ, служа въ драгунскомъ полку. Обѣ-

далъ рѣдко на свой счетъ, но всегда съ апешитомъ; спалъ мало, но крѣпко; имѣлъ только двѣ пары плашья, но содержалъ ихъ въ чистотѣ, какъ собственное лицо, и за однимъ добрымъ конемъ ухаживалъ, какъ влюбленный мужъ за больною и капризною женою. Хотя я весьма рѣдко видался съ деньгами, но былъ здоровъ, веселъ, и слѣдовательно счастливъ. Такимъ образомъ я дожилъ до тридцати лѣтъ и до Штабсъ-Капитанскаго чина, и надѣялся вскорѣ командовать эскадрономъ; вдругъ дядя мой, который слылъ очень бѣднымъ человекомъ, позволилъ скончаться безъ духовнаго завіщанія, и я неожиданно сдѣлался владельцемъ ломбардныхъ билетовъ на 550,000 рублей Государственными ассигнаціями. Съ энихъ поръ какой-то демонъ поселился во мнѣ: онъ лишилъ меня спокойствія, веселости, апешита, сна, обременилъ заботами, вселилъ въ меня неизвѣстныя мнѣ допострасти, посѣялъ въ сердце недовѣрчивость и сдѣлалъ меня несчастнымъ. —

„Первую глупость, которую я сдѣлалъ, это довѣріе мое къ совѣтамъ изнѣженныхъ и испощенныхъ получеловѣчковъ. Они пригла-

спиди меня насладиться жизнию въ столицѣ: я послушался и вышелъ въ опіставку. Имѣя 33.000 рублей годового дохода, я распорядился слѣдующимъ образомъ. Небольшая, хорошо меблированная квартира стоить мнѣ въ годъ 3.000 рублей; экипажъ 3.000 рублей; на столъ по 1.000 рублей въ мѣсяць, 12.000 рублей; на туалеть 4.000 рублей; на спектакли и прочія увеселенія и вообще карманныхъ денегъ 8.000 рублей; на вспомошествованіе бѣднымъ 3.000 рублей — и того 33.000 рублей. — Вотъ видишь, что всѣ мои нужды и приходы удовлетворены въ полной мѣрѣ; шло мое наслаждается, но душа спраждаетъ, и новый образъ жизни такъ мнѣ наскучилъ, роля моя въ свѣтѣ такъ мнѣ опротивѣла, что я не знаю, куда дѣваться. Отъ денегъ отказываться не имѣю твердости — а съ деньгами бѣда!“

„Когда я былъ бѣденъ, то слылъ въ полку добрымъ малымъ. Поживишься отъ меня было пѣтьемъ, и потому меня любили для меня самого. Слушали, когда я говорилъ умно; зѣвали, когда говорилъ глупо; смѣялись, когда мнѣ случилось сказать чтонибудь остроумное и османивали, когда ко мнѣ прихо-

дѣла охота завираться. Изъ этого ты можешь разсудить, что имѣя минуты паденія, я имѣлъ съ другой стороны минуты торжества — слѣдовательно бывалъ доволенъ собою. Теперь совсѣмъ иное. Какъ бы глупо я ни говорилъ — всѣмъ восхищаюся, пошому, что я держу хорошаго повара, имѣю отличное вино и два раза въ недѣлю обѣдаю дома. Не могу найти человека, который бы мнѣ сказалъ правду въ глаза — и вся бѣда отъ денегъ.“

„Бывало меня принимали въ домахъ пошому, что я былъ веселъ, выдумывалъ различныя забавы, не переносилъ вѣстей изъ дома въ домъ, не мѣшался въ интриги и сплетни. Теперь всѣ мои достоинства улеглись подъ тяжестью моего капитала. Въ одномъ мѣстѣ на меня смотрятъ, какъ на жениха съ 33.000 рублей дохода, въ другомъ какъ на человека, который можетъ ссудить при случаѣ сотнею тысячъ рублей на вексель, въ третьемъ принимаютъ, какъ человека, имѣющаго вѣсь въ свѣтѣ, и могущаго быть полезнымъ своимъ вліяніемъ и связями. Со мною вездѣ вѣжливъ, предупредительны,

даже нѣжны — но могу ли я быть доволенъ, когда вижу порошавость и принужденіе въ обхожденіи со мною, и когда чувствую, что меня берегутъ, какъ какую нибудь паровую машину, имѣющую силу 20 лошадей! — Мнѣ скучно въ обществахъ, гдѣ я не могу дѣйствовать собою, и гдѣ дѣйствуетъ мое прилагательное — ш. е. деньги — и вся бѣда отъ денегъ!“

„У меня были друзья и добрые пріятели. Мы любили другъ друга, потому, что были увѣрены въ благородствѣ нашихъ чувствованій, и что намъ вмѣстѣ было весело. Мы угощали другъ друга чашкою чаю и трубкою табаку, спорили не сердясь, смѣялись безъ насмѣшекъ, и готовы были въ каждомъ случаѣ подѣлиться послѣднею копѣйкою. — Новые мои пріятели хотя гораздо вѣжливѣе и нѣжнѣе; хотя мы теперь подчиваемъ другъ друга Французскими паштетами, дорогими винами и сладкими рѣчками, но за то милые мои друзья такъ раздражительны, что при всякомъ отказѣ съ моей стороны дать въ займы денегъ — друзья исчезаютъ, какъ тѣни отъ лучей солнца. Конечно эта раздра-

жизельность происходитъ отъ слабости нервовъ и утонченнаго образованія, но не менѣе того въ кругу моихъ друзей, я очень похожъ на Лафоншенову ворону, съ кускомъ сыру во рту. — Въ утѣшеніе себѣ, я ношу кошелекъ, на которомъ вѣлѣлъ вышить слова изъ Басни И. А. Крылова:

Про пылзшихъ друзей лъзя молвить не грѣша,
Чпо въ дружбѣ всѣ они сдѣла не одинаки:
Послушашь, кажешся, одна у нихъ душа,
А только кинь имъ копей, шакъ что пивон собаки!

„Друзья мои находятъ это очень остроумнымъ, и даже подкрѣпляютъ истину сихъ словъ многими примѣрами изъ круга общихъ нашихъ друзей — утверждая, что всѣ бѣда отъ денегъ!“

„Я уже сказалъ тебѣ, что я прежде спалъ крѣпко на стѣ, и тѣ за проихъ, что ни попало на зубъ. Теперь, на мягкой постелѣ, сонъ мой безпокоенъ, и не крѣпителенъ. То проекны честполюбія вертятся въ головѣ, то желаніе умножить состояніе грызетъ сердце, то боязнь лишиться богатства, какъ ужасное привидѣніе, тревожитъ сонъ мой и душу. Переднія двери мои запершы на запоръ, въ спаль-

нѣ двойныя задвижки; комодъ, какъ пограничная крѣпость, запертъ снутри и снаружи новонзобрѣщенными замками, наполненъ потайными ящичками на пружинахъ. Кромѣ того у постели моей висятъ двѣ пары Кухенрейтерскихъ пистолетовъ, Турецкій яшаганъ, Персидскій кинжалъ, и со всѣмъ этимъ, мышья рысь кажется мнѣ ночью поспунью злаго челоуѣка, и я дрожу, какъ осиновый листъ. Проклятыя трюфели, шампиньоны, пряныя коренья и сладкія вина разстроили мой крѣпкій желудокъ: я теперь часто спражду круженіемъ головы, приливами крови въ голову и коликами — а вся бѣда отъ денегъ!“

„Признаюсь, умилый взглядъ, прелестная улыбка прекрасной женщины приводили меня въ восторгъ, когда я заслуживалъ это моею въжливостью, угодливостью. Теперь всѣ красавицы поглядываютъ на меня такъ нѣжно и такъ сладко улыбаются, что мнѣ ихъ ласки кажутся прищорными, и я вовсе не чувствую ихъ цѣны — а вся бѣда отъ денегъ.“

„Я былъ смиренъ и тихъ, какъ ягненокъ, не сердился за совѣты, и былъ снисходите-

ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ.

(СНОВИДѢНІЕ.)

Кто на своемъ вѣку фортуны не искалъ!
Дмипріевъ.

Кто изъ васъ, почтенные мои читатели, не мечталъ иногда о богатствѣ? Даже самые богатые люди, миллионщики, весьма часто раздумываютъ о приумноженіи своего достоянія, (какъ обыкновенно говорится) для округленія своихъ помѣстьевъ и для чистаго числа въ капишалахъ и доходахъ. — Это общее стремленіе къ приобритенію богатства производитъ иногда благія послѣдствія, порождая торговлю, промышленность, ремесла, искусства; иногда страсть къ богатству вредитъ общему благосостоянію, иная множесиво пороковъ, которые гнѣздятся въ золотѣ, какъ червячки въ душистомъ сы-

ръ. Но вамъ извѣстно, любезные мои чипшатели, что каждая вещь имѣетъ двѣ стороны, хорошую и дурную, и что отъ насъ зависить смотрѣть на вещи съ настоящей точки. Однако жъ теперь не намѣренъ я разсуждать о пользѣ или вредѣ отъ богатства, а расскажу вамъ, что со мною случилось.

Наглядѣвшись на прелестныя дачи, на богатые экипажи и щегольскіе наряды, я возвратился послѣ прогулки въ мою лѣтнюю хижину, сѣлъ въ большія кресла, и задумался — спыжусь вымолвить — о богатствѣ. Какъ счастливъ тѣ, думалъ я, которымъ при самомъ рожденіи выпулся выигрышный билетъ въ лоттерей судьбы! Богатые, кажется, живутъ въ особой атмосферѣ, въ другомъ, опдѣльномъ мірѣ. Для удовольстворенія ихъ желаній и прихотей, умъ человѣческій и дѣятельность находятся въ безпрестанномъ напряженіи. Для нихъ земные полюсы соединены цѣпью торговли, моря мостятся кораблями. Они могутъ, подобно птицамъ, быстро достигать опдаленныхъ предметовъ своихъ желаній, и если позволено сравнить міръ съ шашечною доскою, то богачи суть то же,

что доѣди между шашками, которыя однимъ движеніемъ достигаютъ той цѣли, къ коей простыя шашки медленно приближаются и весьма часто погибаютъ на пуши. Богачи могутъ все видѣть, все имѣть, все наслаждаться; а мы? — Но и мы можемъ достигнуть богатства; умъ, дѣятельность, постоянство, благопріятныя обстоятельства не одному бѣдняку отворили врата въ храмъ роскошной фортуны. Пуши къ богатству безчисленны! Который изъ нихъ избрать? При семъ я спокойно задремалъ (ибо зависъ не мучила меня), и вижу во снѣ....

Обширное песчаное поле, устланное терновыми кустарниками, по которому простекала широкая и быстрая рѣка. Одинъ берегъ ея былъ отлогій и сканистый; другой состоялъ изъ каменныхъ неприсущныхъ утесовъ, между коими одинъ возвышался до облаковъ, и блисталъ, какъ солнце. Множество людей толпилось на отлогомъ берегу будто на ярмонкѣ; всѣ спѣшили перевозиться въ маленькихъ лодкахъ, управляемыхъ по большей части женщинами. Я спрашивалъ многихъ, что это значитъ, и куда люди перес-

правляются съ такою поспѣшностью, но всё такъ были заняты собою и средствами пробиться сквозь толпу, что никто не удостоилъ меня отвѣтомъ. Я вознамѣрился отойти въ сторону и подождать, не уменьшился ли толпа на пристани; но люди безпрестанно прибывали и бѣжали опрометью къ берегу. „Боже мой? что это значитъ? гдѣ я?“ — воскликнулъ я съ удивленіемъ. „На пути къ богатству“, отвѣчала мнѣ одна прелестная женщина, стоявшая позади меня: „въ Мономотапъ.“ — „На пути къ богатству!“ сказалъ я: „ахъ, сдѣлайте милость, сударыня, укажите мнѣ, гдѣ оно, и проводите туда, если возможно: я всю жизнь буду вашимъ покорнѣйшимъ и усерднѣйшимъ слугою.“ Женщина улыбнулась. „Указанъ вамъ богатство я могу“, сказала она: „вотъ на этомъ блестящемъ утесѣ вы найдете неисчерпаемый источникъ золота, но проводите васъ туда я не въ состояніи, пошому, что вы со мною встрѣтитесь на пути множество непреодолимыхъ затрудненій: — я *Добродѣтель*.“

Сколь ни жаль мнѣ было расставаться

съ прелестною женщиною, но желаніе богатства побѣдило раждающуюся во мнѣ страсть, и я рѣшился, во что бы ни стало, достигнуть очаровательнаго утѣса, хотя бы это было сопряжено съ опасностью сломишь себѣ шею. „Наконецъ я попалъ на путь къ богатству!“ воскликнулъ я въ восторгѣ: „наконецъ я распрощусь съ вами на вѣки, скучныя корректуры, кришки и антикришки! И ны, тяжкій процессъ, перестанешь мучить меня. Прощайте навсегда, самолюбивые Сочинители и раздражительные Стихотворцы! Прощайте, мои дорогіе стряпчіе и подьячіе! — Я буду богатъ, буду властелинъ моей воли и моего времени. Клянусь золотомъ, что въ цѣломъ моемъ домѣ не будетъ ни капли чернилъ, ни листа бумаги (кромѣ ассигнацій). Я буду проводить жизнь въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ Турецкій Муфтіи: досыпать проведенныя безъ сна ночи, ѣсть видѣнныя только за стеклами сласти, пить пѣнистое вино, (о которомъ съ такимъ восторгомъ распѣвають наши молодые Стихотворцы за стаканомъ воды), и наконецъ буду безпрестанно лежать на мягкой

софѣ, чтобы успокоить измученныя мои ноги, измѣрившія поперечникъ Европы отъ Торнео до Гвадалквивира. Я буду богатъ!“ — Эта мысль умножила на сто сумму жизненной моей силы, и я, прыгая какъ спарая вежша, побѣжалъ вдоль берега, искавъ переправы. Но тщетно: перевозъ находился въ одномъ только мѣстѣ, и быстрая рѣка угрожала поглотить смѣльчака, который бы рѣшился броситься вплавь. Грусть стѣснила мое сердце, когда я увидѣлъ угрюмыя и озабоченныя лица: люди какъ въ гальваническихъ опытахъ, невольно отшалакивали другъ друга; не видно было ни улыбки, ни приветливыхъ взоровъ, и всѣ фізіономіи казались столь мрачны, что я боялся подходить къ прохожимъ, опасаясь, чтобы меня не укусили. Боже мой! подумалъ я: какъ печаленъ путь къ богатству!

Наконецъ рѣшился я подойти къ одному старику, который пріятнымъ, хотя задумчивымъ видомъ, возбуждалъ во мнѣ нѣкоторую довѣренность. „Позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?“ сказалъ я, низко поклонившись. — „Я — Уиль!“ — оп-

вѣчалъ старикъ: — „Счастливая встрѣча!“ воскликнулъ я: „Ахъ, милосливый государь! вы лучше другихъ можете научить меня, какимъ образомъ можно поскорѣе достигнуть богатства.“ — „А вы — искаатель?“ спросилъ Умъ, улыбувшись насмѣшливо. — „Точно такъ-съ!“ отвѣчалъ я, снова поклонившись. „Правда,“ сказалъ Умъ: „что я могъ бы легко проводить васъ къ богатству, если бы не былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ тою женщиною, которая прежде сего съ вами говорила. Это жена моя, и я, подражая бѣльшей части мужей, слѣпо исполняю ея совѣты. Если вы имѣете терпѣніе, то подождите, пока жена моя получитъ обратно свою лодку, которою овладѣло *Лицемеріе*. — Какъ скоро процессъ о семъ кончится, и мы вступимъ въ обладаніе нашею собственностью, тогда можемъ безъ плана перевезти васъ къ унесу.“ — „А долго ли ждать?“ спросилъ я. „Не знаю,“ отвѣчалъ Умъ: „но я соснарьлся, и, какъ видите, посѣдѣлъ, во ожиданіи, а жена моя — внука первой владѣтельницы лодки.“ — „Похваляю ваше терпѣніе!“ сказалъ я: „признаюсь охотно, что оно высокое качество

души, но“... „Но вамъ хочется скорѣе достигнуть цѣли?“ примолвилъ Умъ. — „Признаюсь!“ сказалъ я съ радостью, и снова по-искашельски низко поклонился. „Хорошо! я помогу вамъ!“ сказалъ Умъ, пронувшись моими поклонами. Онъ подозвалъ къ себѣ одну женщину пріятнаго вида, съ проникательными глазами и коварною улыбкою, и сказалъ ей: „сдѣлай мнѣ одолженіе, любезная племянница, проводи г. искателя богатства къ берегу, но прошу тебя, назови ему по именамъ всѣхъ перевозчиковъ, чтобъ онъ послѣ того не слагалъ на насъ своей вины. Помнишь, государь мой,“ сказалъ Умъ, обращаясь ко мнѣ: „что при выборѣ перевозчиковъ должно быть осторожнымъ, и современники ваши, а особенно потомство, непременно узнають, кому вы ввѣрили на пути къ богатству, и кто провожалъ васъ къ его исполненію.“ Я низко поклонился Уму, и пошелъ съ моею спутницею къ пристани, едва переводя дыханіе отъ радости и различныхъ чувствованій, волновавшихъ душу мою въ сію минуту.

Мнѣ хотѣлось узнать имя и званіе про-

вожавшей меня красавицы, и я осмѣлился спросить ее. „Я называюсь *Смышленостью*,“ сказала мнѣ она: „имѣю въ вѣдѣніи своемъ *Бариши*, и, по несчастью, нахожусь въ безпрестанной тяжбѣ съ *Пронириливостью*, которая весьма часто подъ моимъ именемъ привлекаетъ къ себѣ моихъ васалловъ.“ — Я опять низко ей поклонился, и молчалъ, ибо слышалъ отъ опытныхъ людей, что на пути къ богатству, какъ можно болѣе надобно кланяться, и какъ можно менѣе говорить. Между тѣмъ мы пришли къ перевозу, и я затрепешалъ, увидѣвъ толпу, чрезъ которую намъ надлежало пробиваться. — *Смышленость* примѣтила мое безнокойство, и сказала, улыбаясь: „не бойшесь ничего, я тотчасъ разгону этихъ легковѣрныхъ искашелей богатства!“ —

Она закрыла лице свое покрываломъ, и воскликнула плачевнымъ голосомъ: „Ахъ, проклятая подагра! безъ нее я бы уже достигла пропиволежащаго берега, а теперь должна дожидаться очереди, между тѣмъ, какъ люди, переходящіе въ это время въ бродъ чрезъ рѣку, расхватаютъ все богатство, и мнѣ,

вѣроятно, ничего не достанется! Испосная подагра, никогда ты мнѣ не была столь гостинна!“ — „Гдѣ бродъ?“ воскликнул изъ толпы многіе голоса. „Версты двѣ отсюда, на поворотѣ рѣки, вотъ за этими кустами; какой-то нетерпѣливый смѣльчакъ бросился вплавь и открылъ бродъ,“ сказала *Смышленость*. — „Открытъ бродъ! открытъ бродъ!“ раздаюсь со всѣхъ сторонъ, и люди, толкая другъ друга, толпами бросались къ мнимому броду. Остались только самые близкіе къ берегу: *Смышленость* распоткала ихъ, и мы очутились у пристани. —

Множество лодокъ, (почти какъ въ Воскресный день, въ хорошую погоду, у Крестовскаго острова), покрывало поверхность рѣки, и поспѣшало перевозить нетерпѣливыя толпы. Одна женщина пріятной наружности манила меня къ себѣ. „Эно *Лицельріе*!“ сказала *Смышленость*. Я остановился, а нѣсколько Бонзъ, Факировъ и Дервишей вскопчили поспѣшно въ лодку, и отчалили отъ берега. Женщина подъ покрываломъ, управляя прекрасною лодкою съ позлащеннымъ балдахинномъ, манила меня къ себѣ — никакъ

любя посматривали другъ на друга, и въ безмолвіи ожидали, пока лодка удалится. Тогда начался между ими шумъ и споръ, и я въ отдаленіи слышалъ повторяемые ими слова: честность, безкорыстіе, любовь къ общему благу, которыя, какъ эхо, громко раздавались и исчезали въ воздухѣ. „Ко мнѣ, ко мнѣ, друзья!“ воскликнула одна старушка съ мѣшкомъ на плечахъ и длинными подвязными карманами: „понеже лодка моя исправна, и послѣлику я хорошо управляю оною, то въ силу вышереченнаго, вы скоро достигнете желаемой цѣли! — „Это что за спрашивлице?“ спросилъ я. „*Лихомство*,“ отвѣчала моя спутница: „не угодно ли вѣрнѣе этой переводчицы?“ — „Провались она сквозь землю!“ воскликнулъ я. Нѣсколько человѣкъ, съ важнымъ видомъ, держа подъ мышками большіе свипки бумагъ, усадились въ лодкѣ, и я подслушалъ, что они говорили между собою о дубинкѣ Петра Великаго. Я радовался, что извѣстіе о семъ спасительномъ орудіи дошло до отдаленныхъ береговъ Мономахны, но *Смышленость* увѣрила меня, что хоня слухи о добрыхъ дѣлахъ и полезныхъ

средствахъ разпослался молвою по цѣлому свѣту, но исправляютъ весьма немногихъ: „по-тому“, сказала она улыбувшись, „что

Nous aimons la bonté

Et l'aimable probité.

Dans les autres (*).

Вдругъ появилась богатоубранная лодка съ золотымъ флагомъ, на которомъ вышнѣ былъ пиковый валенъ, держащій въ рукѣ префоваго туза. Веслами владѣлъ бѣдный, сухощавый мужчина, а богатоубранная красавица, съ томными взглядами и примащивою улыбкою, управляла парусомъ чернаго цвѣта. „Это *Игра* съ мужемъ своимъ *Обманомъ*“, сказала мнѣ *Смышленость*. Множество людей разнаго званія стремглавъ бросились въ лодку, и весело отплыли, запѣвъ хоромъ извѣстную пѣсню: „Дайте намъ каршы, здѣсь олухи есть!“ Бѣдный челнокъ присталъ къ берегу, и старая изсохшая женщина, въ рубищѣ, приглашала сѣдоковъ. „Вонъ *Ску-*

(*) *Арія*, которую поетъ извѣстный комическій Парижскій Актеръ Брюне, ил. с. „Мы любимъ добрыя качества и доброту души — въ другихъ.“

постъ,“ сказала моя спутница: „сидитесь, это не преступленіе.“— „Но порокъ“,“ ошвѣчала я, и остался. Нѣсколько шариковъ и шарушекъ, на кѣстыляхъ, побрели въ лодку. „На что этимъ людямъ богатство!“ воскликнулъ я въ досадѣ. „Для послѣдниковъ“,“ ошвѣчала *Смысленость*: „которые нетерпѣливо будущъ ожидать ихъ кончины, чтобы пустить собранныя сокровища на произволъ вѣтровъ.“ Въ это время приблизилась лодка, управляемая женщиною, завѣшенною непрозрачнымъ покрываломъ. На кормѣ горѣлъ медленнымъ огнемъ свѣтильникъ, и горькій дымъ, проникшій мнѣ въ глаза, заставилъ меня зажмуриться. Толпы людей бросились въ лодку, и начали между собою драку за мѣста. „Это расчешливое *Супружество*!“ сказала *Смысленость*. „Богъ съ нимъ!“ воскликнулъ я, и лодка удалась. Вдругъ красное судно съ голубымъ балдахинномъ, пристало къ берегу. На бѣломъ флагѣ написано было золотыми буквами: Терпѣніе. Двѣ женщины величественнаго вида управляли прочною лодкою. Люди хотѣли броситься въ оную, но одна изъ переводчицъ привела

въ движеніе пружину, и края лодки оградн-
лись желѣзною рѣшеткою. Я съ любопыт-
ствомъ, смѣшаннымъ съ удовольствіемъ, смо-
трѣлъ на это, и ожидалъ развязки, не смѣя
вымолвить слова. Вдругъ одна изъ перево-
щицъ взяла въ руки мѣдную скрижаль, и на-
чала по именамъ вызывать изъ толпы своихъ
сѣдоковъ, для которыхъ другая женщина,
отворяла небольшія дверцы въ рѣшеткѣ, и
указывала покойныя мѣста въ лодкѣ. Моего
имени не было произнесено, а потому я и
не осмѣлился приблизиться. Лодка напол-
нилась посѣдлыми во браняхъ воинами, граж-
данскими чиновниками, спискавшими благо-
словеніе своихъ соотечичей, за ихъ правосу-
діе и безкорыстіе, великими Писателями, ко-
торыхъ громкія имена составляютъ славу
ошечества. Правда, что число сѣдоковъ бы-
ло не велико въ сравненіи съ прочими, но
какое-то особенное чувство одушевляло всѣхъ
при видѣ сихъ почтенныхъ мужей, и *Зависть*,
которая сидѣла на берегу во все это время,
и на всѣхъ бросая злобные взгляды, произ-
носила ругательства, вдругъ умолкла и за-
крыла ошвратительное свое лице. „Что это

значить?“ спросилъ я, когда лодка удалилась. „Это *Заслуга* и *Достоинство*,“ сказала моя спутница. „Онѣ весьма рѣдко здѣсь появляются, предоставляя сестръ своей, *Славы*, награждать малое число избранныхъ. Но иногда, въ хорошую погоду, сіи величественныя сестры приближаются къ этому несчастному берегу, и тогда *Достоинство* вызываетъ своихъ любимцевъ по списку *Славы*, а *Заслуга* помещаетъ ихъ въ лодку и перевозитъ къ богатству. Но какъ вы слишкомъ разборчивы въ выборѣ перевозчицъ, и не удостоились перѣхать съ *Заслугою*, то я вамъ советую подождать до окончанія процесса о лодкѣ, и переправитесь съ моимъ дядюшкою, а теперь удалитесь; ибо народъ возвращается отъ мнимаго броду, и вы подвергнетесь опасности быть задавленнымъ въ тѣснотѣ

или утопленнымъ въ рѣкѣ.“ — „Безъ сомнѣнія, надобно подождать!“ воскликнулъ я горестно — и проснулся. Вѣроятно послѣднія слова произнесъ я громко, ибо вошедшій ко мнѣ въ эту минуту наборщикъ изъ шипографіи, сказалъ мнѣ: „невозможно дожидаться: чрезъ часъ шанки заняты будутъ

другою работою. Извольте прочесть корректуру и пожаловать оригиналу (*) для будущей книжки Съвернаго Архива.“ Опять корректуры! подумалъ я. Надежды мои исчезли вмѣстѣ съ сновидѣніями, и я печально принялся выправлять буквы и запятыя. Когда же мой докучливый наборщикъ ушелъ, я написалъ, что вы теперь читали, и отослалъ въ типографію. Его пребываніе удовлетворено, но что скажутъ почтенные мои читатели?.....

(*) Оригиналѣмъ, въ типографскомъ техническомъ языкѣ, называется рукопись, по коей набирается книжка. Корректура есть первый оттисчатокъ, по коему исправляются ошибки наборщика въ буквахъ и словахъ.

Примеч. наборщика.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ.

(Сцена изъ частной жизни.)

Письмо къ Издателю, изъ губернскаго города.

Вчера былъ день рожденія моей жены; нѣсколько чиновниковъ и помѣщиковъ собралось ко мнѣ провести вечеръ, какъ обыкновенно водится, за картами. По окончаніи бostonовъ и вистовъ, передъ ужиномъ, у насъ всегда посвящается полчаса занимательнымъ разговорамъ о собакахъ, лошадяхъ, волкахъ, медвѣдяхъ, о винокуреніи, неурожаѣ и тяжбахъ. На этотъ разъ, какъ-то печально, разговоръ обратился на Литературу: это новость, и довольно рѣдкая, а какъ новости весьма рачительно собираются Гг. Журналистами, то я препровождаю къ вамъ разго-

воръ нашего общества, для помѣщенія, если возможно, въ вашеѣ Журналѣ.

Я (обращаясь къ Почтмейстеру). Вотъ вамъ триста рублей денегъ и списокъ Журналовъ, которые прошу выписать для меня изъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

Судья. Помилуйте, неужели вы такую пропасть денегъ бросаете на Журналы? Воля ваша, это мотовство. Марья Ивановна! (говоришь моеѣ женѣ), какъ вы это позволяете?

Жена моя. Не только позволяю, но даже прошу. Мой мужъ, получая Журналы, больше сидитъ дома, рѣже играетъ въ карты, и въ свободное время всегда находитъ прочесть мнѣ или рассказать что нибудь новое и любопытное.

Прокурорша. Я сама люблю Газеты въ листъ, потому, что изъ нихъ можно дѣлать выкройки. Но если бы была увѣрена, что Журналы удерживаютъ мужей дома, то написала бы ихъ на цѣлую тысячу.

Помѣщикъ. Съ позволенія сказать: сколь-

ко ты проживаешь въ годъ наличными деньгами?

Я. Шестъ тысячъ рублей.

Казнагей. И такъ изъ пяти сотъ рублей въ мѣсяцъ, вы двадцать пять жертвуете на Журналы!

Судья. Мошовство, мошовство! —

Большая часть госшей повторять: Мошовство, мошовство!

Я. Какъ вы думаете, господа, что превосходитъ: умъ или тѣло чловѣка, или говоря ученымъ языкомъ, что въ насъ преимущественнѣе: физическая или нравственная природа?

Директоръ Гимназіи. Странный вопросъ! Тѣло имѣетъ каждое животное, а умъ, частица безсмертной души, есть отличительное свойство разумной твари, сирѣчь чловѣка.

Я. И такъ, какъ же вы хотите, чтобы я не жертвовалъ, менѣе нежели десятою частью моего дохода для ума, когда все прочее употребляю на содержаніе моего тѣла, т. е. на пищу, одежду и кровь?

Часть III

Пожилая помѣщица. Если у васъ есть лишнее, отдайте лучше бѣднымъ.

Я. Благотвореніе есть пища душевная, и тогда только доставляетъ истинное удовольствіе, когда мы приобретаемъ его пожертвованіемъ чего нибудь для насъ пріятнаго. Откажись отъ предметовъ роскоши, причудливой моды, въ пользу бѣдныхъ: напримѣръ, я знаю одну хозяйку, которая дома шьётъ для себя платье и дѣлаетъ всѣ наряды, а то, что бы слѣдовало за работу модисткамъ, отдаетъ бѣднымъ. Я знаю дома, гдѣ охотно отказываются отъ лишняго блюда и новаго платья, въ пользу немущихъ. Но какъ никому не возможно отказаться вовсе отъ пищи и одежды для вспоможенія бѣднымъ, такъ точно благовоспитанному человѣку нельзя отказаться отъ чтенія, которое такъ сказать, составляетъ часть его умственного бытія.

Помѣщикъ. Полно, братъ, философствовать! Я ничего не читаю, а живу преблагополучно. Да и есть ли время читать? Попутру надобно заняться хозяйствомъ, осмотрѣть винокурню, собакъ, лошадей; послѣ

того въ поле, тамъ обѣдать, послѣ спать, пить чай, играть въ бостонъ или вистъ, ужинать. Кромѣ того, поѣздки въ гости, въ городъ за дѣлами, охота — и Богъ знаетъ какія хлопоты, едва оставляютъ время на прочтеніе Прибавленій къ Вѣдомостямъ о подвигахъ, о продажахъ съ публичнаго торгу и о производствахъ въ чины. Читають Журналы можно только отъ бездѣля.

Судья. Конечно: поуспру сидишь въ Судѣ, оштуда въ гости обѣдать, вечеромъ бостонъ — и не увидишь, какъ день прошелъ.

Я. Неужели вы не любопытны знать, что дѣлается въ политическомъ и нравственномъ мірѣ? Неужели не хотите слышать о новыхъ открытіяхъ въ Наукахъ, Художествахъ и сельскомъ хозяйствѣ; о произведеніяхъ Литературы отечественной и иностранной, и вообще объ успѣхахъ просвѣщенія, которое есть первое основаніе величія народовъ?

Судья. Это не наше дѣло: пусть высшіе объ этомъ думаютъ.

Я. Но человѣкъ долженъ слѣдовать за успѣхами просвѣщенія, чтобы во всякомъ

званіи бытъ гошовымъ занятъ высшую степень, и чтобы пріобрѣсть уваженіе и доверенность вышнихъ? Иначе, какъ же возвышать человека, если онъ самъ не двигается?

Помѣщикъ. Какая мнѣ нужда до твоего политическаго и нравственнаго міра! У меня свои новости и свой міръ: напиримѣрь, когда откроють гнѣздо волковъ или медвѣдей въ моихъ дачахъ, когда цѣна на хлѣбъ возвысится, когда вино хорошо продано; когда придется получать денженки за подрядъ — а впрочемъ, хоть права не расти.....

Я. Но какая же цѣль твоей жизни? Если деньги, то онѣ имѣють цѣну отъ употребленія. Если ты, пріобрѣтая деньги, намѣренъ усовершенствовать земледѣліе, состояніе твоихъ крестьянъ, заводы, фабрики — похвально. Но для этого надобно также знать что дѣлается въ другихъ мѣстахъ, какія сдѣланы по симъ часямъ открытія и усовершенствованія. И для этого не худо пожертвовать нѣсколько соменъ рублей на книги и Журналы.

Помѣщикъ. Ты говоришь, какъ будто у меня были милліоны. Я всего имѣю двадцать

пять тысячъ годового дохода, а съ этимъ брашь, не разѣдешься на усовершенствованіяхъ. Псарня, конюшня и охота стоятъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, четыре тысячи рублей въ годъ. Посчитай домашніе праздники, на которыхъ, какъ тебѣ извѣстно, у меня разливное море. Въ другихъ случаяхъ, я также не люблю ударить лицомъ въ грязь: экипажи у меня славные, жена одѣта кукольно, домъ меблированъ чудесно; кромѣ того; при дѣтяхъ Французская мадамъ и гувернеръ стоятъ дороже цѣлой конюшни. Теперь сосчитай, что надобно на разные мелкіе расходы: на карты, подарки, бездѣлки, и все, чего я не могу и не хочу вспомнить. Признаюсь откровенно, что хотя я живу какъ человѣкъ, имѣющій сто тысячъ дохода, но за то къ концу года не достаетъ денегъ не только на Журналы, но даже и на писчую бумагу.

Судья. Напримѣръ, на что мнѣ чтеніе Журналовъ? мое дѣло знать законы.

И. При знаніи законовъ надобно слѣдовать за успѣхами Правовѣднія; надобно руководствоваться опытами вѣковъ въ труд-

ныхъ обстоятельствахъ процесса, а не полагаешься на свой умишко. Изъ Исторіи и современныхъ событій должно Судья почерпнуть уроки гражданского мужества и постоянства, и наконецъ чрезъ Журналы, какъ чрезъ окно, смотрѣть въ прошедшее и настоящее въ цѣломъ мірѣ, чтобы, собирая повсюду полезныя истины, быть Судьею и гражданиномъ — а не машиною для подписыванія рѣшеній.

Судья. Пусть такъ! Жаль, что я не выигралъ пули, а то бы подписался.

Помѣщикъ. Живши въ столицѣ, я какъ то разъ принужденъ былъ подписаться — но не имѣя времени читать, отдалъ билетъ конфетчику. Тамъ еще хуже, чѣмъ въ деревнѣ: служба, дѣлишки, визиты, балы, театры, маскарады, вечера, прогулки, столько отнимаютъ времени, что если бѣ сутки состояли изъ 36 часовъ, то все было бы нѣкогда занятья чтеніемъ.

Я. Я знаю цѣну слова *нѣкогда*, тогда только, когда мы *нѣкогда* теряемъ времени на пустыя занятія.

Офицеръ. Я занятъ службою съ утра до вечера, однакожь нахожу время на чтеніе.

Директоръ Гимназіи. И я также.

Помѣщикъ (говоритъ мнѣ). Ты видно, братъ, съ родни какому нибудь Журналисту или Сочинителю, что такъ горячо хлопочешь объ ихъ выгодахъ. Не бойся, они не пропадутъ и безъ насъ.

Я. Я хлопочу не о нихъ, но объ успѣхахъ Литературы и просвѣщенія вообще. Пусть Кришники бранятъ произведенія своихъ соперниковъ — успѣхъ даже посредственныхъ Журналовъ и книгъ возбудитъ охоту и соревнованіе къ изданію лучшихъ и усовершенствованію настоящихъ. Въ Англіи, Франціи, Германіи и Сѣверной Америкѣ, чтеніе считается необходимостью жизни, и расходы на Журналы и книги поставляются въ числъ непремѣнныхъ и постоянныхъ издержекъ хозяйства. Пока у насъ этого не будетъ, мы никогда не сравнимся съ другими въ общемъ образованіи. Въ иностранныхъ Государствахъ также не начали издавать совершеннаго: было хорошее и посредственное въ своемъ родѣ; но патріотизмъ, возвышен-

ная любовь къ просвѣщенію и ко благу чело-
вѣчества заставляя досташочныхъ гражданъ
поддерживать Сочинителей. — Отъ этого
мало по малу вкусъ къ чтенію распростра-
нился, и сдѣлался общимъ. Сочинители до-
стигли до возможности трудиться незави-
симо, для общей пользы и удовольствія. —
Народы невольно просвѣтились. Помните
ли вы анекдотъ о томъ Философѣ, который,
претерпѣвъ кораблекрушеніе и будучи выбро-
шенъ на пустой берегъ волнами, увидѣлъ
геометрическія фигуры, начертанныя на пескѣ,
и воскликнулъ въ радости: „здѣсь живутъ
люди!“ Точно шакъ и я, когда, пріѣзжая въ
домъ, вижу книги и Журналы, то говорю:
здѣсь живутъ люди! Гдѣ же нѣтъ печатныхъ
листовъ, тамъ для меня пусто, и все кажеш-
ся, будто пахнетъ лѣсомъ и дичью.

Слуга. Ужинать подали.

Я. Господа, милости просимъ!

ДОБРО и ЗЛО,

и л и

ОПЫТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ.

Für Wenige!

„Я не люблю людей,“ говорил мнѣ пылкій юноша: „они злы, коварны, неблагодарны!“ — „То есть, ты не любишь злыхъ, коварныхъ и неблагодарныхъ людей, мой другъ!“ возразилъ я: „это весьма справедливо.“ Юноша вспыхнулъ, глаза его засверкали, щеки покрылись румянцемъ. Зная, что юношей и вообще всехъ пылкихъ людей иначе нельзя убѣдить, какъ позволивъ имъ сперва высказать все, что у нихъ лежитъ на сердцѣ, я собрался хладнокровно слушать мизантропическія выходки моего противника. „Простри взоръ твой въ глубокую даль Исто-

ріи, взгляни на западную Европу, на Азію, Африку и Южную Америку!“ воскликнул юноша: „что представится твоимъ взорамъ? кровопролитныя войны, внутреннія потрясенія Государствъ, буйство страстей. Загляни въ судилища: они наполнены тяжбами и лбедою; проникни въ чертоги знатныхъ: тамъ, подъ бременемъ пресыщенія, изнывають обманутое или возрастающее честолюбіе, оскорбленное высокомеріе или раждающаяся гордость. Подъ стѣною чертоговъ гнѣздяшся зависть и корыстолюбіе. Есть миръ для Государствъ, но для людей нѣтъ мира. Они безпрестанно воюють между собою оружіемъ клеветы и лбеды. Гдѣ дружба? гдѣ любовь? гдѣ безкорыстіе?“..... Юноша говорилъ съ такимъ жаромъ, что дыханіе его почти пресѣлось, и онъ замолчалъ отъ усталости. „Все ли?“ спросилъ я. — „О, я знаю, что ты станешь мнѣ возражать!“ сказалъ юноша съ горькою улыбкою: „знаю даже, чѣмъ ты будешь возражать. Нѣтъ правила безъ исключенія, скажешь ты, не правда ли? и начнешь выбирать изъ безчисленнаго списка историческихъ именъ, Аристидовъ, Феми-

стокловъ, Эпамипондовъ, Фабриціевъ, Капотовъ, Сюлліевъ, Матвѣевыхъ, Долгорукихъ. Побереги свою память и краснорѣчіе на что нибудь другое. Ты не убѣдишь меня, извлекаши изъ подъ спуда вѣковъ нѣсколько блестящихъ именъ, заваленныхъ легіонами самолюбцевъ, честолюбцевъ и завоевателей! — Расчисти хорошенько, сколько взяточниковъ встрѣчается въ Исторіи на одного безкорыстнаго Аристиды? Много ли начтешь Сюлліевъ? О Долгорукомъ не говорю ни слова. — Пріятель, образумься! Вѣки улыбаются за вѣками въ вѣчность; на поверхности волнъ Исторія можетъ уловить едва нѣсколько именъ, и спасши ихъ отъ пошопленія, и въ этомъ маломъ числѣ много ли достойныхъ истинной благодарности человѣческаго!

“ Юноша, кончивъ свою рѣчь, казалось, былъ доволенъ, что я не прерывалъ его, и съ торжествующимъ видомъ началъ прохаживаться по комнатамъ. вмѣсто отвѣта, я позвалъ моего служителя. „Семь! принеси мнѣ горсть пшеницы, горсть отрубей, вѣсы и стаканъ воды.“ — „На что это!“ спросилъ юноша. — „Для опытовъ эксперимен-

стальной Философіи;“ отвѣчалъ я хладнокровно: „я хочу отвѣчать тебѣ на твою грозную филиппику противу рода человѣческаго.“ — „Какимъ образомъ?“ — „Увидишь!“ Между тѣмъ служитель принесъ требуемое мною, и я приступилъ къ опытамъ.

Сперва я насыпалъ на вѣсы опрубей и пшеницы, такимъ образомъ, чтобы указатель останоуился на почкѣ равновѣсія, и потомъ сказалъ: „Физическій міръ держится и движется по законамъ тяжести (или равновѣсія), начертаннымъ волею Зиждителя. На основаніи сихъ законовъ движутся планеты въ недосигаемомъ уму пространствѣ, ушверждены на землѣ огромныя зданія, и тяжелые корабли разсѣкають волны. Тотъ же порядокъ царствуетъ невидимо въ нравственномъ мірѣ: все основано на равновѣсіи. Если въ сердцѣ человѣка злыя склонности превѣтшивають добрыя, онъ выходитъ изъ обыкновеннаго круга, и пока гнѣвъ Божій или правосудіе не обуздають его, презрѣніе людей преслѣдуетъ его и обнаруживаетъ сокровенныя ощущенія. Но, по счастью, злыхъ людей гораздо менѣе, ибо въ противномъ случаѣ,

они нарушили бы равновѣсіе и расторгли бы общественную связь. Общества человѣческія не могли бы существовать, если бы злыхъ было болѣе, нежели добрыхъ, такъ точно, какъ люди не могли бы обитѣть въ странѣ, гдѣ совокупная сила хищныхъ звѣрей превышала бы совокупную силу людей.“ — „Позволь мнѣ прервать рѣчь свою;“ — сказала юноша: „мнѣ кажется, что ты противорѣчишь себѣ: говоришь, что злыхъ менѣе, нежели добрыхъ, а на твоихъ вѣсахъ количество опрубей равно количеству пшеницы,“ — „Попрѣжь въ рукахъ эти опруби,“ сказала я: „видишь ли, сколько въ нихъ осталось мучныхъ, т. е. питательныхъ частей? Если хорошенько прочистишь эти опруби, то шелухи останется весьма не много, а остатки этой муки при опрубкахъ означаютъ только слабость и невѣжество, увлекаемая порокомъ: большее же или меньшее ея количество зависитъ отъ молотья и просѣву т. е. отъ воспитанія. Теперь я покажу тебѣ другой опытъ.“ Тутъ я взялъ горсть пшеницы и высыпалъ въ сѣяканъ воды. Куколь и торница тотчасъ всплыли наверхъ, а хорошія

зерна остались на днѣ. „Видишь ли, какъ злое лѣзетъ вверхъ!“ сказалъ я. „Такъ точно и въ свѣтѣ: хорошаго надобно искать, а дурное бросается въ глаза само собою, не взирая на то, что хорошихъ зеренъ гораздо болѣе на днѣ.“ — Теперь остается мнѣ отвѣчать тебѣ еще на одно твое предложеніе: почему въ Исторіи находится болѣе именъ злыхъ людей, нежели добрыхъ? Потому именно, что зло гораздо сильнѣе поражаетъ воображеніе толпы, которая съ такою же жаждою чинилась походами Аттилы и Тамерлана, какъ разбойничьи Романы, волшебныя Сказки и страшныя Баллады. Чтобы правиться, чтобы быть чиняными, Историкъ избираютъ поразительные предметы для выказанія своего краснорѣчія. Но возьми цѣлыя эпохи Исторіи, сравни ихъ между собою, и ты увидишь, что масса добра всегда превъшла массу зла на Земномъ шарѣ; что если въ одномъ углу зло перевѣшивало добро, тамъ общество разрушалось, но за то въ цѣломъ мірѣ добро всегда и вездѣ торжествовало. И такъ, любезный другъ, не шерпи злости, коварства, неблагодарности лю-

дей — по люби человечество. Дѣлай добро, и вѣрь, что ты найдешь въ человечествѣ любовь, дружбу, истину, правосудіе и все то, что тебѣ кажется несущестующимъ, потому только, что ты поверхностно взглянулъ на свѣтъ и видѣлъ лишь куколь и порицу. Вотъ тебѣ мой совѣтъ — и конецъ опытамъ экспериментальной Философіи.“

ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПЕРЕДНИМЪ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СТРАНСТВОВАНІЯ.

Кто изъ насъ не бывалъ въ переднихъ? Это не только неминуемая дефиле въ кабинеты, въ гостиныя и въ столовыя, но во многихъ случаяхъ, крѣпкая позиція, изъ которой искусные искатели блокируютъ форту, и даже принуждаютъ ее сдаваться на капитуляцію. — Не всякому открытъ входъ въ домъ по задней лѣсницѣ; это привилегированный путь для домашнихъ друзей, а чтобъ быть домашнимъ другомъ во многихъ домахъ, надобно имѣть особенныя качества, приобретаемыя также по большей части въ переднихъ. Самое названіе *переднихъ* пока-

with her in London.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПЕРЕДНИМЪ.

зывается, что чрезъ все люди подвигаются *впередъ* на поприщѣ свѣтской жизни. Мнѣ право наскучило быть всегда вмѣшаннымъ въ толпу, зѣвать снизу на любимцевъ счастья, ловить ихъ небрежные взгляды и отвѣчать поклонами на легкое склоненіе головы. Мнѣ хочется сдѣлаться чѣмъ нибудь въ свѣтъ. Служите, трудитесь! скажутъ мнѣ строгіе моралисты. Но это большая и для всѣхъ открытая дорога къ почестямъ и богатству; на ней тѣсно, и къ тому же идти по ней далеко. Нельзя ли испытать проселочной — чрезъ рвы, плетни, заборы и подземные ходы? — Впередъ! впередъ! чрезъ переднія!

Ударило 9 часовъ утра, и я уже на лѣснницѣ вельможи. Я пришелъ пѣшкомъ, и потому самъ долженъ отворять двери; рука швейцара не прикасается къ привѣтному колокольчику, чтобы извѣстить вверху о моемъ прибытіи. „Принимаетъ ли Его Сіятельство?“ — „Сступайте въ переднюю!“ — отвѣчалъ швейцаръ, перебирая визитные билеты. Съ его позволенія, я устанавливаю мои калоши въ темномъ уголкѣ, кладу шинель на

запыленное окно, и поправивъ галстукъ, отряхнувъ платье и пригладивъ волосы, вхожу въ переднюю.

Здѣсь я долженъ сдѣлать общее замѣчаніе. Передняя въ домѣ есть зеркало, въ которомъ отражаются характеръ хозяина и хозяйки, ихъ привычки и страсти, домашнее управленіе, образъ жизни и все, что обнаруживаетъ человека. Не бывши въ домѣ дальѣ передней, всякъ можетъ узнать вдоль и поперекъ хозяевъ дома. Спюнтъ только наблюдать со вниманіемъ. Чипкатели увидяпъ это на опытѣ.

Я осмотрѣлся: на большомъ комодѣ стояло дюжины двѣ подсвѣчниковъ съ полусгорѣвшими свѣчами, лежало множество кусковъ полуниспаннаго мѣлу и куча картъ. Дюжій лакей разбиралъ карты по колодамъ, и согнутыя бросалъ въ особую корзинку. Нѣсколько лакеевъ дремало поджавши руки; одинъ толстый, низкій лакей съ лоснящимся лицомъ, вязалъ чулки, трое играли въ три листа, а два мальчика въ орлянку. Нѣсколько человекъ въ Русскихъ кафтаняхъ смиренно дожидались свиданія съ хозяиномъ. Члены-

ре просишеля, съ торчащими изъ-за пазухи бумагами, прохаживались медленными шагами. Я стоялъ среди комнаты, посмапиривалъ на всѣ стороны и любовался грязнымъ великолѣпиемъ передней будущаго моего покровишеля.

Вдругъ вбѣгаетъ миловидная служанка. — „Иванъ! что жъ ты нейдешь въ модный магазинъ за платьемъ барыни?“ —

„Мнѣ баринъ велѣлъ сходить къ Англійскому конюху!“ — „Но ты знаешь, что прежде надобно слушаться барыни: ступай же скорѣе!“ — „Иду, иду, сударыня!“ — сказалъ Иванъ, зѣвая и потягиваясь — и вышелъ изъ передней.

„Доложи пожалуйста, барину, что мы ходимъ сюда двѣ недѣли сряду, и не можемъ не только получить денегъ, но даже расчитаться за передѣлку дома Его Сіятельства!“ — сказалъ въ полголоса подрядчикъ, съ сѣдою бородою. „Я вамъ дамъ за труды, бабюшка!“ примолвилъ онъ. Разбравшій карты лакей обернулся при послѣднихъ словахъ: „Что жъ вы не кончите съ дворцомъ?“ сказалъ онъ

„Намъ, сударь, нельзя взять векселя: мы платили работникамъ наличными деньгами.“ — „Ну, хорошо, погоди.“ — Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ, и дюжій лакей побѣжалъ къ барину. Всѣ поѣшители привстали; а прогуливавшіеся остановились, и каждый началъ оправляться, въ надеждѣ, что его позовутъ. Между тѣмъ отворились двери, и вошелъ пожилой Французъ, ярко напудренный, съ широкимъ галстухомъ и съ улыбающеюся фizioномією. Я около десяти лѣтъ встрѣчалъ его на толкучемъ рынкѣ и у подъѣздовъ знатныхъ людей, но не зналъ ни его ремесла, ни имени. Поклонившись фамиліарно лакеямъ, онъ только спросилъ, проснулся ли баринъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, безъ доклада пошелъ прямо въ спальню. „Какъ зовутъ этого господина, и кто онъ таковъ?“ спросилъ я мальчика. — „Мусье Грипусье; а кто онъ таковъ, не знаю: говорятъ, отставной гувернеръ или учитель.“ — „Часто ли онъ бываетъ здѣсь?“ — „Онъ безпрестанно таскается съ письмами, вещами и Богъ вѣсть съ чѣмъ.“ — Наконецъ дюжій лакей возвратился. Мы устремились на

него вопросительные взоры наши, но онъ не удостоилъ даже взглянуть на насъ. „Господа!“ сказалъ онъ лакеямъ: „сегодня у насъ обѣдъ: къ дѣлу, извольте — ка отправляться. А вы приходите завтра. Его Сіятельство занятъ, и никого не принимаетъ.“ — После этого приговора, мы съ печальными лицами обратились вслѣдъ. Я съ четверть часа долженъ былъ отыскивать одну мою калошу, которую молодая собаченка швейцара забросала соромъ, и ушла подъ лѣстницу, и надѣвая шинель замѣтилъ, что г-жа швейцарша изволила обширать объ нее кофейникъ или кастрюлю. — Все это небольшія бѣды на поприщѣ искаательства: я благодарилъ Бога, что меня не заставили дожидаться до вечера, и побрелъ къ любимцу вельможи.

На пути я сдѣлалъ свои заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго. Мой будущій покровитель азардный игрокъ: это доказываютъ куча полуниспаннаго мѣлу и ломанья каршны или понтерки. Онъ находится подъ властію достопочтенной своей супруги: это я постигаю изъ словъ служанки. Онъ дурно

управляетъ своими дѣлами: это обнаружили подрядчики. Онъ мало занимается должностью: этому доказательствомъ служили мы, просители. Онъ, кажется, любитъ пустыхъ людей — потому, что пускаетъ къ себѣ безъ доклада этого переметнаго Француза. Хорошо: на первый случай, я довольно познакомился съ Его Сіятельствомъ, и не выдавъ его. Чѣмъ далѣе, тѣмъ узнаю лучше: но вижу, что мнѣ надобно прежде прибѣгнуть къ покровительству Ея Сіятельства, и въ этомъ мнѣ поможетъ мадамъ Тупурделоръ, содержательница знаменитаго моднаго магазина. Впередъ! впередъ!

Отъ скуки на пути, я повторялъ про себя извѣстный монологъ изъ Комедіи А. С. Грибоедова, Горе отъ ума:

„Кто наши строгіе цѣнители и судьи!“ —

Но вотъ домъ моего подпокровителя, т. е. любимца вольможи, избраннаго мною въ покровители: войдемъ.

На лѣстницѣ, встрѣтилъ я моего стараго знакома, который столько разъ перемѣнялъ свой образъ мыслей и жизни, что я

при каждой встрѣчѣ боюсь назвать его по имени, не зная, перемѣнилъ ли онъ его, или удержался при старомъ. Того и жди, что онъ назовется Хацкелемъ или Ибрагимомъ. Я вспомнилъ, какъ онъ недавно бранилъ нынѣшняго любимца вельможи, когда онъ былъ безъ мѣста, и пошому весьма удивился, встрѣтивъ его на лѣспинцѣ этого же самаго человека. „Куда вы, почтеннѣйшій?“ сказала мнѣ эполъ живой барометръ фортуны! къ почтеннѣйшему, благороднѣйшему, честнѣйшему, великодушнѣйшему, умнѣйшему Фалалю Фалалеевичу?“ — „Да, къ нему.“ — „Онъ дома: почтеннѣйшій и великій человекъ! — Откуда вы?“ — „Отъ Князя.“ — „Отъ Князя!“ — „А приняли васъ?“ — „Нѣтъ.“ — „Отъ того, что рано пришли. Впрочемъ тамъ хотъ принимающъ — но здѣсь, здѣсь, башюшка, самое жерло милостей; здѣсь у почтеннѣйшаго, благороднѣйшаго, честнѣйшаго, великодушнѣйшаго, умнѣйшаго Фалалю Фалалеевича. Но, увы! онъ непроступень, по крайней мѣрѣ для меня, эполъ почтеннѣйшій и великій человекъ. Сшупайте, попробуйте счастья.“ Ошвѣсивъ поклонъ

живому барометру фортуны, я вошелъ въ переднюю новаго жреца слѣпой богини.

Мебели, украшавшія нѣкогда гостиную, стояли теперь въ передней, и возвѣщали о перемѣнѣ участіи хозяина. Истертый бараканъ на софѣ служилъ доказательствомъ, что на немъ уже пересидѣло много просителей. Я засталъ человѣкъ десять искашелей, посматривавшихъ изъ подлюбы другъ на друга, и на двери пріемной залы; подошелъ къ мужиковатому лакею, который вывинчивалъ всковые огарки изъ подсвѣчниковъ, и въ забывчивости, обтиралъ руки на своемъ тулѣ, по старой привычкѣ, какъ водится съ сальными свѣчами. „Можно ли видѣть барпа?“ — „Видите, что дожидаются прежде васъ!“ — отвѣчалъ грубо лакей. Худое предзнаменованіе, подумалъ я: у вельможи приняли меня только небрежно, а здѣсь грубо. Но подождемъ конца. Мальчикъ въ казацкомъ платьѣ чистилъ калѣшки и насыпалъ кормъ птицамъ. Я подошелъ къ нему. „Принимаешь ли баринъ сего дня?“ — „А мнѣ почему знать?“ отвѣчалъ онъ, не удостоивъ меня взглядомъ. Въ это время отворились двери съ лѣстни-

цы: выказалась рыжая борода и часть огромной корзины. „На черную лестницу!“ заревѣлъ мужиковатый лакей, и дѣръ поспѣшно захлопнулась. Между тѣмъ я прохаживался по передней тихими шагами, и осматривалъ окружающіе меня предметы. Въ одномъ углу комнаты лежала куча сору, прикрытая щеткою, въ другомъ были дрова, въ третьемъ у дверей стояли вычищенные калоши хозяина, и на стулѣ лежалъ его серпукъ, въ четвертомъ стоялъ сундукъ, какъ видно, лакейскій, на которомъ краска давно уже поистерлась. Изъ-за него торчали бумаги разнаго формата, пряжки и пучокъ розогъ. На стѣнахъ висѣли нѣсколько гравированныхъ картинокъ, представляющихъ сраженія 1812-го года. Рамки краснаго дерева свидѣтельствовали, что эти картины имѣли нѣкогда честь украшать комнаты. Вдругъ раздался стукъ кареты у подъѣзда, вошелъ человекъ въ галунахъ, дружески поздоровался съ мужиковатымъ лакеемъ, и спросилъ, принимаетъ ли баринъ. „Поспой, я спрошу.“ — Чрезъ минуту онъ возвратился, и сказалъ „многости просимъ!“ — Мужиковатый лакей оппёръ

двери настежь и поклонился вошедшему господину, за которымъ слуга несъ связку бумагъ. Эпошъ господинъ взялъ бумаги, и торжественно пошелъ въ пріемную залу, пригладивъ лѣвый карманъ, который у него оптопырился самымъ примѣтнымъ образомъ.

Дверь въ передней снова отперлась, и служилецъ въ ливрѣ (держа въ рукѣ связку, изъ коей блестѣлъ серебряный уголокъ какой-то посуды), вошелъ бысро. — „На черную лѣстницу!“ воскликнулъ грозно мужиковатый лакей, и лакей въ ливрѣ снрремглавъ бросился назадъ. Входитъ человекъ порядочно одѣтый, вѣжливо кланяется на всѣ стороны, подходитъ на цыпочкахъ къ лакею и, всунувъ ему въ руку что-то, проситъ доложить о себѣ. „Радъ бы душею, сударь, да нельзя: баринъ занятъ въ кабинетѣ съ просншелемъ.“ — „Такъ ондай ему это письмо.“ — Тутъ порядочно одѣтый человекъ вынулъ толстый пакетъ, вручилъ лакею, а самъ съ помусленными глазами остановился посреди комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ лакей возвратился, и сказалъ порядочно одѣтому человеку съ поклономъ. „Позвольте прой-

ти на половину барыни, и подождать, пока баринъ выйдетъ съ вами переговоришь.“ Обрадованный вручитель письма проскользнулъ въ двери, а мужиковашый лакей, обращаясь къ намъ, проворчалъ: „Баринъ сегодня никого не принимаетъ: извольте приходите завтра.“ Мы въ безмолвіи вышли на улицу. Между тѣмъ ударило 12 часовъ, и я, не надѣясь болѣе заснать дома нужныхъ мнѣ людей, отложилъ мое путешесствіе до слѣдующаго дня.

Второй день странствованія.

По передней любимца вельможи, я заключилъ, что мнѣ нѣчего отъ него надѣяться. Серебряный уголокъ посуды, корзина, письмо и општопыренный карманъ, видѣнные мною мелькомъ, объяснили мнѣ, какъ по писанному, какія качества имѣть должно, чтобы понравиться Фалалею Фалалевичу. Нельзя ли найсти приступа къ его сердечку чрезъ добрыхъ его пріятелей? — Попробуемъ!

Я весь день перебиралъ по адресъ-календарю всѣхъ моихъ знакомыхъ, и наконецъ рѣ-

шился начать съ земляка и дальняго родственника. Этого землякъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей нашей провинціи, умѣлъ удовлетворить свое состояніе выгодною женитьбою. Въѣсто того, чтобы пользоваться своимъ богатствомъ, заниматься благосостояніемъ своихъ крестьянъ, воспитаніемъ дѣтей и наслаждаться уваженіемъ, оказываемымъ обыкновенно въ провинціи людямъ богатымъ, землякъ мой выстроилъ въ деревнѣ каменные палаты, отдалъ ихъ подъ построй мышамъ и крысамъ, а самъ переселился въ столицу, и вступилъ въ сословіе искашелей. Его честное и умственное способности составляють двѣ противоположности, и потому двадцать слѣшкомъ лѣтъ, онъ безъ всякой пользы смотритъ, облизываясь, на почести, какъ лиса на спѣлый виноградъ. Но погребъ его наполненъ хорошими винами, поваръ у него искусный, комнаты обширныя, и потому къ нему собираются иногда порядочные люди, какъ говорится, откушать хлѣба-соли, поиграть въ карты, и поговорить между собою, не заботясь о головѣ хозяина, какъ о посудѣ, въ которой стряпаютъ обѣдъ въ его кух-

нѣ. Къ нему-то я направилъ путь, въ надеждѣ получить рекомендательное письмо, или побудить его замолвить за меня доброе словцо.

Въ 8 часовъ утра, я уже былъ въ передней моего земляка. „Всталъ ли баринъ?“ — „Спитъ.“ — Надобно подождать. Дверь въ залу была опворена, но тамъ вымешали, чистили, и облака пыли, какъ на проезжей дорогѣ, заставили меня подождать въ передней. Гдѣ положить шинель? На лоснящихся скамьяхъ лежатъ кенкеты, въ ручьяхъ лампового масла; на большомъ столѣ двое порпныхъ почииваютъ ливрею и обшиваютъ ее вывороченными галунами, а мальчикъ, недавно вышедшій изъ ученья, шьетъ для барина жилетъ. На одномъ окнѣ голодная дворня завтракаетъ изъ черной кашрюли, въ которой перемѣшано нѣсколько соусовъ, оставшихся отъ вчерашняго пиршества. Не дурию, подумалъ я: это родъ жидкаго паппеша. На другомъ окнѣ, мальчикъ въ упреннемъ нарядѣ, (ш. с. въ засаленной курнѣ и шараварахъ изъ сѣраго сукна домашней фабрики), чиститъ сапоги барина, и взорами пожираетъ лакомый завтракъ взрослыхъ лаксевъ. Вхо-

дншъ служанка съ обстриженною головою, въ платьѣ изъ полосатой набойки, въ шемизеткѣ парусинной, и грозно восклицаетъ областнымъ партьчємъ: „Давайце самоваръ, барышни встали!“ — „Погоdzi!“ отвѣчаетъ ей лакей. Вбѣжала босоногая дѣвчонка, также обстриженная, въ набойчатомъ платьицѣ. „Баринъ звонилъ!“ вскричала она, и лакеи разбѣжались въ разныя стороны, оставивъ съ сожалѣніемъ кастрюлю, на которую напалъ мальчикъ, чистившій сапоги, и довершилъ поспѣшно ея опустошеніе. Въ это время входилъ согнутый и нахорщенный подьячій, извѣстный своимъ ябедническимъ краснорѣчємъ, поглядываетъ на меня изъ подлѣбья однимъ глазомъ, снимаетъ шинель, бросаетъ ее небрежно на столъ поршннхъ п, не спросивъ, вешалъ ли баринъ, принимаетъ ли, — идетъ прямо во внутреннія комнаты. Между тѣмъ я подвигаюсь впередъ, начинаю разоблачаться, но лакей въ дверяхъ удерживаетъ меня извѣщеніемъ, что баринъ приказалъ вѣзмъ онъ-казыванъ. „Ну какъ же эиотъ подьячій вошелъ безъ доклада?“ — „Баринъ приказалъ впускать только *нужныхъ* людей и гостей, къ

которымъ мы разносимъ билеты съ приглашеніями къ обѣду.“ — „Доложи барину, что я его землякъ и родственникъ.“ — „Не смѣю, сударь: онъ принимаетъ только тѣхъ земляковъ и родственниковъ, которые ѣздытъ въ каретахъ, или находящея при хорошихъ мѣстахъ.“ — Я не хотѣлъ продолжати разговора съ лакеемъ, и вышелъ на улицу.

Чего мнѣ ожидать отъ этого человѣка? думалъ я. Его передняя, принадлежащая къ самымъ мрачнымъ картинамъ Фламандской школы, не есть ли самое вѣрное изображеніе его жизни и характера? Это борецъ роскоши съ скупостью, голода съ пресыщеніемъ, нечистоты съ великолѣпіемъ, не обнаруживаешь ли эгоизма, который дышитъ и движется единственно для собственныхъ выгодъ? Если бъ онъ могъ, то солнечный свѣтъ закупорилъ бы въ Шампанскія бутылки, чтобы подчивать имъ только *нужныхъ* ему людей! — Свободный пропускъ подъячему довершилъ мое опивращеніе отъ передней моего земляка — я рѣшился никогда къ нему не являться.

Куда направить путь? Неудача моего

путешествія возбудила во мнѣ самыя непріятныя чувствованія. Лакейская важность, уничиженіе просителей и искастелей, черныя подробности переднихъ, на которыхъ отражались мрачныя черты человѣческаго сердца, все это возбудило во мнѣ природную мою чувствительность, и я пролилъ нѣсколько слезъ весьма горькихъ! — Тихими шагами возвращался я къ моему жилищу, но, поровнявшись съ домомъ одного вельможи, еще вздумалъ попробовать счастья, и вошелъ къ нему на лестницу.

Швейцаръ встрѣтилъ меня съ вѣжливымъ поклономъ и просилъ войти вверхъ. Я вошелъ въ опрятную переднюю: кругомъ были чистые ящики, и одинъ только дежурный лакей ожидалъ приказаній. Онъ вспалъ, услужливо пособилъ мнѣ снять шинель, свернулъ и положилъ ее на скамью. „Дома ли Его Превосходительство?“ — „Извольте войти въ комнаты: я сей часъ доложу.“ — „Я подожду здѣсь.“ — „Нѣтъ - съ! баринъ этого не любитъ: пожалуйста, войдите въ комнаты.“ — Лакей отворилъ мнѣ двери, и я встрѣтилъ

Секретаря вельможи, выходявшего изъ кабинета съ бумагами. Этотъ молодой, благовоспитанный человекъ (съ которымъ мы нѣсколько разъ видались у общаго нашего знакома), въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ спросилъ меня о причинѣ моего прихода. „Я хотѣлъ бы попросить Его Превосходительство о доставленіи мнѣ какого нибудь мѣста или о рекомендаціи.“ — „Его Превосходительство не откажетъ вамъ въ этомъ,“ — отвѣчалъ мнѣ Секретарь: „и приметъ васъ непременно. Но если вамъ угодно послушать моего совѣта, не беспокойте его сегодня. Онъ самъ обрабатываетъ всѣ важныя дѣла, и теперь занятъ. Прийдите въ другое время, а я между тѣмъ предувѣдомлю его о вашемъ посѣщеніи. Впрочемъ, если вы непременно хотите видѣться съ Его Превосходительствомъ, то человекъ тотчасъ доложитъ.“ — Я былъ приведенъ въ такое недоумѣніе ласковостью и вѣжливостью Секретаря, услужливостью слуги, чистотою, порядкомъ, тишиною въ домѣ, что въ минушу не могъ собраться съ ошвѣтомъ. Наконецъ, поблаго-

мѣшать занятіямъ его начальника, и прійду въ другое время.

Лакей подалъ мнѣ шинель, надѣлъ калоши, и отворивъ двери на лѣстницу, вѣжливо поклонился. Швейцаръ проводилъ меня почтенно съ такими же обрядами, какъ званого гостя, и увѣдомилъ, въ которое время могу видѣть барина, не мѣшая ему заниматься дѣлами.

Какое заключеніе должно сдѣлать о характерѣ вельможи, который самъ занимается дѣлами, и сверхъ того находитъ время допускать къ себѣ ищущихъ его помощи и совѣтовъ? Вѣжливость и внимательность слугъ не есть ли отпечатокъ добродушія господина? Слуги вообще стараются подражать господамъ, и такъ сказать, выкраиваютъ свои характеры по образцу господскихъ. *Tel maître, tel valet* (каковъ баринъ, таковъ и слуга), твердитъ Французская пословица, и это неоспоримая истина. Любовь къ порядку, къ чистотѣ въ домѣ, обнаруживаетъ чистоту, спокойствіе души. Доступность есть самое вѣрное доказательство возвышенныхъ чувствованій, состраданія къ ближнему, позна-

нія сердца человѣческаго. Иногда одно ласковое слово вельможи служитъ цѣлебнымъ бальзамомъ для расперзаннаго сердца; совѣтъ мудраго спасаетъ насъ часто отъ отчаянія.

Съ этими мыслями, утѣшенный и обрадованный, я возвращаюсь домой, и, представляя себѣ мое удивленіе: нахожу нѣсколько чуждыхъ лицъ въ моей передней! — Одинъ изъ нихъ шаркалъ и кланялся передъ моимъ лаксемъ, который въ изумленіи и съ непривычки не зналъ, что дѣлать, шаркалъ еще, громче и еще ниже кланялся. Другой искалъ мѣста переписчика; третій просилъ рекомендаціи къ книгопродавцамъ въ качествѣ переводчика Романовъ и издателя Сонниковъ и гадательныхъ книжекъ; четвертый принесъ въ подарокъ дурно раскупаемую книгу, пятый принесъ грозную антикристику на справедливую критику. „Милости просимъ, господа, ко мнѣ въ кабинетъ!“ воскликнулъ я. Послѣ моего чувствительнаго путешествія по переднимъ, думалъ я, должно выломать вовсе двери, раздѣляющія мою переднюю съ залою. Ошрекаюсь вовсе отъ вторичнаго путешествія по переднимъ и отъ всякаго иска-

пельства. Если жъ вздумаю заглянуть въ чью
либо переднюю, то это будетъ въ такомъ
только случаѣ, когда мнѣ надобно будетъ
узнать характеръ хозяина, не заводя съ нимъ
знакомства.

ПРОВИНЦІЯЛЪ
ВЪ ОБЩЕСТВѢ БОЛЬШАГО
СВѢТА.

(Письмо къ сосѣду изъ столицы)

Помнишь ли ты, сосѣдъ, съ какимъ любопытствомъ слушали мы рассказы пріѣзжающихъ изъ столицы, которые порицали все *наше*, и превозносили все *Петербургское*, ш. е. все *иностранное*? По словамъ этихъ господчиковъ (ежегодно толпами пріѣзжающихъ въ домовую опшускъ, за деньгами), только и веселія, только и радости, что въ большомъ свѣтѣ: Признаюсь, я и самъ такъ думалъ, полагая, чѣмъ люди богаче и образованнѣе, тѣмъ больше имѣютъ средствъ къ наслажденію. И то правда, что у всякаго свой вкусъ: опишу те-

бъ вчерашній вечеръ, и предоставляю судить о сукъ или веселости большого свѣта.

Графъ NN., сосѣдъ нашъ по деревнямъ, пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ, сказавъ, что у него, кромѣ другихъ забавъ, будетъ чтеніе, и что я увижу у него многихъ умниковъ и разумницъ сшоліцы. Я попросилъ моего племянника заѣхать за мною, чтобы явиться вмѣстѣ въ залу: признаюсь, я боялся моей неопытности. Въ 6 часовъ послѣ обѣда, я одѣлся въ губернской мундиръ, надѣлъ бѣлые шелковые чулки и башмаки, и велѣлъ завить себѣ волосы. Тщетно ожидалъ я моего племянника до 9-ти часовъ. Сонъ началъ меня клонить, и я уже хотѣлъ раздѣваться, какъ вдругъ явился мой повѣса. Онъ захохоталъ во все горло, увидѣвъ меня въ полномъ нарядѣ. „Что это значить?“ воскликнулъ онъ: „куда вы парядились, дя-дюшка? не подѣ вънецъ ли?“ — „Помилуй, дружокъ!“ ошвѣчалъ я: „какъ же можно иначе явиться на званный вечеръ?“ — „Такъ какъ я, въ шароварахъ, во фракъ.“ — „И съ рас-препанною головою?“ примолвилъ я. — „Непремѣнно.“ — „Я не знаю, вѣришь ли тебѣ,

племянникъ; у насъ въ губерніи, въ моемъ нарядѣ неловко было бы пріѣхать на вечеръ не только къ Губернатору, но даже къ Губернскому Предводителю: какъ же я осмѣлюсь пуститься званымъ гостемъ въ моемъ всенедельномъ кафтанѣ, къ почтенному и богатому человѣку, гдѣ будутъ дамы?“ — „Полно спорить, дядюшка: что городъ, то поровъ, что деревня, то обычай. Теперь только на большіе балы по билетамъ, ѣздятъ въ башмакахъ, а на вечера и обѣды въ сапогахъ, и, если угодно, хоть со шпорами.“ — Хорошо еще, что не верхомъ, подумалъ я. — „Не то было въ прежніе годы, племянникъ: твой отецъ, прожившій почти всю жизнь въ столицѣ, рассказывалъ мнѣ, что прежде нельзя было иначе явиться къ дамамъ, какъ въ башмакахъ, въ напудренной прическѣ и въ шитомъ кафтанѣ.“ — „Другое время, другіе нравы, дядюшка! Непринужденность составляетъ главную черту нынѣшнихъ обществъ. Прежде все дѣлалось по какимъ-то свѣтскимъ правиламъ, и даже говорили и смѣялись по размѣру, по нотамъ. Нынѣ гораздо вольнѣе: всякій дѣлаетъ, что ему угодно, хотя, при-

знать, очень мало говорятъ, и еще меньше смѣются.“

Между тѣмъ я пересѣлся, и мы поспѣшили въ домъ Графа NN. На лѣстницѣ и въ передней, швейцаръ и нѣсколько служителей, вѣроятно изъ забывчивости, въ третій разъ послаъ 1-го Января, поздравили меня съ Новымъ годомъ, и въ третій разъ получили на водку. Въ залѣ было множество народу, и я, проходя съ моимъ племянникомъ въ гостиную къ хозяйкѣ, извивался между толпами людей, какъ на охотѣ въ лѣсу, между деревьями: не взирая на мои сѣдины, никто изъ молодыхъ людей не хотѣлъ посторониться, и бѣольшая часть изъ нихъ съ улыбкой презрѣнія поглядывала на меня чрезъ плечо, за то, что я просилъ на Русскомъ языкѣ дать мнѣ дорогу. — „Въ наше время было иначе“ — шепнулъ а племяннику: „я помню, какъ на съѣздѣ, бывшемъ у насъ при открытіи Намѣстничества, всѣ молодые люди посторонились, когда мой отецъ вошелъ въ залу Дворянскаго Собранія.“ — „Но тѣ ли молодые люди были въ ваше время, что теперь?“ — отвѣчалъ онъ: „въ старину надлежало или вовсе ниче-

му не учиться, или учиться половину жизни, чтобы другую половину слышь ученымъ и образованнымъ человекомъ. Въ ваше время, дядюшка, не было такого множества Французскихъ пансіоновъ и гувернировъ: всѣмъ Наукамъ должно было учиться методически, а нынѣ, при помощи сокращенныхъ Энциклопедій, Конверсаціонсъ-лексиконовъ и Словарей на каждую Науку, мы въ нѣсколько мѣсяцевъ все знаемъ.“ — „То есть, по наслышкѣ!“ примолвилъ я. Между тѣмъ мы вошли въ гостиную.

Хозяйка сидѣла на диванѣ передъ круглымъ столикомъ, на которомъ стояла высокая бронзовая лампа, съ алебастровою крышею; это былъ малекъ, по которому новопріѣзжавшіе гости направляли путь. Рядомъ съ хозяйкою помѣщались почтенныя старушки, а на стульяхъ, поставленныхъ полукругомъ по обѣимъ сторонамъ столика, сидѣли почетные гости, дамы и кавалеры. Молодые дамочки и дѣвицы, взявшись за руки, толпами прогуливались по комнатамъ, или сидѣли ошдѣльно и повѣряли себѣ взаимно различныя замѣчанія и свои надежды. Моло-

дые люди вовсе не порхали вокругъ прекраснаго пола, какъ было въ старину; не старались блеснуть умомъ, отличиться вѣжливостію, вниманіемъ къ дамамъ, и не думали занимать ихъ разговорами. Они расхаживали по комнатамъ толпами или поодиначкѣ, съ подпятою вверхъ головою, съ прищуренными глазами, мѣнялись на лешу вопросами и отвѣтами съ дамами и товарищами, и не останавливаясь, искали зеркала, чтобъ поправить галстухъ, встрепать волосы и улыбнуться граціозно.

Самодовольство, самонадѣянность, высокомеріе рѣзкими чертами изображались на безбородыхъ лицахъ и во взорахъ нѣкошорыхъ паркетныхъ вишней, исполненныхъ какимъ-то презрѣніемъ ко всѣмъ и ко всему. Гордо и въ безмолвіи принимали они подходящихъ къ нимъ знакомыхъ, точно такъ, какъ Анапскій Паша принималъ меня, пѣннаго. — Когда я спросилъ, скоро ли можно услышать разговоры и рѣчи сихъ господъ, вѣроятно очень умные и занимательные, племянникъ отвѣчалъ: „эти господа не разговариваютъ, а *рѣшатъ*: они однимъ словомъ уничтожаютъ

Автора, котораго не читали, Актера, котораго не видали, музыку, которой не слышали, однимъ словомъ опровергають истины, утвержденныя вѣками, и новыя открытія, спонившія труда и опытовъ въ продолженіе цѣлой жизни.“ — „Кудесники!“ сказалъ я: „но за то они вѣрно и похвалятъ умѣють, если захотятъ?“ — „Они ничего не хвалятъ“ — сказалъ племянникъ: „для удословренія всѣхъ, что они имѣють обо всемъ высшее понятіе.“ — „Откуда же берется эта спесь?“ спросилъ я. „Отъ нашихъ воспитателей, Французскихъ гувернеровъ,“ отвѣчалъ племянникъ: „которые съ дѣтства намъ твердили, что только въ Парижѣ совершенство во всемъ, а всѣ прочія столицы блестятъ замѣштованнымъ свѣтомъ“ — Я между прочимъ замѣтилъ, что съ почетными дамами разговаривали только мужчины зрѣлаго возраста о модахъ, новыхъ Французскихъ Рожахахъ, собачкахъ, балахъ, концертахъ и общихъ знакомыхъ или родственникахъ, находящихся въ отсутствіи. Я не могъ понять ни одной фамиліи: въ модномъ языкѣ жена называется не по фамиліи, а по имени своего

мужа, наприимѣръ: — „получали ли вы письма отъ Княгини Тимовой (la Princesse Timothée)?“ — „Гдѣ теперь Графиня Степанъ (la Comtesse Etienne)?“ — „Я получила извѣстiе, что Госпожа *Ефимъ* выѣзжаетъ за границу“ и проч. — Вездѣ слышенъ былъ Французскій языкъ, и одинъ только Французскій! Изрѣдка Русское слово доходило до моего слуха отъ служителей, поправлявшихъ лампы и свѣчи въ жирандоляхъ: но и тутъ командовалъ Французскій камердинеръ!

Описывая гостей, я забылъ о себѣ. Я тебѣ прежде писалъ, что я нарочно объявилъ всѣмъ, кому только предскавлялся въ столицѣ, что вовсе не знаю Французскаго языка: мнѣ хотѣлось заставить Русскихъ говорить со мною по-Русски. Но тщетно: хозяйка спросила меня о здоровьи на Французскомъ языкѣ, и сама покраснѣла, чувствуя странность своего поступка. Ей не хотѣлось показать, что она принимаетъ у себя въ домѣ челоука, незнающаго по-Французски, слѣдовательно невоспитаннаго, по мнѣнiю модныхъ цѣнителей дарованiй. — Мнѣ предложили партию въ висъ, кошорымъ занимались въ бо-

ковой комнатѣ трудолюбивыя старушки, ихъ древніе угодники, и, къ моему удивленію — нѣкоторые весьма молодые люди. — Я отказался отъ игры, желая, какъ говорятъ, осмотрѣться въ новомъ для меня мірѣ.

Въ 11 часовъ раздались восклицанія въ залѣ: „Мосье Марабу! Мосье Марабу.“ — Это былъ ожидаемый чтець, такъ называемый Французскій Литераторъ, который, по словамъ моего племянника, ничего не писалъ и не печаталъ во Франціи, чтобъ сохранить для Россіи достоинство новости. Всѣ гости непрерывно одинъ передъ другимъ, осыпали его вѣжливостями, упрекали, что онъ рѣдко къ нимъ ѣздитъ и обременяли приглашеніями. Я просилъ моего племянника растолковать причину сего предпочтенія Француза соотечественникамъ „Мосье Марабу объявилъ всѣмъ за тайну,“ — сказалъ племянникъ: „что онъ намѣренъ, возвратившись во Францію, издать свои записки о Россіи, и какъ каждый изъ насъ имѣетъ по крайней мѣрѣ намѣреніе побывать въ Парижѣ, то не худо приобрѣсть себѣ мѣстечко въ книгѣ, съ численіемъ всѣхъ достоинствъ, а въ осо-

бенности щедрости и гостепріимства. Къ тому жъ, Мосье Марабу одинъ умѣетъ оцѣнить наше искусство въ произношеніи Французскаго языка, и такъ всякій ищетъ случая поговорить съ нимъ, чтобы получить отъ него апостолъ въ познаніи тонкостей и всѣхъ оборотовъ Французскихъ, составляющихъ основаніе свѣтской ученой репутаціи.“ — Наконецъ всѣ гости устали слушать отрывки изъ Поэмы сочиненія Мосье Марабу, подъ заглавіемъ: *Свое хорошо, а чужое лучше*. Я хотя совершенно знаю Французскій языкъ, но не могъ добратся никакого смысла въ читанномъ отрывкѣ, и только понялъ похвалы нѣкоторымъ изъ присутствующихъ гостей, которыхъ имена были исковерканы на Французскій ладъ. — Когда чтеніе кончилось, раздались громкія рукоплесканія, начавшіяся въ задней комнатѣ, куда, вѣроятно, не доходили звуки, а тѣмъ менѣе слова читанныхъ стиховъ. Мосье Марабу съ торжествомъ принималъ поздравленія, и я долго еще слышалъ повторяемые дамами восклицанія: „с'est charmant! прелесно!“ —

Признаюсь, это навело на меня грусть,

и я задумался, близъ окна, мечтая о томъ счастливомъ времени, когда Русская Словесность пойдетъ въ такую же честь, и когда наши дамы станутъ восхищаться звуками Русскаго языка. Нѣсколько молодыхъ людей съ улыбкою посматривали на меня, и казалось находили во мнѣ что-то смѣшное. — „Понравились ли вамъ стихи?“ спросилъ одинъ изъ нихъ. „Я не знаю Французскаго языка!“ — отвѣчалъ я бодро и громко. Они посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ. „Какъ? возможно ли, вы не говорите по-Французски?“ воскликнулъ другой. „Не говорю, потому что въ Русскомъ языкѣ нахожу довольно словъ для изъясненія всѣхъ моихъ чувствованій и для оцѣнки всего умнаго и глупаго.“ — „Онъ оригиналъ, грубіанъ, невѣжа, чудакъ!“ повторяли юноши на Французскомъ языкѣ. „По это языкъ ума, образованности,“ примолвилъ одинъ изъ нихъ. „Невѣжество,“ сказалъ я: „ни на какомъ языкѣ не превратится въ премудрость. Почерпайте свѣдѣнія на всѣхъ языкахъ, но изъясняйтесь между собою по-Русски. Вѣра, любовь къ отечеству, воспоминанія славныхъ нашихъ предковъ

и современниковъ, должны возбудить въ насъ высокія чувства и привязанность ко всему Русскому, а особенно къ нашему звучному, богатому, сильному языку, передъ которымъ Французскій есть то же, что сорочье лепетанье въ сравненіи съ пѣснями соловья. — Вспомните, господа, что только нѣ народы проживуть въ вѣкахъ, которые имѣютъ свою Исторію и Словесность.“ Я хотѣлъ было продолжать, но громкій хохотъ моихъ слушателей прервалъ мою рѣчь. Посыпались насмѣшки и эпиграммы, и я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бѣ племянникъ не пришелъ ко мнѣ на помощь. „Осторожите, господа!“ сказалъ онъ юношамъ по-Французски: „этошъ чудакъ богатъ, какъ Крезъ, и имѣетъ двухъ прелестныхъ и воспитанныхъ дочерей, которыя въ свою очередь имѣютъ честь быть моими кузинами.“ — Тонъ разговора тотчасъ переѣхнулъ: меня начали ласкать, обременяли комплиментами, и молодые люди согласились со мною, что Русскому можно знать десять языковъ, но неприлично говорить со своимъ единоземцемъ иначе, какъ по-Русски, и что намъ должно подражать

инострѣцамъ только въ одной ихъ привязанности ко всему отечественному.

Звуки шпоръ подъ тактъ веселой музыки, возвѣстили намъ, что въ залѣ танцуютъ мазурку. Новые мои знакомые поспѣшили туда, а я, не дожидаясь ужина, отправился домой, и написалъ къ тебѣ это письмо. Пріятное сновидѣніе наградило меня за печальную сущность прошедшаго вечера. Мнѣ снилось, что я дома, въ деревнѣ, въ кругу моего семейства и нѣсколькихъ добрыхъ пріятелей: мы перебирали полученные изъ столицы новыя книги и Журналы, и готовились за чайнымъ столикомъ слушать чтеніе, радовались хорошему, смѣялись смѣшному и порицали достойное порицанія. Между тѣмъ надѣюсь я, что ты, по описанію одного вечера, не сдѣлаешь общаго заключенія о нравахъ столицы. Намъ, старикамъ, ни въ чемъ спать не должно. Я увѣренъ, что проживши долѣе, я услышу и увижу здѣсь много такого, о чемъ мнѣ гораздо легче и пріятнѣе будетъ бесѣдовать съ тобою. До отправления другаго, занимательнѣйшаго письма

ЧЕЛОВѢКЪ И СОВѢСТЬ.

Человѣкъ. Останься дома, моя милая, останься! — Ты знаешь, какъ я тебя люблю, но теперь мнѣ право нельзя, взять тебя съ собою, потому, что ты можешь заболѣть отъ скуки: иду за дѣлами.

Совѣсть. Я скучаю только одна. Въ дѣлахъ же я тебя также не помѣха.

Человѣкъ (говоритъ въ сторону). Безотвязная нѣжность! право это хуже ненависти. (Вслухъ.) Вошь въ этомъ ящикѣ лежатъ червонцы: пожалуйста, пересчитай ихъ, и заверни въ пакеты, по сту въ каждый, а нечетное число возьми себѣ.

Совѣсть. Ты знаешь, что золото не имѣетъ для меня никакой прелести. Я употребляю деньги тогда только, когда нахожусь съ тобою.

Человѣкъ (говоритъ про себя). Опять со мною, всегда со мною! (Вслухъ.) Я куплю тебѣ прекрасную Турецкую шаль, окупаю тебя какъ куклу, (въ сторону) чтобъ заглушить твое болшанье. (Вслухъ.) Повезу тебя въ большой свѣтъ, въ позлащенные комнаты, въ многочисленное собраніе.....

Совѣсть. Лучше въ дремучій лѣсъ. Въ большой свѣтъ надобно проходить чрезъ переднія, а для меня атмосфера переднихъ убійственна.

Человѣкъ. Прелестная музыка увеселитъ слухъ пивой, а танцы доставятъ разсѣянье. Мы поѣдемъ вмѣстѣ на балъ.

Совѣсть. Это не мое мѣсто: я люблю бесѣдовать, разсуждать, а шумъ заглушаетъ слова мои.

Человѣкъ (ходитъ по комнатѣ, потираетъ руки и говоритъ про себя). Несчастливая связь юношескихъ лѣтъ, укрѣпленная силою привычки, соединяетъ меня съ этою несносною болшуньей, которая своею привязанностію ко мнѣ уничтожаетъ лучшіе мои планы. Попробуемъ еще одно средство.

(Вслухъ.) Послушай, милая, скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты меня?

Совѣсть. Неужели ты сомнѣваешься?

Человѣкъ. Зачѣмъ же ты не хочешь отпустить меня одного, когда отъ этого зависить мое благополучіе?

Совѣсть. Благополучіе! — Нѣтъ, безъ меня ты не можешь наслаждаться благополучіемъ, ни пріобрѣсть его.

Человѣкъ. Ты своимъ присутствіемъ часто заспавляешь меня забывать о моихъ выгодахъ, а если я сдѣлаю вопреки пвоей воли, то крикомъ, шумомъ и упреками лишаешь меня сна и аппетита. Однимъ словомъ, я тебѣ долженъ сказать, что любовь пвоя ко мнѣ и моя къ тебѣ слабость чрезвычайно замедляютъ мое стремленіе на пути къ счастію.

Совѣсть. Я право, думала, что наша взаимная любовь и согласіе превыше всѣхъ благъ земныхъ.

Человѣкъ (морщится и потираетъ лобъ). Да, да, конечно но но Однако жъ не худо имѣть хорошій домъ, прекрасный садъ, вкусный столъ, богатый экипажъ, шитый золотомъ кафтанъ и прочія вещи,

называемыя нашими Поэтами и сентиментальными Писателями прозою жизни.

Совесть. И такъ, по крайней мѣрѣ, ваши Поэты и сентиментальные Писатели умѣютъ цѣнить истинное благо, и презираютъ обманчивый блескъ наружности?

Человекъ. Не всегда. Бѣлая часть изъ нихъ походитъ въ этомъ случаѣ на Мольерова мѣщанина во дворянствѣ, который сорокъ лѣтъ не зналъ, что онъ говоритъ прозою. На досугѣ они забавляются сами и увеселяютъ другихъ, пуская по вѣтру бумажныхъ змѣй, а между тѣмъ, подобно намъ, профанамъ, подбираютъ въ пыли блестящія камешки и пользуются всѣми принадлежностями жизненной прозы.

Совесть. Неужели невозможно согласитьъ эпоху прозы съ возвышенною, благородною любовію ко мнѣ?

Человекъ. Можно Но много затрудненій. (Вслухъ.) Напримѣръ: зачѣмъ тебѣ, съ твоимъ нѣжнымъ сложеніемъ, вѣхаться со мною въ Судъ? — Тамъ скучныя плясбины дѣла разстроятъ твои слабыя нервы, а твое присутствіе, можешь быть, приведетъ въ за-

мѣшательство дѣловыхъ людей. — Не правда ли?

Совѣсть. Не всегда. У меня есть добрые друзья въ Судѣ, которымъ очень пріятно будешь встрѣпиться со мною; къ тому же братъ мой, Законъ, давно не видался со мною. Пожалуйста, возьми меня съ собою въ Судъ.

Человѣкъ (въ сторону). Проговорился на свою бѣду! (Вслухъ.) Братецъ пвой, Законъ, гораздо сговорчивѣе тебя, и иногда даже дѣлаетъ исключенія изъ своихъ строгихъ правилъ. Но ты, моя милая, неумолима, и не хочешь понять, что будешь мнѣ въ тягость. Подумай, изъ Суда я долженъ заѣхать въ конкурсъ, назначенный надъ имѣніемъ одного несостоятельнаго должника. Тамъ ты будешь нескватни во всемъ смыслѣ слова. У бѣднаго должника такое милое семейство, такая добрая жена; онъ самъ большой хлѣбосоль, и мнѣ должно пособить ему. Злые люди говорятъ, будто бы онъ нарочно покупалъ имѣніе на имя жены, чтобы избавить его отъ притязаній кредиторовъ; что жъ тутъ худого? Это только предусмотрительность.

Говоряиъ также, что ббольшую часть векселей онъ далъ нарочно на имя друзей и родственниковъ, чтобы сохранить въ цѣлости капиталы: похвальная предосторожность и даже экономія. Всѣ мои товарищи согласились признать должника невиновнымъ, и представили его дѣло въ самомъ лучшемъ видѣ; напрошивъ того, съ твоимъ пылкимъ правомъ, ты готова закричать въ собраніи: обманъ, обманъ! Ты въ состояніи надѣлать суматоху, разбудить правосудіе, и все наше зданіе опрокинуть, какъ карпочныя палаты!

Совѣсть. Я не узнаю тебя и отчасти не понимаю: это языкъ Алжирскихъ корсаровъ.

Человѣкъ. Ты отъ того не понимаешь меня, что чуждаешься большаго свѣта. Я говорю не по-Алжирски, а по-Европейски.

Совѣсть. Воля твоя, но я тебя не пущу одного въ конкурсъ — или разстанусь съ побою на вѣки.

Человѣкъ (въ досадѣ говоритъ про себя). Несносная связь! — О юность, юность! тебѣ я обязанъ этою неопвязною подругою; но теперь поздно разставаться. (Вслухъ.) Пожалуй, я не побѣду шуда; но я званъ обѣдать

къ одному стихотворцу; тамъ надобно будетъ хвалишь его произведенія, а твоя откровенность можетъ навлечь мнѣ неудовольствіе.

Совѣсть. Въ подобныхъ обстоятельствахъ я сговорчивѣе. При чтеніи стиховъ я буду дремать, и ты можешь пошѣшнить добраго человѣка.

Человѣкъ. Но тамъ будутъ Журналисты: что они скажутъ о тебѣ! —

Совѣсть. Они сами не всегда слѣдуютъ совѣщаніямъ моихъ сестеръ и подругъ, въ своихъ сужденіяхъ о произведеніяхъ Словесности. За столомъ они не обращаютъ на меня вниманія.

Человѣкъ. И такъ изъ твоихъ словъ видно, что твое присущесствіе вовсе не нужно на пинтическомъ обѣдѣ. Опшуда я съ хозяиномъ поѣду на вечеръ къ одному общему нашему знакомцу. Это человѣкъ случайный; мнѣ должно будетъ перевозносить всѣ его поступки и рѣчи, восхищаться избалованными его дѣтьми, приходитъ въ восторгъ, слушая хвѣніе его старшей дочери, похожее на мяуканье, схѣташься и даже утираешь слезы при

безполковыхъ рассказахъ его супруги. Однимъ словомъ, тебѣ непріятно будешь вмѣстѣ со мною.

Совѣсть. Я вижу, что ты непременно хочешь отъ меня отдѣлаться. Бышь такъ! — Ты забылъ обѣты твоей юности, кляшмы, данныя умирающему твоему родителю никогда не оставляяшь меня, любить, слушаешься совѣновъ,...

Человѣкъ (прерывая слова ея). Полно, полно! — Опять упреки, опять правоученія. Нынѣ это не новость, и даже въ Журналахъ, подъ видомъ забавныхъ сатирическихъ спашеекъ, заключася глубокая нравственность. По крайней мѣрѣ, въ свѣтѣ не принуждаютъ насильно читать или слушать.

Совѣсть. Я не принуждаю, но прошу слѣдовать добрымъ совѣтамъ, единственно для твоего собственнаго блага. Впрочемъ дѣлай, что хочешь.

Человѣкъ (смягчившись). Обѣщаю любить тебя, и безъ тебя не ѣздить ни въ Судъ, ни въ прочія мѣста, гдѣ надобно будетъ рѣшать судьбу людей. Но позволь мнѣ одному безъ тебя съѣздить въ большой свѣтъ.

Совѣсть (печально). Пожалуй, поѣзжай.

Человѣкъ. Не сердись же, моя милая, помирнѣйся; будь снисходительнѣе. Нынѣ люди вообще не такъ строги — Другія времена, другіе нравы. Поди прогуляться, день прелестный.

Совѣсть. Куда же мнѣ итти?

Человѣкъ. Ступай въ лавки: посмотришь, пошаровашь кое-чего.

Совѣсть. Я не люблю шароваться; къ тому же у меня шамъ весьма мало знакомыхъ: мнѣ будетъ скучно.

Человѣкъ. Поди на гульбище.

Совѣсть. Я не люблю паскаться безъ цѣли въ толпѣ людей, ибо безъ умысла могу надѣлать непріятностей. Напримѣръ, будетъ ли сноснымъ видѣ мой женѣ, которая ищетъ глазами не мужа, а домашняго друга? — Что скажетъ мужъ, когда примѣтитъ меня въ то самое время, когда онъ будетъ привѣтствовать значительнымъ взоромъ прелестную свою знакомку, незнакомую его женѣ? Не испугаю ли я молодаго наслѣдника, прогуливающагося съ игрокомъ и ростовщикомъ? Не побѣгутъ ли отъ меня, снисхождо-

рець, восхваляющій похвалу противу моего согласія, и прозаикъ, пишущій розовою краскою по чернымъ листамъ, для того только, чтобы его писаніе засыпали золотымъ пескомъ? — Какими глазами встрѣтишь меня Журналистъ, который въ своей программѣ обѣщаетъ сообщать публикѣ новости, а подкидываетъ отрывками или обрывками листовъ изъ старыхъ книгъ и журналовъ, или алчный компиляторъ, питающійся печатными крохами изъ чужой собственности? — Не разгону ли я этой толпы господъ оцѣнщиковъ дарованій, которые, ради посланія или воспоминанія о нихъ въ примѣчаніяхъ въ книгѣ, готовы разорвать на части всякаго, кто только не хочетъ безусловно поклоняться имъ идола? Однимъ словомъ, не пойду на гильбище, ибо не желаю безъ пользы надѣдать людямъ во всякое время.

Человѣкъ. Спунай въ Театръ : сего дня представляють новую піесу.

Совѣсть. Я помѣшаю многимъ хлопать по условію.

Человѣкъ. И такъ займись чтеніемъ Га-

Совѣсть. Тамъ всегдашняя размолвка со мною.

Человѣкъ. Читай полезныя книги.

Совѣсть. Я знаю, что мнѣ знать должно.

Человѣкъ. Что ты думаешь дѣлать?

Совѣсть. Пока ты будешь рыскаешь безъ меня въ свѣтъ, я лягу спать. — Прощай!

НОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ СТАРЫХЪ СЛОВЪ,

и л и

БЕСѢДА У ЧЕЛОВѢКА ПРОШЕДШАГО
СТОЛѢТІЯ.

Иной какъ звѣрь — а добръ; шотъ ласковъ — а кусаетъ!

И. И. ДМИТРИЕВЪ.

Въ юности всѣ наши наслажденія исполнены прелестью очарованія; путь жизни устланъ цвѣтами, и всѣ предметы представляются пылкому воображенію въ розовомъ цвѣтѣ. Но старость имѣетъ также свои преимущества, и находитъ удовольствія на тернистой тропинкѣ, ведущей къ могилѣ. — Чѣмъ же привязываетъ старика къ жизни? — Опытнось! — Это волшебное зеркало представляетъ всѣ вещи въ ихъ настоящемъ

видѣ, и сія-то опытность возбуждаетъ въ челоѣкѣ сильную привязанность къ жизни; коей истинную цѣну онъ наконецъ позналъ. Давно уже сравнивають жизнь съ книгою: юноша изъ одного любопытства сѣвши первертывать листы; старецъ, зная доскопечность и рѣдкость сочиненія, бережетъ его какъ сокровище, и любитъ болѣе размышлять надъ прочитаннымъ, нежели поспѣшать впередъ. Но все это относится единственно къ умнымъ людямъ; ибо тѣ, у коихъ здравый смыслъ придавленъ свѣтскими мелочами или тяжестію физическаго существованія, не живутъ, а прозябаютъ. —

Вопъ послѣдняя моя мысль, когда я отворялъ калитку къ дому Архипа Фаддеевича. — Но я долженъ прежде сказать, кто таковъ Архипъ Фаддеевичъ. — Онъ былъ сержантомъ гвардіи при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году, имѣлъ тогда 18 лѣтъ онъ роду, слѣдовательно ему теперь осьмидесятый годъ. Не взирая на рану, полученную имъ въ Кагульскомъ сраженіи, онъ бодръ и здоровъ, и только въ ногахъ чувствуетъ сла-

бость. Я не смѣю описывать его жизни : скажу только, что онъ находился долгое время въ военной, гражданской и придворной службѣ, путешествовалъ по Россіи и по иностраннымъ Государствамъ, много читалъ, еще болѣе размышлялъ и наблюдалъ, и наконецъ, наскучивъ свѣтомъ, на семидесятомъ году своей жизни удаллся отъ всѣхъ дѣлъ, купилъ домикъ съ садикомъ на Петербургской сторонѣ, составилъ себѣ отборную библіотеку, выписываетъ нѣсколько Русскихъ и иностранныхъ Журналовъ, и проводитъ остатокъ своей жизни въ тишинѣ, проживая свой доходъ пополамъ съ неимѣющими. Архипъ Фаддеевичъ не былъ женатъ, и потому не заботился о собраніи богатаго наследства для дѣтей. Пока Архипъ Фаддеевичъ занималъ значительный постъ, то имѣлъ весьма мало свободнаго времени, по причинѣ множества посѣтителей; но теперь всѣ прежніе пріятели оставили добраго спарца наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ, называя его брюзгою и грубіяномъ. Правда, что онъ имѣетъ дурную привычку говорить въ глаза истину, всѣ вещи называетъ настоящими

писемнами, и въ присутствіи своемъ не пер-
нитъ ни лжи, ни притворства, слѣдователь-
но онъ не можетъ нравиться свѣтскимъ лю-
дямъ. Его посѣщаетъ только одинъ старый
другъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, двадца-
типятилѣтній внукъ, ш. е. сынъ его родна-
го племянника, и я, котораго онъ носилъ на
рукахъ и дралъ за уши, назадъ тому много
лѣтъ. Хотя мнѣ часто отъ него достает-
ся за мои журнальныя статьи, но я поста-
вилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ посѣщать
его два раза въ мѣсяцъ, изъ любви къ исти-
нѣ и уваженію къ почтенному старцу.

Когда я вошелъ въ комнату, Архипъ
Фаддеевичъ сидѣлъ у окна въ большихъ крес-
лахъ, въ нанковомъ халатѣ и пестромъ кол-
пакѣ. Очки старой формы, безъ пружинъ,
плотно сжимали конецъ Римскаго его носа, и
способствовали къ чтенію Гамбургской Га-
зеты, изъ коей онъ переводилъ нѣкоторыя
мѣста для стараго своего друга, сидѣвшаго
противъ него съ протянутою головою и съ
выраженіемъ глубочайшаго вниманія. (Дѣло
шло объ освобожденіи Грековъ). Молодой
человѣкъ, внукъ, казалось, не обращалъ боль-

шаго вниманія на чипасное, и развалившись на диванѣ, игралъ съ медеянскою собакою. — „Здравствуйте, *почтеннѣйшій!*“ воскликнулъ я, приблизясь къ Архипу Ѳаддеевичу, и взявъ его ласково за руку. — „*Почтеннѣйшій!*“ повторилъ съ досадою Архипъ Ѳаддеевичъ: „зачѣмъ превосходная степень, почему не просто почтенный?“

Н. Поэтому, что я васъ почитаю выше другихъ.

Внукъ. И потому, что это слово употребительно между порядочными людьми, хорошими знакомыми.

Архипъ Ѳаддеевичъ. Ваше употребленіе словъ никуда не годится, и вовсе не имѣетъ настоящаго значенія. У васъ называется *порядочнымъ* человѣкомъ тотъ, кто умѣетъ *порядочно* одѣться, поклониться, играть въ бостонъ или вистъ, и *порядочно* ведетъ себя — на улицахъ.

Внукъ. А что же болѣе надобно?

А. Ѳ. Въ наше время *порядочнымъ* называли придежнаго и честнаго чиновника, приѣтнаго хозяина, добраго отца, послушнаго сына, и вообще человѣка, котораго поведеніе

и образъ жизни служили для другихъ примѣромъ.

Я. Это было въ *ваше* время, а въ *наше* людей судятъ по наружному поведенію на сценѣ свѣта. Мы скромнѣе.

А. Ѳ. Т. е. развратнѣе, и не заглядываете въ чужія дѣла, изъ опасенія, чтобы не заглянули въ ваши.

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. Въ *ваше* время люди имѣли болѣе природной простоты, но въ *наше* время гораздо болѣе людей *воспитанныхъ*.

А. Ѳ. То есть, людей, которые лучше знаютъ Французскій языкъ, нежели отечественный, вовсе ничего не читаютъ, и пишутъ дурныя Французскіе стихи; насмѣхаются надъ обязанностями человѣка и гражданина, и свято соблюдаютъ смѣшныя свѣтскія приличія; всю свою славу полагаютъ въ искусномъ пѣніи Италіянскихъ арій и ловкомъ передвижаніи ногъ во Французскихъ кадриляхъ и мазуркахъ. Ваши *воспитанные*, вѣдь того, чтобы соупотствовать родственницѣ или старцу на прогулкѣ, бѣгаютъ, какъ изступленные на гульбищѣ, съ огромными сво-

нии собаками и стращаютъ дѣтей и женщинъ. (А. О. бросилъ при сихъ словахъ значительный взглядъ на своего внука, который гладилъ свою собаку, и припавъ, будто не слышалъ этого эпизода.)

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. При всемъ томъ, описанный вами воспитанный человекъ можешь быть очень добрый малый.

А. О. Добрый малый! — Нынѣ это значить повѣса, который ни въ чемъ не отказываетъ подобнымъ ему шалунамъ: онъ проводитъ съ ними дни и ночи по первому приглашенію, отдаетъ свои деньги первому встречному и поперечному, бываетъ секундантомъ на дуэляхъ и повѣреннымъ въ любви, и отъ чистаго сердца выманиваетъ деньги у родственниковъ на похвальные свои подвиги. (А. О. снова посмотрѣлъ на своего внука, который снова началъ гладить свою собаку.) Въ наше время, воспитаннымъ назывался человекъ, окончившій курсъ Наукъ въ Университетѣ или другомъ высшемъ заведеніи, а добрымъ малымъ назывался послушный юноша,

съ добрымъ сердцемъ и чистою правдивостію.

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. Какъ будто въ наше время нѣтъ добрыхъ людей!

А. О. Есть добрые люди, но вы ихъ не называете настоящимъ именемъ: нынѣ добрыхъ человѣкомъ сливаетъ потъ, кто никогда не споритъ, соглашается съ мнѣніемъ каждаго крикуна, въ стихахъ и въ прозѣ безпрестанно говоритъ о добродѣтели, а бѣдныхъ людей, просящихъ у него помощи или покровительства, отсылаетъ, для прославленія о своемъ добромъ сердцѣ, къ друзьямъ и пріятелямъ, надѣлая отъ себя всякъ несчастныхъ — нѣжнымъ состраданіемъ. — Въ наше время, добрый человекъ не говорилъ о добродѣтели, но дѣлалъ послѣднимъ съ немощными, хлопоталъ за угнетенныхъ, и за правду не только спорилъ, но готовъ былъ даже драться.

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. Позвольте васъ пошутить и доложить, что и нынѣ есть такіе люди.

А. О. Увѣренъ; но ихъ не называютъ

добрыми, а крикунами, беспокойными и даже опасными.

Старый другъ. Охъ, правда! —

Внукъ. Умный и расторопный человекъ умѣетъ согласить доброе имя съ общаю пользою.

А. О. Ха, ха, ха! Умный и расторопный человекъ! — А кто нынѣ называется умнымъ и расторопнымъ? Тотъ, кто въ наше время просто назывался *плутомъ*. Если человекъ изъ ничего составилъ себѣ огромное имѣніе, списалъ благосклонность знавшихъ, и ускользнулъ отъ Уголовной Палаты, то, не взирая на средства, употребленные имъ къ своему возвышенію, толпа называетъ его умнымъ и расторопнымъ человекомъ. Не правда ли?

Старый другъ. Охъ, правда! —

Внукъ. Нѣтъ правила безъ исключеній, и я знаю нѣсколько человекъ, составившихъ себѣ огромное состояніе изъ ничего, которые впрочемъ люди *благородные* и *услужливые*.

А. О. По вашему, *благороднымъ* называется шотъ, который великодушно даетъ деньги въ займы, въ надеждѣ выгоды другаго

рода, и еще великодушнѣе отказывается, когда взять нѣчего. Онъ *услуживаетъ* для того, чтобы ему *служили*. Мы, напротивъ того, соединяли названіе *благороднаго* и *услужливаго* съ названіемъ *добраго* *человѣка*, о которомъ я прежде говорилъ.

Я. Мнѣ кажется, что *услуживать* можно многимъ, но *служить* и *жертвовать* всѣмъ надобно только для *друзей* и *пріятелей*.

А. О. О *друзьяхъ* и *пріятеляхъ* я даже говорить не хочу. Что соединяетъ нынѣшнихъ *друзей*? — Взаимныя выгоды, наслажденія свѣтскими удовольствіями. Нынѣшніе *друзья* берегутъ одинъ другаго, какъ садовникъ бережетъ фруктовыя деревья. Если дерево утратитъ способность приносить плоды, или вѣтеръ сломитъ оное — тогда щепы въ печь, а *друзья* за двери. — Въ наше время *друзья* познавались только въ несчастіи. (Тутъ А. О. посмотрѣлъ съ умиленіемъ на своего стараго друга). Не правда ли?

Старый другъ. Кто старое вспоминаетъ, тому глазъ вонъ.

А. О. Я въ молодости весьма скоро привязывался къ людямъ, которые съ перваго взгляда мнѣ казались добрыми и честными, но, увы, весьма часто обманывался и съ сожалѣніемъ долженъ былъ прерывать связи, сохраняя въ сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Я. Кто въ наше время часто перемѣняетъ связи, того называютъ *вѣтренымъ*.

А. О. Въ такомъ смыслѣ лучше просятъ *вѣтреннымъ*, нежели *добрымъ малымъ*,

Внукъ. Если кто убѣгаетъ связей съ своими ровесниками и равными по роду службы и занятій, кто не проживаетъ съ ними своихъ доходовъ, и не слушаетъ ихъ глупостей терпѣливо, того, каковъ бы впрочемъ онъ ни былъ, они всегда называютъ *будущъ эгоистомъ*.

А. О. А я бы сталъ ихъ называть *неождаками*.

Я. А васъ называли бы *завистливымъ* и *злымъ человекомъ*.

А. О. Такъ вы называете *тисотосердечныхъ, откровенныхъ* и *благотеорительныхъ* людей. Въ наше время *эгоистомъ* и *злымъ* назывался тотъ, кто пользовался слабостями

другихъ для своихъ выгодъ, употреблялъ ложь и клевету къ своему возвышенію, и былъ жестокосердъ къ страданіямъ ближняго.

Старый другъ. Охъ, правда!

Я. Это было въ *ваше* время, а въ наше о такихъ людяхъ не хотящъ говорить.

А. О. Обязанность честнаго человѣка — говорить *правду*, а если не хотящъ его слушать — *молчать*; но ни въ какомъ случаѣ не льстить и не потворствовать.

Я. Какъ можно, чтобъ люди любили *правду*, когда она глаза колетъ? — Слѣдовательно весьма естественно, что человѣка, копорый колетъ въ глаза, называютъ *брюзгою*, *несноснымъ*, *злымъ*; а напротивъ, того, кто забавляетъ зрѣніе пріятными предметами, называютъ *добрымъ* и *любезнымъ*.

А. О. Пусть такъ — но пойдемъ въ садъ насладиться пріятною погодою, которая у насъ также не изъ послѣднихъ рѣдкостей!

ПРЕДРАЗСУДКИ,

ИЛИ

ЧТО ВСТАРЕ, ТО И ЦЫНЬ.

De tous les animaux qui s'élèvent dans l'air,
Qui marchent sur la terre, ou nagent dans la mer,
De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme.

Boileau, Satire VIII.

Вхожу къ одному моему пріятелю, и застаю его въ сильномъ волненіи духа. Онъ прохаживался большими шагами по комнатѣ, поширалъ руки, внезапно останавливался, дѣлалъ странныя тѣлодвиженія, и былъ, какъ говорится, виѣ себя. — „Что съ тобою случилось?“ спросилъ я съ безпокойствомъ. Онъ молчалъ. „Скажи, ради Бога, что такое случилось?“ — „Я готовъ завтра же бросить все,

и ты подумаешь, что мы живемъ еще во времена Крестовыхъ походовъ!

„По довѣренности моей теткѣ, мнѣ надлежало получить двадцать тысячъ рублей отъ Господина Богатонова, для уплаты долговъ въ разныхъ магазинахъ, которые ежегодно поглощаютъ при части дохода на украшеніе ея бывшихъ, и настоящихъ прелестей прехъ ея дочерей. — Проживая въ деревнѣ, я бывалъ по сосѣдству въ домъ Богатонова, но въ столицѣ, гдѣ каждый кругъ знакомыхъ живетъ отдѣльно между собою, какъ бы на особомъ острову, я потерялъ изъ виду это старое знакомство. Въ 9 часовъ утра я отправился къ Богатонову — вся наружность представляла, что домъ его устроенъ по образцу Европейскому. Меня встрѣтилъ швейцаръ, спросилъ мою фамилію, и не найдя меня въ списокъ людей, для которыхъ барина всегда нѣтъ дома, позвонилъ въ колокольчикъ, и я, взойсѣвъ по лѣстницѣ, встрѣтилъ лакея, который отворилъ мнѣ двери въ приемную залу. Вышелъ камердинеръ и вѣжливо спросилъ меня: „не проситель ли я?“ — „По счастію, нѣтъ,“ отвѣчалъ я: „но старый

знакомый, пришедшій за дѣломъ.“ — „И такъ я сей часъ доложу,“ — сказалъ камердинеръ, подвинулъ стулъ къ камину и скрылся. Чрезъ десять минутъ я услышалъ шарканье, и зная, что это означаетъ важную утреннюю поспѣхъ знашнаго челоуѣка въ халатѣ, поспѣшилъ на встрѣчу. Дверь отворяется: является Богатоновъ. „Здравствуйте, почтенный!“ вскричалъ онъ. — Я протянулъ руку, чтобы поздороваться, но Богатоновъ оступилъ при шага назадъ, примолвивъ: „войдите, войдите въ комнату. Вы знаете, что чрезъ порогъ не хорошо здороваться.“ — „Совѣтъ не знаю,“ отвѣчалъ я: „и привѣтствую вездѣ людей, которые отъ меня не отворачиваются.“ „Вы забыли насъ,“ сказалъ Богатоновъ: „и вовсе не пощасаете.“ — „Дѣла, болѣзнь,“ отвѣчалъ я. — „Обыкновенныя отговорки,“ подхватилъ Богатоновъ: — „но я хочу представить васъ женѣ моей и цѣлому семейству, которое вамъ очень обрадуется. Помните ли, какъ мы весело проводили время въ деревнѣ?“ — „Очень весело,“ сказалъ я сквозь зубы — потому что агадь изъ учинивости. — „Жена моя съ дѣтьми и своими

сестрами сидишь теперь за чайным столикомъ. Пойдемъ-те къ ней; только я долженъ васъ предупредить, что она сегодня не очень весела, потому что спунила лѣвою ногою, вставая съ постели.“ — „Какъ, развѣ у вашей супруги болитъ лѣвая нога, и она, вѣроятно, ушиблась или оступилась?“ — спросилъ я. — „О! нѣтъ,“ отвѣчалъ Богатоновъ: „у нее ноги здоровы, но вы знаете, что это означаетъ несчастіе.“ — „Опять не знаю,“ сказалъ я: — „ибо если бѣ спунишь лѣвою ногою означало несчастіе, то природа, для избѣжанія онаго, одарила бы насъ одною только ногою, чтобы не было ни лѣвой, ни правой. — „А почему знаешь,“ возразилъ онъ: „можешь быть отъ того такъ много несчастія въ мірѣ, что люди созданы съ двумя ногами?“ — „Несчастіе происходитъ отъ головы и сердца,“ отвѣчалъ я: „а не отъ лѣвой ноги.“ — „Полно, полно,“ сказалъ Богатоновъ: „я и забылъ, что вы Философъ и Сочинитель. Пойдемъ-те!“ — Цѣлое семейство приняло меня очень привѣтливо, особенно сестры Г-жи Богатовой, съ которыми мы играли въ дѣтствѣ Французскія комедіи, въ конхъ я все-

гда представлялъ роль любовниковъ. Ты знаешь, что для романическихъ женщинъ и театральная роль любовника имѣеть прелесть, и оставляетъ пріятное воспоминаніе.

„Ну, видишь ли, Машинька,“ — сказала Г-жа Богатонова своей средней сестрѣ: „что недаромъ мылась твоя кошка: вотъ намъ и гость.“ — „И у меня свѣчка погасла,“ подхватила младшая сестра. „Я сей часъ догадалась, что будетъ нечаянный гость.“ — „А примѣтили ли вы,“ — сказала середняя сестра: — „что когда Иванъ вносилъ вязку дровъ — полно нечаянно вышло; я тошчасъ сказала: будетъ неожиданный гость!“ — Я не разсудилъ за благо спорить съ женщинами о примѣтахъ, и сидѣлъ, потупивъ глаза въ землю.

„Давно ли получали письма изъ деревни?“ — спросилъ наконецъ Богатоновъ; „что новаго въ нашихъ краяхъ?“ — „Вчера получилъ печальное извѣстіе,“ отвѣчалъ я: „нашъ сосѣдъ, добрый Роммистръ Безпечинъ, скончался.“ — „Ахъ, какъ жаль!“ воскликнули дамы: „онъ былъ такой весельчакъ!“ — „И славный охотникъ и знатокъ въ лошадяхъ!“ — сказалъ Богатоновъ. „Недаромъ у меня че-

силось перепосье,“ — продолжалъ онъ: — „я угадалъ, что о мертвомъ слышать.“ — Если бѣ сія примѣта была справедлива,“ ошѣтчала я: „то во время господствовавшихъ насморковъ въ нынѣшнюю сырую погоду, надлежало бы быть моровой язвѣ, чтобы за всякимъ раздраженіемъ носовыхъ нервовъ получать извѣстіе о мертвомъ.“ — „Неужели вы не вѣрите примѣтамъ?“ спросила меня хозяйка. „Не вѣрю, сударыня.“ — „Что же васъ предостерегаетъ онъ несчастія и разныхъ непріятныхъ случаевъ?“ — „Отъ напасти хранишь Богъ, а предостерегаетъ здравый разсудокъ.“ — „Это фразы, сударь, фразы,“ — возразила хозяйка: — „и такъ знайте, что у меня подъ окномъ цѣлую ночь собака выла; я предчувствовала что будетъ покойникъ въ семействѣ, а вамъ извѣстно, что покойный Роммистръ былъ двоюродный племянникъ моей двоюродной тещушки.“ — „Завидую вашему познанію будущности, но не могу вѣрить тому, что противно моимъ правиламъ и понятіямъ.“ — „Какъ вамъ угодно; оспаремся при своемъ,“ — сказала, улыбаясь, хозяйка: „но я буду наблюдать за вами, и мимо вашей

волн предостерегаешь отъ несчастія.“ — Много благодаренъ за участіе! — Наконецъ надлежало объясниться по дѣлу, и я сказалъ Богатонову о причинѣ моего прихода. „Я очень обязанъ вашей петушкѣ“, отвѣчалъ онъ: „за то, что она продала дешево хлѣбъ для моихъ винокурень — но сегодня мнѣ нельзя платить денегъ, потому, что я въ Понедѣльникъ никакихъ дѣлъ не предпринимаю, а особенно не выдаю денегъ.“ — „Помилуйте!“ вскричалъ я: „чѣмъ Понедѣльникъ хуже Вторника? Одно солнце свѣтитъ во все дни; земля равно питаетъ насъ и производитъ свои произрастенія; небесныя тѣла слѣдуютъ одному порядку, и люди дѣлаютъ одинакія глупости — почему же Понедѣльникъ долженъ имѣть вліяніе на частныя дѣла, которыя происходятъ отъ обыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, должны имѣть свое начало и конецъ сообразно съ возможностью, и зависать отъ нашихъ силъ, способностей, узаконеній, а не отъ наименованія или порядка дней въ недѣлѣ. Такимъ образомъ, въ Понедѣльникъ не надлежало бы присутствовать въ судахъ, сидѣть въ лавкахъ, чистить, писать,

готовить кушанье и проч.“ — „Воля ваша, изъясняйте какъ вамъ угодно,“ отвѣчалъ хладнокровно Богатоновъ: „но я не преступлю моего правила, ибо въ этихъ вещахъ не разсуждаю.“ — „Отъ того то, что вы не хотите разсуждать, происходятъ примѣты,“ отвѣчалъ я. — „Вспомни,“ сказалъ Богатоновъ жрицѣ своей: „какъ у меня вчера чесалась лѣвая рука — видѣшь, что пришлось отдавать деньги,“ — „А у меня, напротивъ, чесалась правая рука,“ сказала хозяйка. — „Это отъ того, что ты завтра получишь деньги на покупку шали, которую ты выбрала для себя у Бухарца.“ — За изъясненіе этой примѣты пѣжрый мужъ награжденъ былъ поцѣлуемъ, а я вознамѣрился распрощаться съ Богатоновымъ, сожалѣя о напрасномъ приходѣ, а еще болѣе о томъ, что трое дѣтей его были свидѣтелями нашей бесѣды, и безъ сомнѣнія заразятся подобными же предразсудками. Богатоновъ очень вѣжливо извинялся, просилъ меня прійти завтра, и даже проводилъ до самой передней. Въ торопяхъ и въ досадѣ, я накинулъ на себя шубу на выворотъ, и Богатоновъ примолвилъ: „допѣ и это худѣй

знакъ, и какъ бы наказаніе за вашу недо-
вѣрчивость къ Понедѣльнику. Навыворотъ
надѣть платье, значить быть пьяну или
бишу.“ — „Пьянъ я буду развѣ восторгомъ,“
отвѣчалъ я: „а бишь былъ и теперь —
по только нравственнымъ образомъ. Между
тѣмъ прощайте до завтра.“ — Я спѣшилъ
на улицу, и захлопнувъ за собою двери, еще
оглянулся кругомъ, чтобъ увѣриться, не въ
лѣсу ли я. — Для разсѣянiя моего горя, я
пошелъ къ нашему общему пріятелю Весе-
лину, котораго просвѣщенный умъ и любез-
ность должны были вознаградить меня за
мою неудачу. Я вспомнилъ, что сегодня день
именинъ старшей его дочери, умной дѣ-
вочки лѣтъ 11-ти; и по дорогѣ зашелъ
въ Англійскій магазинъ, и купилъ игольникъ
съ иглами. Я не засталъ дома Веселина,
и такъ поздравивъ дочь его, отдалъ ей по-
дарокъ. Г-жа Веселина очень благосклонно
приняла этотъ знакъ моего вниманiя, и ска-
зала своей дочери: „возьми, душа моя, гри-
вничекъ, и отдай Архипу Фаддеевичу; зна-
ешь, что желѣза нельзя дарить, а должно
продавать.“ — Я не могъ скрыть моей до-

сады. — „Неужели и вы вѣрите въ примѣты?“ спросилъ я. „Едва лишь вырвался изъ области очарованія, и снова попалъ въ волшебный замокъ. При вашемъ просвѣщеніи, при вашей любезности, можно ли заниматься такими пустыми вещами?“ — „Нѣтъ, сударь,“ возразила Г-жа Весселина: „я сама прежде смѣялась, но опытъ удостовѣрилъ меня въ противномъ. Примѣты мои всегда сбываются. У меня сего дня разбилось зеркало, и я чрезвычайно безпокоюсь, чтобы не случилось несчастія.“ — „Несчастіе — потеря зеркала,“ отвѣчалъ я, невольно разсмѣявшись, и пошпирая правый глазъ, который, не знаю какъ то, засорился. Г-жа Весселина тотчасъ вывела изъ сего важна послѣдствія. „Вотъ видите, вы смѣшаетесь, пошому что у васъ правый глазъ чешется, а мнѣ вѣрно плакать, пошому что у меня чешется лѣвый глазъ.“ — „Ахъ, сударыня! у меня чешется языкъ, чтобы сказать вамъ, что матери семейства, женщины воспитанной и образованной, право стыдно вѣрять предрассудкамъ, которые непрямо встрѣчаютъ даже въ простомъ народѣ, предрассудкамъ, ко-о-

рые перейдутъ къ дѣтямъ и заразятъ собою цѣлое поколѣніе. „О! вы, господа ученые, ничему не вѣрите!“ сказала улыбаясь, Г-жа Веселіина. — Вѣримъ вѣрояшному и полезному для блага рода человѣческаго, но вооружаемся противу странныхъ и вредныхъ предразсудковъ, которые дѣлають человека повольникомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ. Между тѣмъ позвольте попросить у васъ иглы съ ниткою, чтобы сшить рукопись одной сшати, посылаемой мною въ Журналъ Сѣверный Архивъ. — „Лизанька!“ вскричала Г-жа Веселіина: „подай мнѣ иголку!“ — Дочь принесла, и Г-жа Веселіина, отдавая мнѣ оную, уколола меня въ палець такъ больно, что я невольно вскрикнулъ. „Помилуйте, сударыня,“ сказалъ я: „довольно, что меня будутъ колоть кришиками и эпиграммами по напечатаніи сшати: зачѣмъ же вы хотите колоть меня предъ выходомъ ея въ свѣтъ?“ — „Эта операція не касается до вашего сочиненія,“ отвѣчала Г-жа Веселіина: „но подавая иголку, надобно непременно уколотъ, чтобы не поссориться.“ — „Я скорѣе поссорюсь за предразсудки, не-

жели за оказанную мнѣ услугу. — Однако жъ время не терпѣтъ, простите до свиданія!“

Вышедъ на улицу, я началъ раздумывать о непостижимости нравственной природы человека, который нерѣдко соединяетъ въ себѣ удивительныя противоположности: сомнѣвается въ очевидныхъ и, такъ сказать, математическихъ истинахъ, и вѣритъ исчадіямъ уродливаго воображенія. На поворотѣ въ другую улицу, попался мнѣ Г. Грифонинъ, который, не давъ мнѣ времени опомниться, началъ рассказывать о своей ссорѣ съ хозяиномъ дома, гдѣ онъ нанималъ квартиру. „Представьте себѣ,“ сказалъ онъ: „между нами однажды пробѣжала черная кошка, и съ тѣхъ поръ, изъ лучшихъ друзей мы сдѣлались врагами.“ — Онъ хотѣлъ продолжать, но это объясненіе такъ разсердило меня, что я, приподнявъ шляпу, бросился бѣжать отъ него изо всѣхъ силъ. Опять примѣты думалъ я, опять предразсудки! — куда мнѣ скрыться отъ нихъ? Между тѣмъ ударило три часа, и я вспомнилъ, что общалъ сегодня обѣдать у пріятеля моего Хатъбосолова, у котораго въ сей день сбирался очень прі-

янное общество. Въ передней миѣ сказали, что господа только что сѣли за столъ, и я, по коропному моему знакомству, безъ обиняковъ, явился въ столовую залу. Добрый хозяинъ чрезвычайно обрадовался и громко вскричалъ: „подайте приборъ, милости просимъ!“ Но хозяйка, окинувъ взоромъ гостей, поблѣднѣла отъ ужаса, и сказала своему сыну: „встань, Ваня, и сядь за особенный столъ.“ — „Зачѣмъ?“ спросилъ Хлѣбосоловъ: „мѣста довольно.“ — „Пожалуйста, не спорь,“ возразила хозяйка: „сочини, насъ будетъ тринадцать человекъ за столомъ, включая Архипа Фаддеевича.“ — „Какая нужда?“ сказалъ Хлѣбосоловъ. — „Очень большая,“ отвѣчала жена его: „непрѣмѣнно будетъ покойникъ. Я крайне боюсь этой примѣны, и прошу тебя исполнишь мое желаніе.“ — Я отъ досады не могъ промолвить ни одного слова, и принялся за супъ, углубя взоръ мой въ тарелку. „Пожалуйста, подвиньте ко миѣ соль,“ сказалъ я дочери Г-на Хлѣбосолова. Мать поропливо посмотрѣла на дѣвушку и воскликнула: „смѣйся, смѣйся, душа моя, подавай соль, чибобы не

поссориться;“ — и иная дѣвушка, противу желанія, должна была показать свои прекрасные зубы. У меня съ досады затряслись руки, и я уронила солонку. „Ахъ, Боже мой!“ воскликнула съ шрепешомъ Г-жа Хлѣбосолова: „будетъ бѣда, соль просыпалась!“ Нѣсколько пожилыхъ женщинъ повторили аханье, и грустное молчаніе заступило мѣсто веселаго разговора. Хлѣбосоловъ хотѣлъ что-то сказать противу предразсудковъ, но его не слушали, повторяя, что весьма странно не вѣрить примѣтамъ, которымъ вѣрили наши предки и нынѣ вѣрятъ въ лучшемъ обществѣ. Мы завели рѣчь о другихъ предметахъ. Между тѣмъ, сидѣвшій по лѣвой моей сторонѣ гусарскій офицеръ попросилъ меня налить ему въ рюмку сошерну. Я взяла бутылку, и лишь только влила нѣсколько капель, какъ пожилая тетушка Г. Хлѣбосолова закричала звонкимъ голосомъ: „не наливайте чрезъ руку, это худая примѣта, или ссора, или несчастіе!“ Досада моя обратилась наконецъ въ смѣхъ. „Худая примѣта, сударыня,“ сказалъ я: „когда за столомъ пьютъ вина, ссора, когда его много,

а несчастіе, когда оно составляетъ единственное упражненіе человѣка.“ Сама хозяйка нѣсколько развеселилась. „О чемъ вы думали минуть за десять до вашего сюда прихода?“ спросила она меня. „О вашей любезности, сударыня,“ отвѣчалъ я изъ вѣжливости. — „На этомъ разѣ я вамъ вѣрю,“ приговорила она: „ибо, взявшись за первый кусокъ, я вздумала объ васъ, и сердилась, что вы измѣнили слову, и не пришли къ намъ объѣдать. Вотъ видите, что мои примѣты сбываются.“ — „Въ этомъ случаѣ, изъ самолюбія, я готовъ вѣрить примѣтамъ,“ отвѣчалъ я. — Извѣстно, что къ концу стола веселіе сильнѣе дѣйствуетъ въ собесѣдникахъ, и наша бесѣда сдѣлалась живѣе. Казалось, что всѣ уже примѣты кончались, однако жъ прозорливая петушка замѣтила, что одинъ изъ гостей, Г. Свирѣлкинъ, сидѣлъ между двухъ сестеръ, и сказала ему: „вамъ жениться въ нынѣшнемъ году.“ — „Очень радъ сударыня, но почему вы это узнали?“ — „Потому, что если кто безъ намѣренія сидѣтъ между двухъ братьевъ или между двухъ сестеръ, то вѣрно, или за мужъ итти, или жениться.“

Нашъ Свирѣлкинъ весьма обрадовался этой примѣтѣ, и развѣжившись, началъ осыпаться вѣжливостями своихъ сосѣдокъ, — но въ самое это время мы встали изъ-за стола, и перешли въ другую комнату пить кофе. Входя въ залу, хозяйка разсердилась на лакея, и немедленно погасила одну изъ трехъ свѣчъ, стоявшихъ на столѣ. „Знайте, господинъ недовѣрчивый,“ сказала она мнѣ: „что три свѣчи на столѣ, весьма дурная примѣта — и означаетъ покойника.“ — Я засмѣялся, и добрая Г-жа Хлѣбосолова также не могла не улыбнуться, искренно сожалея, какъ она говорила, о моемъ упрямствѣ. Между тѣмъ, богато убранная кормилица вошла въ комнату, держа на рукахъ прекраснаго, какъ Амуръ, младенца, послѣдній залогъ любви счастливаго супружества Гг. Хлѣбосоловыхъ. Я не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: какой прелестный и здоровый малюшка, какъ онъ свѣжъ и румянь! — Въ сію минушу ребенокъ закашлялъ и заплакалъ, а мать и пестушка обратились ко мнѣ съ упреками, увѣряя, что я моими похвалами сглазилъ его. Г-жа Хлѣбосолова и пестушка хотѣли принудить го-

довое дитя плюнуть, чтобы разсвѣять дѣйствіе моего дурнаго глаза. — Ребенокъ еще болѣе расплакался, маиъ начала сердиться, отецъ заботиться; тетушка поглядывать на меня косо, и что-то говорить сквозь зубы. Кормилицѣ велѣли опнестъ ребенка въ дѣтскую, чтобы обмыть его нашептанною водою съ угольями; всѣ дамы, и самъ Хлѣбосоловъ, побѣжали туда же; все пришло въ разстройство, всѣ почитали меня причиною случившагося несчастія, и я, схвативъ шляпу, бросился бѣжать домой, и какъ видишь, нахожусь въ досадѣ, въ опчаяніи, что принужденъ жить съ людьми, которые, принимая на себя личину образованности, скрывающіяся во мракѣ невѣжества отъ благотѣльныхъ лучей истиннаго просвѣщенія, и гоняются за болотными лешучими огнями. Что пользы во множествѣ книгъ и Журналовъ, издаваемыхъ въ разныхъ странахъ Европы, когда люди лучшаго общества, такъ называемаго большаго свѣта, почерпають первыя впечатлѣнія отъ своихъ панюшекъ и дѣдекъ, въ послѣдствіи учатся Краснорѣчію во Французскихъ Романахъ, познанію людей въ

гостинныхъ, а Философін въ поэтическихъ вымыслахъ разгоряченнаго воображенія! Съ такими людьми, вся жизнь покажется вѣчнымъ Понедѣльникомъ.“ —

„Любезный другъ!“ сказалъ я: „то, что въ тебѣ производитъ отчаяніе, во мнѣ возбуждаетъ смѣхъ. Въ Киргизской степи, ты также найдешь Бурхановъ, ворожей, и предразсудки; но тамъ, ты бы не сдѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія: а здѣсь, я первый воспользуюсь ими и составлю статейку для моего Журнала, которая, если не принесетъ ни пользы, ни удовольствія моимъ читателямъ, то по крайней мѣрѣ наполнитъ листокъ — а это также важная вещь для Журналиста.“

ДЕРЕВЕНСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

(Письмо отставнаго Коллежскаго Регистратора
Фалалая Недоучкина, изъ провинціи къ пріятелю въ столицу.)

Я уже давно собирался писать къ тебѣ, но извини, не было въ домѣ бумаги. Наконецъ, въ одинъ ненастный день, я вздумалъ выдрать листъ бумаги изъ шнуровой хозяйственной книги, и написалъ его кругомъ, въ отвѣтъ на всѣ твои вопросы. Не прогнѣвайся, если не найдешь *ятей* и *запятыхъ* на своемъ мѣстѣ — это не наше дѣло. За то никто въ цѣломъ уѣздѣ не подписываетъ фигуры своего имени, и недавно, подписавшись на вексель, я такъ начерпнулъ, что удивилъ самого ростовщика. Но приступимъ къ дѣлу. Совѣщанія твои припахиваютъ школярствомъ

и приказною строкою. У тебя все одинъ при-
 пѣвъ: зачѣмъ не служишь? зачѣмъ не учишь-
 ся? — Полно, полно, пріятель! чему учиться
 и на что? — Русской грамотѣ я знаю
 столько, чтобы и вычитать и выписать, что
 мнѣ надобно, по-Французски говорю какъ
 слѣдуетъ, и не хуже сосѣдей. Помню, что
 ты упрекалъ меня за нестарательность въ
 произношеніи и посмѣивался, что я Фран-
 цузское *l* произношу какъ наше *лѣ*, *é* какъ *ль*,
 а *и*, какъ *у*; но это у насъ дѣло не важное.
 скажи: *l'homme parle bien français*, или *лома*
пар.ль биенъ франсь, выйдетъ одно и то же
 въ смыслѣ; а ты же мнѣ говорилъ, что ваши
 грамотѣи такъ переводящъ по Журналамъ,
 что изъ *блага* выходитъ *герное*. Къ тому жъ
 у меня непреодолимое отвращеніе отъ вся-
 каго ученья и всего письменнаго, и если я
 не раскаиваюсь въ томъ, что безъ повѣрки
 щетовъ подписалъ квитанцію опекуну за
 управленіе моимъ имѣніемъ, (управленіе, ко-
 торое стоить пожара, голода, чумы и на-
 шествія непріятеля), то это единственно
 за то, что онъ на четырнадцатомъ году
 взялъ меня изъ школы, и далъ гувернера, до-

браго малаго, который не припуждалъ меня учиться по книгамъ, но за то выучилъ играть во всѣ азартныя и коммерческія игры. Варваръ содержалъ пансіона, постыжши меня за то, что я промѣнялъ книги на карты, возбуждалъ во мнѣ ненависть къ школьному припужденію, и я теперь еще закрываю глаза или отворачиваюсь, когда проѣзжаю мимо какой нибудь школы. Кромѣ календаря, у меня въ домѣ строжайше запрещено держать книги, потому что между ними есть весьма вредныя. Мой покойный дядя, Трифонъ Трифоновичъ, всегда говаривалъ, что всѣ бѣды на свѣтѣ отъ книгъ и ученья, что Науки кружатъ голову, порождаютъ блажь, и засталяютъ разсуждать, и потому отъ нихъ мало проку. Всему этому у меня живой припѣлъ передъ глазами. По сосѣдству моему живетъ оригиналъ, чудакъ, нѣкто *изъ угенихъ*. У насъ только и смѣху, какъ стануть рассказывать про его проказы. Вообрази себѣ, что онъ въ нашемъ захолустѣ строитъ крестьянскія избы съ большими окнами и свѣтлицами, какъ будто мужикамъ играть въ нихъ въ босстонъ или въ виспъ? Развелъ

у крестьянъ сады, какъ будто имъ надобенъ десертъ послѣ щей и каши, и говоришь, что отъ плодовъ поправляется кровь, и народъ родится чище и красивѣе. Онъ купилъ цѣлыя табуны лошадей и цѣлыя стада рогатого скота на Коренной ярмонкѣ, и раздалъ ихъ въ долгъ, по своей цѣнѣ, крестьянамъ. На смѣхъ и на соблазнъ цѣлому околотку, завелъ въ деревнѣ школу на Нѣмецкій образецъ, и назвалъ ее такимъ именемъ, что съ просонокъ не выговоришь. Я списалъ для рѣдкости, ея названіе: она называется *Ланкастерская метода*. Чудакъ да и только! Тенушка моя, Пульхерья Антиповна, не вышерпѣла, чтобъ не сказать ему въ глаза, на храмовомъ праздникѣ у Дворянскаго Предводителя, что онъ бадуешь народъ, что богатство и ученіе ведутъ къ буйству и гордости, а онъ расхохотался и отвѣчалъ, что мы судимъ на оборотъ. Волки-де не учатся ничему, а съ голоду бросаются на людей; Алжирцы не слышатъ ни богатствомъ ни просвѣщеніемъ, а еще хуже волковъ, и не чтятъ никого, кромѣ мамона. Къ этому онъ прибавилъ, что коль скоро человѣкъ познаетъ цѣну труда и чада

его, довольства, тогда познаешь цѣну спокойной, безмятежной жизни, и что безъ грамоты трудно вбить въ голову одними словами правила вѣры и земныхъ обязанностей. Вотъ, братъ, сужденіе, отъ котораго шепуха сдѣлалось дурно, а мнѣ смѣшно. Нельзя проѣзжать по землѣ его безъ смѣха и удивленія: повсюду пахнетъ заморскими правами, какою-то *эспармацетой*, *люцерной*, кошорья онъ съестъ на кормъ скоту и лошалямъ. Вотъ до чего мы дожили на Русь, говорятъ старики, пожимая плечами: ужъ траву съютъ! — Домъ его похожъ на книжную лавку или на аптеку: книги, камешки, травы, какія-то снадобья въ банкахъ — и въ цѣломъ домѣ не найдешь ни одной бутылки шампанскаго! — Приѣдешь къ нему, изволька кушать пивцо, да наливочку. Онъ говоритъ, что безразсудно тратить трудовыя и пошовыя деньги на пишье, отъ котораго человѣкъ не дѣлается ни лучше, ни умнѣе; разглагольствуетъ, что каждый долженъ употреблять пищу и питье по цѣнѣ, сообразной съ своими доходами, и то, что позволено ѣсть, пить и на себѣ носить барину;

имѣющему 2000 душъ, не должно употреблять дворянину, имѣющему 200 душъ. Ну, скажи пожалуйста, не чудака ли? Какъ будто мы не всѣ равны по дворянской грамотѣ, и будто мой языкъ не также чувствуетъ сладость винограда, какъ и всякаго другаго! Ему это говорить въ глаза, а нашъ оригиналъ смѣется, наливается пивцо, да похваливается шумокъ отъ Русскаго хмѣлю и солоду. Вообрази себѣ, что онъ не держитъ даже псарни, и только позволяетъ сосѣдямъ бить волковъ въ своихъ дачахъ во всякое время года. Попробуй-ка выстрѣлить въ зайца или въ пестерева до осени, онъ такъ раскудахтается, что готовъ глаза выцарапашъ, и кричитъ, что безбожно истребляшь дичь во время вытѣя гнѣздъ и сидѣнья. Говоритъ, что у него нѣтъ ни копѣйки долгу, и даже имѣнье не заложено въ Ломбардъ! Вошь-те, бранъ, и Русской дворянинъ, вошь-те и просвѣщеніе! Не хочешь ли ты изъ меня сдѣлать такого же чудака? Спасибо!

Что же касается до службы, то это такой пунктъ, на который трудно опираться. Правда, не худо, чтобы себя величали

Превосходительством; не хуже того, чтобъ подписываться: и *Кавалеръ*. Но откуда взять это? Нынѣ времена трудныя. Прежде, во время оно, запишутъ тебя въ колыбели въ сержанты гвардіи, да опустятъ въ домовый опускъ, анъ посмотришь, изъ сержантовъ на пятнадцатомъ году и Ромнистръ арміи, хоть отъ роду не видывалъ ни коня, ни всадника. Тамъ перешагнулъ въ штабскую, да и давай перепрыгивать изъ канцеляріи въ канцелярію, изъ откомандировки въ опускъ, изъ опуска въ поѣздки, и не увидишь, какъ очнешься Штабскимъ Совѣтникомъ: Такъ выскочилъ и дядя мой, Трифонъ Трифоновичъ, который знаменитъ въ нашемъ родѣ двумя подвигами: онъ пріѣхалъ на одной тележкѣ съ курьеромъ, привезшимъ извѣстіе въ Петербургъ о замиреніи при Кучукъ-Кайнарджи, и онъ же въ канцеляріи Князя Потемкина печаталъ депешу съ реляціею о взятіи Измаила. А нынѣ, братъ, бѣда да только! По штабской службѣ начинай съ писца, и если нѣтъ благодѣтеля, то переписывай, дежурь, и если не сдашь экзамена, то только и жди, что Титулярнаго Совѣтника. По во-

енной, знай фрунтъ да и Науки! Я однажды въ хандрѣ спалъ ропшашъ передъ нашимъ ученымъ чудакомъ — а онъ давай смѣяться. „Дѣльно, дѣльно“ кричалъ онъ, какъ сумасшедшій: — „у всѣхъ просвѣщенныхъ націй существуютъ экзамены предъ занятіемъ мѣста по какой бы ни было части администраціи. Это величайшій памятникъ любви Русскихъ Монарховъ къ Россіи, и неоспоримое доказательство, что Они искренно желаютъ просвѣщенія, котораго примѣръ должно подавать дворянство, люди чиновные. Что же касаясь до военной службы, то самъ Петръ Великій подаль примѣръ собою, что кто хочешь быть Генераломъ, тотъ долженъ быть прежде хорошимъ капраломъ. Суворовъ также сказалъ: дѣло мастера боится, а чтобы быть мастеромъ, надобно начинать съ ученика.“

Отвѣсивъ мнѣ этакъ отвѣтъ, онъ запрыгалъ, спалъ бить въ ладоши и кричать: bravo, bravissimo, славно! а послѣ того запылъ пвою пѣсню: „учишься, служишь, служишь, учишься!“

— Я на силу убрался отъ него. Секретарь Уѣзднаго Суда, Титулярный Совѣтникъ *Пафнотій Купреяновъ Прижимкинъ*, который

былъ при нашемъ разговорѣ, весьма умно сказалъ мнѣ въ сѣняхъ: вотъ-те и Русской дворянинъ! Хорошо ему что онъ въ 25 лѣтъ дослужился до Полковника. Но я философъ и доволенъ своимъ чинкомъ: все таки я *ваше Благородіе*, и вышелъ изъ списка недорослей. Во время бытности моея въ Москвѣ, одинъ новопріѣзжій Французъ спалъ переводить мой чинъ на Французскій языкъ и подумалъ, что я важная особа, Коллежскій Регистраторъ, и составляю регистры въ Коллегіи. Вотъ, брашъ, и удовлетворенное честолюбіе! Припомъ же я такъ ношу дворянскую медальку, что ее не видно за опворошомъ фрака, а блещишь одна Владимірская ленточка. Нѣкоторые пишущъ ко мнѣ на конвертахъ писемъ: „*Кавалеру!*“ Чего же болѣе? вѣдь зубами не схватишь на небѣ мѣсяца, а когда чины не даются, то надобно довольствоваться малымъ. Я философъ!

Ты спрашиваешь меня, какъ я поживаю? Изрядно, но не воображай, чтобъ я занимался хозяйствомъ. Это пустое слово, выдуманное вашими учеными. Чѣмъ пишу заниматься? Вѣдь я не спану самъ пахашъ, сѣяшъ, жашъ,

молошить и косить. Все это и безъ меня сдѣлается, а кому хлѣба надобно, пошь купить и передъ пожиномъ. Страсть моя — псовая охота. Хоть будь заяць объ осьми ногахъ, не уйдетъ отъ моихъ борзыхъ; какъ глазъ завидѣлъ звѣря — то и швой. Гончія чудесныя! голоса, какъ Валдайскіе колокольчики, а чутіе превыше подъяческаго. Чують добычу невидимую, и на землѣ и подъ землею. Собакъ и лошадей у меня столько, что кормить нѣтъмъ, а псаря и охотники всѣ отличные пѣсенники, плясуны, торбанисты и балалаечники. У меня гостишь претій мѣсяць партія Цыганъ; что швой балетъ и опера! заглядѣнсе! а пѣсень нельзя послушаться. Да не рѣшаюсь принять въ службу; много ѣдятъ и не чисты на руку: боюсь сосѣдей. У меня живутъ нѣсколько чудесниковъ изъ Москвы, ш. е. пріятелей поживальниковъ. Одинъ дразнитъ всѣхъ звѣрей и птицъ, особенно мяучитъ кономъ и поетъ пѣпухомъ; другой — мой товарищъ въ охотѣ; претій учитъ меня, или какъ ты говорилъ, *усовершенствуетъ* въ карточной игрѣ; четвертый мастерь говоритъ сказки, анекдоты и при-

баутки и умѣть смѣшны; лѣпый, отставной Секретарь, прїѣзжаетъ по временамъ изъ уѣзднаго города пожить и попить; онъ помогаетъ мнѣ плягаться, потому что я отъ скуки завелъ плябу съ сосѣдомъ. Мнѣ нуженъ лѣсъ по сю сторону рѣки. Въ частн, которую я хочу отплатить, нашли старинный прикладъ ружья, съ вырѣзаннымъ именемъ моего дѣда, а въ бумагахъ сохранилось письмо, въ которомъ именно сказано, что лѣсъ по рѣку долженъ намъ принадлежать; тогда рѣка составитъ природную границу. Пожалуйста, если дѣло придетъ въ Пешербургъ — похлопочи. И такъ, ты видишь, что у меня своя компанія, и если погода дурна, то мы не скучаемъ, а куликаемъ и веселимся, какъ въ добрыя времена. Поваръ у меня безподобный: семь лѣтъ учился у Француза, годъ въ пѣвчевскомъ печь падовыя пироги и дѣлать солянку, которая испробовала горечь во рту послѣ шампанскаго. Постное кушанье учился спрягать на Архіерейской кухнѣ. Шампанское и мадеру я получаю ящиками изъ Москвы. Нашелся благодѣтель, который даетъ въ долгъ на векселя, и денегъ

не спрашивается. Вашего медоку и венъ-дегравцу можно найши у насъ и въ губернскомъ городѣ, да у насъ не любящъ ихъ и называющъ Французскимъ класомъ. Игра ведется у насъ изрядная. Зимой особенно мы ѣздимъ гурьбою на банчикъ другъ къ другу, исключая нашего чудака и нѣсколькихъ его пріятелей, кошорые собираются вмѣстѣ и слѣпящъ глаза надъ книгами и Газетами. Зима у насъ весела: лошади, собаки, ружья, экипажи и векселя переходящъ изъ рукъ въ руки — по игрѣ. Иногда и лѣтомъ, на плащѣ, въ лѣсу, перекидываемъ *шtosикъ* на скорую руку. Пожалуйста пришли Любскихъ картъ, если найдешь: онѣ у насъ въ цѣнѣ. Если ты найдешь кучера ухарскаго, то пришли съ оказіей. Я наѣздилъ самъ тройку Киргизскихъ степныхъ лошадей, и какъ по столу извиваюсь между кочками и ухабами, по наши кучера мастера гонящъ только по ровной дорогѣ. Съ экипажами не знаю, что дѣлать, развѣ проиграть. Я люблю ѣздить въ шелѣжкѣ; по моей ѣздѣ не выдержатъ ни одни рессоры.

Но вообрази себѣ, что на меня иногда находишь хандра, особенно, когда наскучишь

управитель своими щетами и моралью. Тогда я, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію ѣсть четыре раза въ сутки и два раза пить чай и кофе, едва только обѣдаю и ужинаю; лежу или на лежанкѣ или на канapé, и хоть бей громомъ, не ворочаюсь. Одно средство исцѣлишь меня: запянуть вдали пѣсню: *во музяхъ, во музяхъ* и проч., къ этому рюмка шампанскаго, и я здоровъ — какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Въ пылѣнномъ году, я хотѣлъ было поправлять домъ, потому что крыша валилась отъ ветхости, хотѣлъ было поправить випокуренный заводъ, на которомъ работа остановилась — да бѣда, плохія времена, недостатокъ въ деньгахъ. Я было сунулся къ сосѣду, къ ученымъ, а потѣ давай хохотать и отшучивать мнѣ, что мои гончія должны отыскать кладъ подъ землею, если я не найду его на днѣ шампанской бутылки. Экой книжникъ, Фарисей! Въ Ломбардъ не плачу и припался; анъ стали описывать имѣнье. Я было вздумалъ жениться съ отчаянья. Опять неудача: купцы хоятъ чиновныхъ, дворяне хозяевъ — экономовъ, а барышни военныхъ. Я

прибѣгнулъ подѣ крылышко тетушки, Пульхеріи Антиповны, у которой я одинъ законный наслѣдникъ; она морщилась, упрямилась, и наконецъ рѣшилась спасти меня, съ тѣмъ однако жъ, чтобъ ей отдать имѣнье въ опеку. Попался, братья! не знаю, какъ вывернусь.

Много кос - что есть писать, да не ешастъ бумаги. Какъ пошлю въ городъ за гербовою, то велю привезти цѣлую десятъ почтовой, а между тѣмъ прошу тебя описать изъ словъ моихъ нашего ученаго сосѣда, порядочно подшрунить надъ нимъ, да напечатать въ какой нибудь Газетѣ, и прислать листовъ; что будетъ стоить, возвращу съ благодарностью. Прощай, не забывай стараго сослуживца *Фалалеев Недоугкина*.

Р. S. Зимнимъ путемъ при оказіи пришлю цѣлый ящикъ наливокъ.

Конецъ третьей части.

СОЧИНЕНІЯ

БАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

Сей даръ боговъ лишь къ чесши
И къ поученью ихъ пушей
Бышь долженъ обращенъ, не къ лести
И пыльной похвалѣ людей.

Державинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча

1827.

СЛАВЯНЕ.

П О В Ъ С Т И.

— N° I. —

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРЕМБОВЛИ.

Историческое происшествіе

XVII столѣтія.

Посвящается М. П. Кр. ж....ской.

Души благородныя, умѣющія чувствовать и достойно оцѣнять дѣянія великія, для васъ пишу сіи строки! — Другъ чело-вѣчества, пламенѣя любовью къ своему отече-ству, радуется, находя подъ чуждымъ не-бомъ сердца, исполненныя возвышенными чув-ствованіями, облагораживающими природу че-ловѣка. Любовь къ родинѣ и общему благу священна въ дикомъ Гуронѣ и въ образован-номъ Европейцѣ! Но если сіи доблести укра-шаютъ прелестный полъ, если слабая жена, во

Часть IV.

время опасности опечества, побѣдивъ врожденную ей робость, жертвуетъ собою для спасенія своихъ согражданъ; — тогда должны умолкнуть всѣ спраси, тогда чувства благодарности и удивленія должны одушевлять всѣ сердца, для достойнаго возмездія добродѣтели!

Прелестныя Россіянки! Ваша Исторія изобилуетъ доблестными подвигами вашихъ соотечественницъ. Не стану повпорять оныхъ: теперъ познакомьтесь съ геройскими дѣянiями соплеменныхъ вамъ Славянокъ, обитающихъ въ странѣ, орошаемой величественною Вислою. Нынѣ вы составляете одно семейство, имѣете одного отца; ваши дѣти и братья на вѣки соединены узами взаимнаго счастья. Вы должны знать и уважать другъ друга: Исторiя послужитъ къ сему руководствомъ.

Въ 1675 году, при самомъ началѣ царствованiя Польскаго Короля Іоанна Собѣскаго, Турки и Татары вторглись въ Украйну и Подолію, и опустошали сіи области

огнемъ, мечемъ и хищничествомъ. Многіе замки и города впади во власть невѣрныхъ, но Трёмбовля еще сопротивлялась. Мужественный Самуилъ Хржановскій, предводительствуя нѣсколькими тысячами окрестныхъ дворянъ и поселянъ, уже при мѣсяца удерживалъ стремленіе Сераскира Ибрагима, который поклялся Магометомъ разрушить городъ. — Положеніе осажденныхъ было самое отчаянное: голодъ, болѣзни и недостатокъ въ военныхъ снарядахъ — все соединилось къ ихъ гибели. Вѣра въ Бога и надежда на благоразуміе пачальника поддерживали мужество воиновъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ бѣдствій. Комендантъ собралъ военный Совѣтъ, чтобы помыслить о новыхъ мѣрахъ къ общему спасенію — и въ это время увѣдомляютъ его, что посланный изъ Турецкаго стана принесъ къ нему письмо отъ друга его, Марка Маковѣцкаго, плѣнника при взятіи Турками Заволова. Хржановскій велѣлъ распечатать письмо, и громкогласно прочесть оное въ собраніи. „Любезный другъ!“ — писалъ къ нему Маковѣцкій: — „не страхъ и не вѣроломство за-

ставляють мене совѣтовать тебѣ покориться
 превышающей силѣ, но дружба къ тебѣ,
 любовь къ моимъ согражданамъ и состраданіе
 къ ихъ несчастныхъ семействамъ, укрытымъ
 за ненадежною оградой. Заключенный въ стѣ-
 нахъ Трембовли, ты не знаешь положенія дѣлъ;
 клятвенно утверждаю истину словъ моихъ:
 слушай — и смирись предъ судьбою. Уже Зба-
 ражъ, Бучачъ, Заволовъ и многіе другіе зѣмки и
 города находятся во власти Сераскира Ибра-
 гима. Гешманъ Литовскій, Михаилъ Паць,
 возвратился на родину, и не хочетъ защи-
 щать Украйны. Стѣрко, Ханенко и Дорошен-
 ко посѣдили раздоры между Казаками, ко-
 торые не могутъ теперь помочь намъ въ край-
 ности. Нурадинъ съ толпою Татаръ соби-
 раетъ добычу подъ стѣнами Львова, гдѣ
 оставленный всѣми Король заключился съ
 малымъ числомъ воиновъ. Знамя Магомста
 развѣвается на скалахъ Каменца-Подольска-
 го. — Откуда и отъ кого ты ожидаешь по-
 мощи? По моему предстательству, Сера-
 скиръ Ибрагимъ усмиряешь гнѣвъ свой, и
 общается тебѣ и всѣмъ твоимъ подчинен-
 нымъ милость свою, сохраненіе живота и

имущества, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты опидаль Трембовлю, удалился съ воинствомъ и обозомъ за Вислу, и общалъ три года не служишь противу Оттоманской Порты. — Прости, и внемли совѣтамъ твоего друга.“

— „Письмо сіе писано по внушенію Сераскира Ибрагима“ — сказалъ Хржановскій: — „и такъ я полагаю, что должно отвѣчать отъ имени Совѣта.“ — Глубокое молчаніе царствовало въ собраніи; Хржановскій повторилъ вопросъ. Наконецъ старый Полковникъ отвѣчалъ: — „Къ тебѣ писалъ Маковѣцкій, ты одинъ въ правѣ отвѣчать ему: Совѣтъ не входитъ въ частную переписку.“ Хржановскій потчасъ написалъ въ отвѣтъ слѣдующее: „Если дѣла наши находятся въ столь бѣдственномъ положеніи, какъ ты объявляешь, то есть еще у насъ мужество и твердость духа, чтобы противостать несчастію. Если на землѣ нѣтъ для насъ надежды на помощь — Всевышній не оставитъ праваго дѣла безъ покровительства! Ты говоришь со мною, не какъ военнопленный, но какъ рабъ Ибрагима, и потому оставляю безъ вниманія твои совѣты. Ибрагимъ, со всѣмъ

своимъ могуществомъ, въ состояніи лишить насъ только — жизни. Пускай же на сіе покушается: онъ купитъ дорогою цѣною удовольствіе мщенія. Мы все твердо рѣшились погибнуть съ честью, погибнуть подъ развалинами Трембовли — и отъ одного Бога ожидаемъ милости: Ибрагимъ можетъ быть милосливъ къ рабамъ своимъ — и къ тебѣ. Прости! Всемъ ли совѣтамъ прежняго твоего друга, и обратись на путь долга и чести!“ — Комендантъ вручилъ письмо посланному, и собраніе разошлось, не постановивъ ничего рѣшительнаго.

Между тѣмъ письмо Маковѣцкаго произвело сильное впечатлѣніе въ начальникахъ и дворянствѣ. Видя себя оставленными безъ всякой помощи, они трепетали объ участи семействъ своихъ. Ибрагимъ угрожалъ предать смерти всехъ безъ исключенія: пѣжыя сердца супруговъ и отцевъ содрогались при сей мысли. Бѣдствія увеличивались ежедневно: стѣны сокрушались отъ ударовъ непріятельскихъ орудій; голодъ — сей непреодолимый врагъ — какъ ужасное привидѣніе, устрашалъ самыхъ непоколебимыхъ воиновъ.

Надежда угасла въ твердыхъ душахъ; уныніе и отчаяніе ослабили мужество храбрыхъ защитниковъ Трембовли. Общее мнѣніе обвиняло Хржановскаго въ упорствѣ и жестокости — и наконецъ, самъ Хржановскій покорился.

Сераскиръ Ибрагимъ прислалъ въ послѣдній разъ предложеніе мира: посланный объявилъ, что, если къ завтрашнему утру крѣпость не покорится на прежнихъ условіяхъ, Турки вознамѣрились взять оную приступомъ и истребить всѣхъ жителей, безъ различія возраста и пола. — Съ восхожденіемъ солнца надлежало прислать отвѣтъ въ станъ Ибрагима.

Хржановскій повелѣлъ начальникамъ собраться въ полночь въ своемъ домѣ. Съ унылыми лицами, въ безмолвіи, возсѣли они на мѣста свои; никто не смѣлъ первый объявить своего мнѣнія. Толпы воиновъ и гражданъ окружали домъ, и вокругъ пылающихъ огней совѣщались, ожидая рѣшенія своей участи. Наконецъ, Хржановскій, по своей обязанности, долженъ былъ прервать молчаніе. Онъ объявилъ имъ требованіе Сераскира Ибра-

гига: никто не отвѣчалъ. „Друзья!“ сказалъ онъ печально — „у насъ нѣтъ хлѣба и пороху!“ Онъ остановился и не смѣлъ продолжать. — Вдругъ отворяется дверь боковой комнаты; толпа женщинъ и дѣтей вступаетъ въ залу Совѣта. Прелестная Элеонора, супруга Хржановскаго, выходитъ изъ круга, и показывая собранію два кинжала, говорить: „У васъ нѣтъ хлѣба и пороху, но есть руки и желѣзо. Малодушные! вы хотите легкомысленно подвергнуть насъ поруганію, а честь вашу предать вѣчному стыду. Ваше унылое молчаніе измѣняетъ шайнѣ думѣ вашихъ. Нѣтъ и быть не должно никакихъ условій съ варварами!... Они угрожаютъ намъ приступомъ, и шакъ на развалинахъ спѣтъ нашихъ будемъ искать смерти или свободы. На приступъ не нужно пороху: вы встрѣтите враговъ мечами и кинжалами, а намъ, слабымъ женамъ, отдайте огнестрѣльное оружіе. Сразимся вмѣстѣ, укрѣмъ или отразимъ враговъ; съ оружіемъ въ рукахъ пробьемся сквозь густые ряды невѣрныхъ, и пойдемъ искать братій нашихъ. Попрѣше, что, испытавъ нашу неустраши-

мость, они не посмѣютъ насъ преслѣдовать! Если же вы намѣрены безъ боя покориться гордому Мусульманину, если вы захотите цѣною чести искупить жизнь свою — мы, жены ваши, опдѣляемся отъ васъ. Мы рѣшаемся умереть свободными гражданками; мы поклялись умертвить себя, васъ и дѣтей нашихъ. Къ тебѣ обращаюсь, супругъ мой, и объявляю, что одинъ кинжалъ поразитъ мое сердце, а другой твое, если въ немъ угаснетъ любовь къ свободѣ, чести и отечеству.“ — „Друзья!“ воскликнулъ Хржановскій, воспрянувъ съ своего мѣста: „неужели мы дозволимъ женамъ превзойти насъ въ великодушіи и мужествѣ?“ — „Нѣтъ! нѣтъ!“ отвѣчали начальники: „мы отразимъ враговъ, или всѣ вмѣстѣ погибнемъ!“ — Тогда старѣйшій изъ собранія, сказалъ Элеоноръ: „Тебѣ, благородная жена, мы повѣряемъ хоругвь со знаменіемъ Спасителя міра, и ключи отъ крѣпости; ты удоспонулась хранить знаки нашей независимости; располагай оными: мы будемъ тебѣ повиноваться!“ Радостныя восклицанія раздались въ залѣ, и вскорѣ повторились на площади. Воинство уже извѣсти-

лось о пропшедшемъ: геройство Элеоноры, какъ электрическая сила, потрясло всѣ сердца, и вновь возбудило въ нихъ усыпленное мужество. Воины желали видѣть Хржановскую: она, при свѣтѣ факеловъ, показалась на балконѣ съ хоругвию въ рукахъ, и радостныя привѣтствія восхищеннаго воинства доказали, что оно умѣло чувствовать истинное величіе.

Уже ночь была на исходѣ, и воины заняли свои мѣста на стѣнахъ, готовясь къ отпору непріятеля.

Съ утреннею зарею молебный гласъ раздавался на площади. Священники, во всемъ облаченіи, съ крестами и хоругвями, обошли вокругъ стѣнъ, благословляя воиновъ, и потомъ расположились предъ проломомъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, чтобъ первымъ встрѣтить смерть за Вѣру и отечество. — Между тѣмъ въ непріятельскомъ станѣ происходило примѣтное волненіе: Турки съ поспѣшностію снимали палатки; орудія и обозы вытягивались на большую дорогу; воинство устроивалось въ ряды; всадники садились на коней. Осажденные, видя всѣ сіи приготовления, съ нетерпѣніемъ ожидали приступа.

Раздался въ станѣ звукъ вѣстовой пушки, и войско двинулось. — Но сколь велико было удивленіе осажденныхъ, когда Турки, вмѣсто того, чтобъ устремиться на сѣѣны, обратились вспять, и поспѣшно начали удаляться по дорогѣ къ Каменцу-Подольскому! — Поляки не вѣрили глазамъ своимъ, и пребывали въ недоумѣніи, не понимая причинъ сего внезапнаго отступленія. Прошло полчаса — и со сѣѣны примѣтили облако пыли, поднимающееся въ сторонѣ Львова. Надежда воскресла въ унылыхъ сердцахъ: граждане и воины возсылали благодарственные мольбы къ престолу Всевышняго; — вскорѣ толпа всадниковъ приблизилась къ городскимъ воротамъ, и они узнали своихъ соотечественниковъ. Радость оживила несчастныхъ: они со слезами обнимали милыхъ гостей, привѣтствуя ихъ именами брашій и избавителей. Начальникъ отряда увѣдомилъ защитниковъ Трембовли, что Іоаннъ Собѣскій, въпомоществуемый всеобщимъ вооруженіемъ дворянства, разсѣялъ подъ Львовымъ хищныя толпы Нурадина, что Воевода Станиславъ Яблоновскій поразилъ ихъ подъ Злочевомъ, и что

половина Турецкаго воинства побита на голову при Подгайцахъ. Сіи потери заставили Ибрагима избѣгать встрѣчи съ Собѣскимъ, и поспѣшно переправиться чрезъ Днѣстръ. — Къ полудню воинство Собѣскаго расположилось уже подъ стѣнами Трембовли. Старшины привѣтствовали Короля въ станѣ, рассказали ему о своихъ бѣдствіяхъ, о мужественномъ подвигѣ супруги Коменданша, и герой Собѣскій пожелалъ ее видѣть. Онъ объявилъ старшинамъ, что изъ ея рукъ хочеть принять ключи города, и съ многочисленною свитою отправился къ Трембовлѣ.

Воинство устроилось по обѣимъ сторонамъ улицы, отъ городскихъ воротъ до Соборной церкви; духовенство и граждане встрѣтили Короля на подъемномъ мосту. Элеонора поднесла ему ключи на золотомъ блюдѣ. Собѣскій сошелъ съ коня, привѣтствовалъ все собраніе, и, поцѣловавъ руку прекрасной героини, сказалъ: „я обязанъ вамъ сохраненіемъ города; Польша — спасеніемъ своей чести; человечество — рѣдкимъ примѣромъ великодушія. Покуда признательное опечесство придумаетъ достойную награду вашему

мужеству и добродѣтели, примите сію цѣпь въ знакъ моей благодарности и уваженія.“ — Король снялъ съ себя алмазную цѣпь съ бѣлымъ орломъ, (гербомъ Польши), и надѣлъ на шею Элеоноры. Радостныя восклицанія воиновъ, звуки трубъ и литавръ раздались въ воздухѣ. Король подъ руку повелъ Элеонору въ храмъ, для возблагодаренія Господа силъ за спасеніе города. Послѣ молебствія, Собѣскій пригласилъ Элеонору съ ея мужемъ и со всеми чиновниками въ свой шатеръ. Великолѣпное пиршество окончилъ сей счастливый день, и первый бокаль выпилъ Король въ честь мужественной жены, воскликнувъ: „Да здравствуетъ великодушная избавительница Трембовли!“

Прошло уже полтора столѣтія съ того времени: стѣны Трембовли сравнялись съ землею; не видно глубокихъ рововъ и крѣпкихъ городскихъ башенъ; разрушился домъ, въ которомъ жила Хржановская: — но память о ея подвигѣ существуетъ въ преданіи, оживляетъ благородныя сердца, и будетъ переходить изъ устъ въ уста до ошдаденнѣшаго попомощва!

РАЗДѢЛЪ НАСЛѢДСТВА,

Восточная повѣсть.

Посвящена О. Г.

Престарѣлый и добродѣтельный Ибрагимъ, гражданинъ Смирискій, чувствуя приближеніе своей кончины, призвалъ четверыхъ своихъ сыновей, и говорилъ имъ слѣдующее: „Я вскорѣ долженъ оставишь свѣтъ; безъ страха вижу конецъ моей жизни: надежда на благосѣль Всевышняго поселяетъ во мнѣ спокойствіе. Я во всю жизнь мою не сдѣлалъ умышеннаго зла; ни у кого не опиялъ ни чести, ни имѣнія; усердно исполнялъ предписанія вѣры предковъ моихъ, и старался по

возможности облегчать спраданія моихъ собратій. Если, по слабости человѣческой, я во многомъ ошибался, если неумышленно оскорбилъ кого нибудь — вы, любезныя дѣти, исправьте мои просупки, когда меня не спашетъ, и почтите мою память добродѣтельной жизнію. Изъ всѣхъ благъ земныхъ, которыми я могу располагать, соснавилъ я четыре доли: первая тяжба, по которой мнѣ слѣдуетъ получить при милліона піастровъ отъ одного коварнаго Франка, товарища по торговлѣ покойнаго моего брата. Къ этой долѣ предлагается десять тысячъ піастровъ на необходимыя издержки. Вторую долю составляетъ корабль съ товарами и торговая контора въ городѣ Розеттѣ. Третья доля — эпошъ персень. За тридцать лѣтъ предъ симъ, я спасъ, въ сраженіи, жизнь нашему Султану, когда онъ былъ еще вторымъ сыномъ царствовавшего Государя (1). Онъ со слезами просилъ меня, чтобъ я требовалъ награды; я отказался, ибо не имѣлъ ни въ чемъ нужды. Тогда онъ снялъ съ руки своей эпошъ персень, и поклялся Пророкомъ, что эпошъ, киню представивъ ему оный отъ моего

женн, будешь принять, какъ родной братъ его, и получишь право на всѣ его милости. Вступивъ на тронъ, онъ неоднократно призывалъ меня ко Двору, но я всегда отказывался, предпочитая спокойствіе и независимость опасностямъ Серая. Четвертая доля мой загородный домъ въ Бухаръ-Баши (а), съ принадлежащими къ нему полями, садами и всѣмъ хозяйственнымъ заведеніемъ. Доходъ съ онаго не великъ, но можетъ содержать скромное семейство, и питать неимущихъ. — Выбирайте, любезныя дѣшн! Если же вы не согласитесь въ выборѣ, то бросьте между собою жребій.“ — Старшій сынъ, Муштафа, выбралъ перстень; второй, Али, корабль; третій, Гуссейнъ, взялся окончить плямбу, а младшему, Изманлу, достался хозяйскій домъ. — „Теперь, дѣшн мои, поклянитесь, что вы довольны раздѣломъ, и что каждый изъ васъ, въ случаѣ несчастія, будешь помогать другъ другу.“ — Они поклялись. Пресвятыи Ибрагимъ, совершивъ молитву, благословилъ дѣтей своихъ, и уснулъ тихимъ сномъ; жизнь угасла въ немъ безъ страданія и горести, какъ угасаетъ на западѣ

послѣдній лучъ благотворнаго свѣтила дневнаго.

Предавъ землѣ бранныя остатки добродѣтельнаго отца, братья обнялись, повторили клятву помогать другъ другу, и каждый занялся новымъ своимъ состояніемъ. Мустафа отправился въ Истамбулъ, и ожидалъ шестивія Султана въ мечеть, чтобы представить ему перстень. Лишь только Повелитель Мусульманъ показался изъ воротъ Серая, онъ поднялъ надъ головою приготовленную просьбу, и закричалъ изъ всей силы: „Всесильный Падишахъ ⁽³⁾! Ибрагимъ прислалъ къ тебѣ твой перстень.“ — „Кто ты таковъ?“ спросилъ Султанъ, остановившись, и взявъ перстень. — „Я Мустафа, старшій сынъ Ибрагима,“ отвѣчалъ онъ: „отецъ мой, умирая, отдалъ мнѣ эту драгоценную вещь, и приказалъ вручить тебѣ, обладателю двухъ міровъ.“ — „Добродѣтельный Ибрагимъ умеръ?“ сказала Султанъ, опирая слезы: „слава Всевышнему, что я, по крайней мѣрѣ, могу воздать сыну за услугу, оказанную мнѣ опцемъ! Явился ко мнѣ послѣ молитвы, и безмолвнымъ именемъ впустилъ себя во внутрен-

ность Сераля (4).“ — Мустафа не умедлилъ исполнить сіе приказаніе, и едва объявилъ у воротъ свое имя, стража съ почтениемъ пропустила его на первый дворъ, гдѣ Силгидаръ - Ага принялъ его и ввелъ въ комнаты. Кизляръ - Ага поднесъ ему богатый хилатъ (5), велѣлъ одѣться, и повелъ его къ Падшаху. При входѣ въ комнату, Мустафа повергся на землю, и въ безмолвіи ожидалъ своей участи; но Султанъ велѣлъ ему встать и сѣсть на играмъ (6), у ногъ своихъ. Онъ долго разговаривалъ съ сыномъ Ибрагима о состояніи Имперіи, о разныхъ опрашивая управленія, и увѣрившись, что Мустафа былъ человекъ просвѣщенный, сказалъ ему: „Мустафа! я доволенъ тобою; жалуя тебя моимъ Кягія-Беемъ (7), и нарекаю тебя мужемъ сестры моей Фахимы. Рабъ мой, Дефтердаръ (8), немедленно выдастъ тебѣ 500 кисе (9), на первое заведеніе, и назначитъ домъ для жительства. Ступай и ожидай дальнѣйшихъ моихъ повелѣній.“ Мустафа не могъ произнести ни одного слова отъ радости и удивленія; онъ даже не помнилъ, какимъ образомъ вышелъ изъ Султанскихъ комнатъ,

стовщики, рассчитывая, что Гуссейнъ, по вліянію своего брата, долженъ выиграть тяжбу, давали ему деньги по пятидесяти процентовъ. Не взирая на проволочки, употребляемые его противникомъ, уже приближался день, въ который надлежало произнести окончательный приговоръ. Справедливоспъ дѣла, покровительство и рачительность, съ которою Гуссейнъ производилъ тяжбу, удостоверяли всѣхъ въ счастливомъ оной окончаніи. Три милліона наследства доставляли ему большое вліяніе въ городѣ: его вездѣ угощали, принимали съ разверстыми объятіями, и многіе завидовали его счастливой судьбѣ.

Въ то время, когда сіи три брата столь блестящими путями шли въ храмъ счастія, четвертый, Измаиль, занимался воздѣлываніемъ отцовскихъ полей и садовъ, умноженіемъ стада и удобреніемъ земли. Презирая гнусное сладострастіе, и будучи увѣренъ, что истинныя удовольствія жизни зависятъ не отъ чувствъ, но отъ чувствованій, Измаиль отвергнулъ обыкновеніе Востока, позволяющее имѣть гаремъ, гнѣздилище козней

и зависти. Онъ избралъ себѣ подругу между дочерьми трудолюбиваго своего сосѣда, Гассана. Прекрасная Зулема принесла ему въ приданое невинное сердце, тихій нравъ и нѣжную привязанность, возвышенную благодарностію за его выборъ и предпочтеніе множеству красавиць. Въ то время, когда Изманлъ надсматривалъ въ полѣ за наемными работниками, Зулема занималась домашнимъ хозяйствомъ, и учила моливкамъ и грамотѣ двухъ прелестныхъ малютокъ, залогъ ихъ взаимной нѣжности. По вечерамъ Изманлъ читалъ Сураты-Курана⁽¹⁾, или произведенія Арабскихъ Поэтовъ и Историковъ. Нѣсколько избранныхъ друзей раздѣляло съ нимъ досужее время и скромную прापезу. Жизнь сей счастливой четы протекала тихо, какъ чистый ручей по зеленому лугу. Они не мучились ни великими надеждами, ни лишними желаніями, но за то и не страшились большой потери. Наслаждаясь пріятностями жизни, конхъ въ мірѣ столь много для сердца невинныхъ, благополучные супруги безъ страха взирали на смерть, какъ на кратковременную разлуку. Всевышній благословилъ

добродѣтельную чисту: довольство, хотя безъ роскоши, окружало ихъ; дѣти возрастали въ здоровьѣ и благонравіи, служители любилъ ихъ, сосѣди душевно почитали. Но городскіе жители говорили въ Смирнѣ: „Какъ жаль бѣднаго Измаила! онъ проводитъ время въ неизвѣстности, трудится какъ невольникъ, единственно для прокормленія своего семейства, въ то время, какъ братья его упоаюшъ въ роскоши и удовольствіяхъ, покрытые славой и почестями. Мудрый Ибрагимъ зналъ его слабоуміе, назначивъ ему столь низкую долю. Даже братья забыли его, онъ достоинъ ничтожной своей участи.“ — Иногда доходили до Измаила сѣи толки, и онъ отъ добраго сердца смѣялся заблужденіямъ толпы, всегда судящей по наружности.

Въ одинъ пріятный лѣтній вечеръ, когда Измаиль опдыхалъ въ тѣни акацій, а жена его поливала цвѣты, слуга объявляетъ ему, что три странника просятъ позволенія войти въ домъ, и поговорить съ хозяиномъ. Измаиль велѣлъ впустить ихъ: являющіеся три человека въ разодранныхъ рубищахъ, блѣд-

ные, съ поныкшею главою и помуленными
 взорами. Горесть изображалась рѣзкими чер-
 тами на ихъ лицахъ, покрытыхъ морщина-
 ми. — Изманъ съ безпокойствомъ всматри-
 вается, и узнаетъ — трехъ братьевъ своихъ.
 Съ распростертыми объятіями бросился онъ
 къ нимъ, и слезы ихъ смѣшались. Онъ не
 спрашивалъ о причинахъ ихъ злой участи,
 о которой могъ судить по одеждѣ, но спѣ-
 шилъ предложить имъ свои услуги. Нѣж-
 ная Зулема раздѣляла общую горесть, и дѣ-
 ти, видя въ первый разъ плачевное явленіе
 въ домѣ, рыдали, не зная тому причины. Му-
 стафа, первый, прервалъ молчаніе. „Любез-
 ный братъ!“ сказалъ онъ: „мы въ счастіи
 забыли о тебѣ, но въ несчастіи вспомнили,
 что имѣемъ добродѣтельнаго и мудраго бра-
 та, и пришли къ тебѣ просить пищи и по-
 крова. Мы не имѣемъ ничего, кромѣ жизни,
 преисполненной раскаяніемъ и горесными
 воспоминаніями о нашемъ неблагоразуміи.
 Сядемъ подъ тѣнь этого дерева, и по оче-
 реди расскажемъ тебѣ наши приключенія!“

Гуссейнъ первый началъ говорить: „Про-
 цесь мой въ началѣ своемъ принялъ самый

благопріятный ходъ. Судьи признавали справедливость моихъ требованій, и обѣщали дань милостивое рѣшеніе; но пронырство противной стороны замедляло окончаніемъ тяжбы, которое безпрестанно отсрочивали подъ различными предлогами. Наконецъ, по вліянію брата моего Мустафы, дѣло рѣшилось въ мою пользу, и я получилъ имѣніе, оцѣненное въ три милліона піаспровъ. Тогда мнѣ надлежало бы остановиться, и насладиться моимъ богатствомъ. Но бездѣйствіе было мнѣ несносно: я полюбилъ тяжбы, и находилъ удовольствіе въ этомъ занятіи. Не имѣя собственныхъ дѣлъ, началъ я покупать всѣ споры и тяжбы между частными людьми, и самъ опыскивалъ и вымышлялъ средства и предлоги къ раздорамъ между гражданами. Вскорѣ одна половина жителей Алеппа завела тяжбы съ другою, и я во всѣхъ былъ участникомъ или, по крайней мѣрѣ, совѣтникомъ. Я проводилъ время въ судахъ, въ моемъ кабинетѣ за бумагами, или за роскошнымъ столомъ. Домъ мой былъ сборищемъ Улемовъ, Кадіевъ и всѣхъ приказныхъ. Я безпрестанно выигрывалъ тяжбы, но упопре-

блѣя большія суммы на производство дѣлъ, входилъ въ долги, которые ежедневно умножались. По бумагамъ, закладнымъ и крѣпостямъ меня почитали властителемъ многихъ милліоновъ, а на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ противное. Наконецъ, послѣ несчастія, приключившагося съ братомъ Мустафою, и моя участь рѣшилась, какъ того ожидать надлежало. Со всѣхъ сторонъ посыпались къ Султану жалобы на разстройство, причиняемое мною между гражданами, побужденіемъ ихъ къ процессамъ, и на несправедливыя средства, употребляемыя мною къ обращенію оныхъ въ мою пользу. Султанъ запретилъ мнѣ производить тяжбы, и кредитъ мой немедленно обрушился. Занмодавцы и товарищи моихъ оборотовъ захватили все мое имѣніе, а я съ сумою долженъ былъ выйти изъ города, гдѣ меня ненавидѣли, какъ лбедника и человека безпокойнаго. Не имѣя угла, гдѣ бы я могъ приклонить мою голову, я рѣшился просить пропитанія и убѣжища у мудраго брата моего, Измаила.“ —

„Спѣшитъ къ богатству,“ говорилъ Али:
„заставила меня избрать въ удѣлъ торговлю.

Я умѣлъ идти впередъ, но не умѣлъ остановиться. По мѣрѣ умноженія моихъ сокровищъ, страсть къ приобрѣтенію во мнѣ возрастала. Я входилъ во всякое торговое предпріятіе, обѣщавшее большія выгоды; не будучи въ состояніи моими собственными капиталами поддерживать обширную торговлю, я долженъ былъ составить компанію, завести кредитъ, повѣрить большую часть моихъ дѣлъ чужимъ людямъ. Вскорѣ мнѣ недостало времени самому заниматься всѣми подробностями. Жажда къ удовольствіямъ пылала въ душѣ моей вмѣстѣ съ алчностью къ злату. Къ тому же надлежало вести знакомство и поддерживать дружбу съ множествомъ чиновниковъ, угощать ихъ, доставлять имъ всякія забавы, чинить связать ихъ существованіе съ моими пользами. Я едва имѣлъ нѣсколько часовъ въ день, чтобы заняться дѣлами, требующими дѣятельности неусыпной. Мои поварихи и приказники воспользовались моею небрежностью, и воздвигнутое мною огромное зданіе, не имѣя прочнаго основанія, начало разрушаться. Я со всѣхъ сторонъ получалъ извѣстія то о разбитіи моихъ кораблей, то

о пожарахъ въ моихъ магазинахъ, то о банкротствѣ моихъ должниковъ. Между тѣмъ всѣ участники моей торговли богатыли и отдѣлялись отъ меня. Я почувствовалъ, но уже поздно, что обширная торговля, поддерживаемая не капиталами, но спекуляціями, основанными на кредитѣ, уподобляется отраженію солнечныхъ лучей въ водѣ, копорые блестятъ, но не согревають. Я дошелъ былъ справедливъ, вѣренъ въ словѣ и договорахъ, но страхъ потерять мое состояніе заставилъ меня прибѣгнуть къ обману, и Всевышній справедливо наказалъ меня. Въ то время флотъ Великаго Султана вооружался, и армія собиралась на границѣ Имперіи. Я взялся доставить продовольствіе войску, и отдалъ въ залогъ все мое имѣніе. Надѣясь поправить и даже умножить разстроенное мое состояніе, я за малыя суммы закупилъ во всѣхъ портахъ Адриатическаго и Средиземнаго морей испортившійся хлѣбъ, и доставилъ оный въ армію и флотъ. Капуданъ-Паша и Захирджи-Баши ⁽¹²⁾ были со мною въ согласіи, но Визирь пребылъ вѣренъ своей обязанности, и представилъ дѣло Султану

въ настоящемъ видѣ. Капуданъ - Пашу бросили въ море, Захирджи-Баши задушили въ комнатахъ Серая, а у меня забрали все имѣніе, отсчитали мнѣ 500 ударовъ по пятамъ, и выгнали съ безчестіемъ за городъ. Султанъ повелѣлъ объявить мнѣ, что единственно изъ любви къ отцу моему снѣ даруетъ мнѣ жизнь, запрещая однако жъ навсегда заниматься торговлею. Оснавленный друзьями и любовницами въ моемъ несчастіи, я въ то же время узналъ о паденіи брата Мустафы, направилъ путь къ тебѣ, и на дорогѣ встрѣтился съ братьями.“ —

Мустафа рассказалъ свои приключенія слѣдующимъ образомъ: „Ты знаешь, что данный мнѣ покойнымъ отцемъ нашимъ перстень доставилъ мнѣ всѣ почести, которыхъ столько жаждала честолюбивая моя душа. Будучи мужемъ сестры Султана, и однимъ изъ первыхъ чиновниковъ Государства, пользуясь приномъ безчисленными сокровищами, я бы не долженъ былъ желать ничего, кромѣ продолженія моего благоденствія, и пользуясь случаемъ, дѣлать добро, которое отъ меня зависѣло. Но, съ умноженіемъ ко мнѣ

милости Султана, возрастали во мнѣ гор-
 досць и честолюбіе. Я былъ Кягія-Беемъ, а
 мнѣ хотѣлось быть Визиремъ. Высокомѣр-
 ная моя супруга утверждала меня въ этомъ
 намѣреніи, совѣтовала оклеветать Визиря, и
 самому заступитъ его мѣсто. Я имѣлъ сла-
 бость послушаться, и изрылъ яму, въ кото-
 рую мнѣ самому надлежало низвергнуться.
 Въ то время Порта приготовлялась къ вой-
 нѣ съ Персидскимъ Шахомъ; я сочинилъ под-
 ложныя письма къ Визирю отъ нашего врага,
 и готовился показатъ оныя Султану. Между
 тѣмъ жена моя, влюбившись въ Янычарь-Агу,
 приготовляла мое паденіе. Она сохранила
 копіи писемъ, и тайно послала оныя къ Сул-
 тану. Явившись предъ лицомъ Падишаха,
 чтобы обнаружить мнимую измѣну Визиря, я
 воспрепечталъ при грозномъ и гнѣвномъ видѣ
 Повелителя Востока. „Недостойный рабъ!“
 вскричалъ онъ: „червь, извлеченный мною
 изъ праха, и превратившійся въ ядовитую
 змѣю! Ты осмѣлился употребитъ во зло мою
 довѣренность, и, пользуясь ею, готовишь по-
 гибель вѣрнѣйшимъ рабамъ моимъ! — Твоя ли
 это рука?“ сказалъ онъ, показывая письма.

Я упалъ къ ногамъ его, едва живой отъ страха. — „Винюсь предъ тобою, Обладатель міровъ — но сесспра швоя.....“ Онъ не позволилъ мнѣ продолжать: — „Извергъ! ты хочешь оклеветать и сесспру мою. Изъ почтенія къ памяти добродѣтельнаго твоего отца, дарую тебѣ жизнь — ты не достоинъ моего мщенія. — Рабы! изгони те сіе чудовище изъ города!“ — Въ одну минушу Капиджи-Баши ⁽¹³⁾ схватили меня, сорвали съ меня драгоценныя одежды, и вытолкали за городъ, при многочисленномъ стеченіи народа, вчера упадавшего ницъ передо мною, а сего дня покрывавшаго меня ругательствами и насмѣшками. Полумертвый очутился я за городомъ; нѣсколько времени скитался въ лѣсахъ, питаясь дикими плодами, и наконецъ рѣшился итти къ себѣ. Подходя къ Смирнѣ, встрѣтился я на ночлегъ, въ домъ бѣднаго дровосѣка, съ нашими братьями.“

„Любезные братья!“ сказалъ имъ Изманлъ: „я не намѣренъ дѣлать вамъ упрековъ, ибо этимъ средствомъ невозможно возвращеніе прошедшаго. Не хочу ничего совѣтовать, потому что вамъ нужна помощь, а не

наставленія. Предлагаю вамъ домъ мой, и охотно подѣлюсь всѣмъ, что въ немъ находится. Надѣюсь также, что вы будете раздѣлять со мною труды мои. Истинныя потребности человѣка столь ограничены, что ихъ удовлетворишь весьма не трудно. Пища, одежда и спокойный уголь — вошь все, что я могу предложить вамъ. Богъ милосивъ: онъ, можетъ быть, сжалясь, видя ваше раскаяніе.“ — Изманлъ залился слезами при сихъ словахъ, и вторично обнялъ братьевъ своихъ. Наконецъ братья положили между собою, что Мустафа приметъ смотръніе за стадомъ, Али будетъ возить на рынокъ земныя произведенія, а Гуссейнъ займется счетными дѣлами по хозяйству. Зулема принесла скромный ужинъ; вскорѣ тихое веселіе воцарилось въ дружеской бесѣдѣ. Три брата поклялись загладить добродѣтельную жизнью свои проступки, и навсегда опречься отъ призраковъ богатства и почестей.

Въ это время является изъ-за кустовъ пресмартый Дервишъ, Абдалла, другъ покойнаго Ибрагима. Виновные не смѣли взгля-

путь на него, и закрыли лица полами платья. „Я все слышалъ,“ сказалъ онъ: — „я видѣлъ васъ входящихъ въ домъ, и прошелъ въ садъ другими дверями. Чистосердечное ваше раскаяніе возбудило во мнѣ состраданіе, и я хочу помочь вамъ въ несчастіи. Добродѣтельный Ибрагимъ предчувствовалъ вашу участь: онъ зналъ, что снрасть къ богатству, почестямъ и тяжбамъ рѣдко имѣетъ предѣлы, и превращаясь въ неисцѣлимую душевную бользнь, бываетъ причиною гибели. Онъ оставилъ мнѣ въ сохраненіе сто тысячъ піастровъ: раздѣлите ихъ на четыре части, и начинайте новую жизнь, пользуясь вашею опытностію.“ — Три брата бросились къ ногамъ почтеннаго старца. Изманъ, обнявъ его, сказалъ: „Отецъ мой! я отрекаюсь отъ моей части, не имѣя въ ней нужды: раздѣли все между моими несчастными братьями.“ — Жена Изманла повторила эту просьбу, но Дервишъ и прочіе братья не соглашались. Наконецъ общимъ совѣтомъ рѣшили, чтобы за три части суммы купили три равныя участка земли съ хозяйственнымъ заведеніемъ, а четвертую отдать въ вѣрныя

руки на сохраненіе, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ несчастія, происшедшаго отъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, всякій изъ братьевъ могъ пользоваться процентами. Половину же процентовъ опредѣлили на раздачу бѣднымъ, чтобы они молились за упокой души Ибрагима.

Несчастіе лучшая школа для человѣка. Оно исправило прѣхъ братьевъ, и они вскорѣ, въ нѣдрахъ семействъ своихъ (всякій изъ нихъ взялъ себѣ подругу), не предаваясь пустымъ мечтамъ, вкусили блаженство, котораго тщетно искали на пути величія и знаменности. Здоровье, свобода, довольство, трудъ, отдохновеніе, любовь, дружба и благотвореніе доставляли имъ разнообразныя удовольствія, которыя не покупаются золотомъ, и не подчинены могуществу человѣковъ. Всѣ четыре брата дожили до глубокой старости, воспитали многочисленныя семейства, часто повторяя дѣтямъ своимъ: „Не ищите ничего *въ людяхъ*, но исполняйте свои обязанности въ отношеніи къ *гелогестеу*. Кто ищетъ *многого*, тотъ подверженъ *большимъ потерямъ*. Кто полагаетъ

свое благополучіе въ *мнѣніи людей*, тотъ дѣлается *рабомъ гужаго мнѣнія*, и врагомъ своего спокойствія. Нѣтъ благородіе того, кто прудомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что Провидѣніе дозволяетъ торжествовать пороку: истинное торжество не зависитъ отъ поклоненія толпы малодушныхъ; оно состоитъ въ одобреніи людей добродѣтельныхъ, и снѣто люди никогда не измѣняютъ истинѣ, и всегда презираютъ порочнаго, въ хижинѣ ли онъ, или въ чертогахъ. Живите *въ свѣтъ*, но не *для свѣта*: пустыня не дѣлаетъ порочнаго добродѣтельнымъ, и свѣтъ не сдѣлаетъ добродѣтельнаго порочнымъ. Будьте съ людьми онкровенны, но не легкомысленны. Помогайте несчастнымъ, если хотите сами имѣть право на состраданіе въ вашихъ горестяхъ, и, наконецъ, помните, что *только добродѣтельный* можетъ быть *счастливымъ*, ибо душевное спокойствіе и уваженіе людей пріобрѣтаются единственно *непорочною жизнью*."

П р и в ѣ ч а н і я.

(1) Въ прежнія времена, Турецкіе Султаны по заправили своихъ родныхъ: напропавъ того повѣряли имъ важныя должности въ арміи и въ правленіи. Потомъ ихъ лишаютъ жизни, или забираютъ въ старомъ Сералѣ, называемомъ Эски-Серай или Кафасъ, т. е. клѣтка.

(2) *Бухаръ-Баши*, одна изъ окрестностей города Смирны; тамъ находились загородные дома богатыхъ жителей.

(3) *Падшахъ*, Великій Царь. Такъ обыкновенно Турки величаютъ своихъ повелителей, называлъ оныхъ также властителями двухъ міровъ.

(4) Если говоримъ о внутренности Серала, то не должно полагать, что подъ симъ разумѣется Гаремъ, въ который входъ запрещенъ даже родственникамъ Султана. Сераль есть родъ особаго города, состоящаго изъ множества странныхъ, и обнесеннаго высокою стѣною, отдѣляющею оный отъ прочихъ частей Царяграда: онъ имѣетъ 12.000 жителей къ особеннымъ услугамъ Султана.

(5) *Халатъ*, верхняя одежда у Турокъ, которую надеваютъ на особъ, представляющихся Султану.

(6) *Перизъ*, малые коврики: на нихъ сажали высшіе чиновники у подножія софы, на которой сидѣлъ самъ Султанъ, во время аудіенціи.

(7) *Кясіл-Бей*, наместникъ Великаго Визиря.

(8) *Дефтердаръ*, Государственный Казначей.

(9) *Кисе* (киса), мѣшокъ, вѣщающій 500 пиастровъ.

(10) Женщины, составляющія Гаремъ Великаго Султана, раздѣляются на слѣдующіе классы: *Кадыны* т. е. госпожи или особенныя любовницы; *Гедикли* прислужницы Султана въ Гаремъ. Между ними двадцать прекраснѣйшихъ называются *Одалыкъ* или *горничныя*; каждая имѣетъ особенное званіе, соотвѣтствующее мужескому, на мужеской половинѣ Серала, какъ то: спольники, кравчія и пр. Если которая изъ *Одалыкъ* заслужитъ мѣсто *Кадыны*, то называется *Ибкаль*, т. е. *правлящая* или *Хасъ-Одалыкъ*, первая *горничная* Султана. Сверхъ того находятся въ Сералѣ надзирающія, занимающіяся услугами у родственниковъ Султана и *Кадыны*, также надзоромъ надъ служащими дѣвушками или *новоступившими*, коихъ считается болѣе шести сотъ, а всѣхъ женщинъ въ Гаремъ болѣе тысячи.

(11) *Сураты*, главы или раздѣленія Курана, т. е. Алкорана.

(12) *Заханджи-Баши*, главный Провіантмейстеръ Турецкаго войска.

(13) *Капиджи-Баши*, исполнители воли Султана, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ.

МИЛОСТЬ и ПРАВОСУДИЕ.

(Восточная повѣсть.)

Sobald Gerechtigkeit seyn wird, wird Friede
seyn und Glück.

Seite.

Въ недалекомъ разстояніи отъ главныхъ воротъ Багдада, на холмѣ, осыненномъ тѣнистыми пальмами, лежалъ Гассанъ, погруженный въ горькую думу. Восходящее солнце позлащало лучами своими верхи башенъ и мечетей великолѣпнаго города; поселяне спѣшили на торгъ съ произведеніями земли; ипогочисленные стада неспѣшали на необозримыхъ лугахъ; караваны верблюдовъ покрывали большую дорогу. Все вокругъ дышало жизнью и довольствомъ; но глубокая печаль накинула черную завѣсу на взоры Гассана и заглушила сердце его горестнымъ опзы-

вомъ несчастій. Онъ не видѣлъ ничего, кромѣ себя злополучнаго, и внималъ только глазу своего отчаянія. Приближеніе странника прервало его думу. Гассанъ поднялъ глаза и увидѣлъ предъ собою своего соопечесвенника Галеба, столь же удивленнаго, какъ и онъ, сею неожиданною встрѣчею. Оба, сыновья богатыхъ Эмировъ въ Бассорѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ знали другъ друга въ богатствѣ и счастіи, а теперь, покрытые рубищами, въ видѣ нищихъ, встрѣчаются у воротъ Багдада. Галебъ первый прервалъ молчаніе. „Другъ мой,“ сказалъ онъ: „удивляюсь, соболѣзную, — но не смѣю спросить, что привело тебя въ такое состояніе?“ — „Демонъ зависти и злобы,“ отвѣчалъ Гассанъ. „Наша, проклинаемый народомъ за его варварство и лихоимство, не могъ равнодушно смотрѣть на моего отца, наслаждавшагося благословеніями и любовію своихъ согражданъ, за его благотѣнія и предстательство у сильныхъ за слабыхъ. Наша, пользуясь обстоятельствомъ, оклеветала его въ участіи съ мятежными Омйдами, врагами царствующаго рода Аббасидовъ, представила подложныя

письма — и Повелитель Мусульманъ, обманутый личиною истины, приказалъ заключить отца моего въ пещницу, а все наше имущество отдалъ презрѣнному донощику. Не осуждаю мудраго Халифа Альмамуна въ его опрометчивости, обо что значить мудрость одного человѣка противу ухищреній злобы и зависти? — Не ропщу на него, зная, сколь легко человѣкъ добродѣтельный можетъ быть обманутъ злыми. Но иду представивъ истину предъ моимъ Повелителемъ, и по данному Магометомъ праву для всѣхъ Мусульманъ — *иду требовать правосудія.*“

„Горькая моя участь,“ возразилъ Галебъ: „не столь достойна сожалѣнія, ибо я самъ причиною моихъ несчастій. Жажда славы и наслажденій возродила во мнѣ страсть къ предпріятіямъ, но я не имѣлъ ни столько ума, чтобы распоряжаться ими, ни столько твердости, чтобы привести оныя къ благополучному концу. Я хотѣлъ быть Поэтомъ, воиномъ и купцомъ. Друзья помогали мнѣ въ первомъ, крутой нравъ мой сдѣлалъ меня нестерпимымъ въ воинскомъ состояніи, а молодость привела меня въ разореніе по тор-

говымъ оборотамъ. Бѣдность и стыдъ доводилъ меня до отчаянія; я оставилъ жену и дѣтей, и хочу испытать послѣднее средство, то есть, сокрывъ самолюбіе, необузданность, презрѣніе ко всему роду человѣческому — главные черты моего характера — иду въ Багдадъ *искать милости.*“

Взаимная искренность послала въ нихъ нѣкоторый родъ пріязни. Вошедши въ городъ, каждый изъ нихъ пошелъ къ своимъ знакомымъ искать убѣжища, и при разставаніи, они дружески пожали руки, пожелавъ другъ другу счастливыхъ успѣховъ, и давъ обѣщаніе взаимно помогать себѣ при удобномъ случаѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, Гасанъ, написавъ вкратцѣ исторію своихъ несчастій, пошелъ въ чертоги Халифа. Добрый Альмамунъ, приготовляясь къ войнѣ, не могъ въ то время заниматься многими дѣлами, и возложилъ на Визиря своего Юссуфа, обязанность наблюдать за отправленіемъ правосудія въ Государствѣ. Визирь не былъ ни зоръ, ни жестокосердъ, но посвящая забавамъ большую часть времени, мало радѣлъ о вѣренной

ему должности. Окруженный льстецами и празднолюбцами, онъ невольно заграждалъ къ себѣ путь истиннѣ. Онъ охотно дѣлалъ добро, но не искалъ къ тому случая, и сквозь толпу его слугъ, друзей, и невольниковъ приступить былъ къ нему весьма труднѣ. Гассанъ едва могъ продрапаться въ вороша, стреломыя воинами и придверниками, и войдя въ обширный дворъ, осыпанный деревьями, смиренно вѣтсился въ ряды просипелей, ожидающихъ у крыльца выхода Визиря. Съ удивленіемъ увидѣлъ Гассанъ Галеба, прежняго своего знакома, который ласкалъ и цѣловалъ жирныхъ псовъ, покоящихся въ тѣни подъ окнами вельмож. „И ны ищешь правосудія?“ спросилъ Гассанъ. — „Совсѣмъ лѣтъ; меня никто не обижалъ,“ отвѣчалъ Гассанъ: „я пришелъ полюбоваться на собакъ, до которыхъ я спрашивающій охотникъ, и благословлять господина, столько хорошо ихъ содержащаго. Кто питаетъ животныхъ, можешь ли тогда быть равнодушенъ къ людямъ?“ — „Не всегда!“ возразилъ Гассанъ. Но Галебъ отворонилъ отъ него лице и прижался къ дремлющей собакѣ, громко воскли-

сиптелямъ прійти чрезъ три дня, для представленія своихъ жалобъ.

Гассанъ чрезъ три дня снова явился къ Визирю. На сей разъ онъ вышелъ къ просителямъ, съ разстѣпаніемъ выслушалъ ихъ жалобы и, принявъ просьбы, отдалъ ихъ своему Секретарю. Увидѣвъ Галеба, Визирь приблизился къ нему съ улыбкою и потрепавъ ласково по плечу, спросилъ: „ты чего хочешь?“ — „Ничего, кромѣ твоей *милости* и благоволенія: свѣтъ очей твоихъ опрада для моего сердца, а голосъ — цѣлебный бальзамъ для страждущихъ и невинно-угнетенныхъ. Благословеніе Магомета пребываетъ съ тобою и отражается на окружающихъ тебя. Слава и благоденствіе мудрому и благодѣтельному Юсуфу!“ — Визирь, съ удовольствіемъ отъ словъ Галеба, возвратился во внутреннія комнаты, и просителямъ чрезъ недѣлю вѣрно было приходиться за отвѣтомъ.

Но прошествіи сего времени, Гассанъ съ безпокойствомъ и надеждою явился въ передней Визиря. Онъ уже засталъ тамъ Галеба, дружески бесѣдующаго съ невольниками и служителями вельможи. Галебъ удивлялся

красотѣ горбатаго карлы, любимца господина, увѣряя, что онъ въ родѣ карлъ есть совершенство. Чернымъ эвнухамъ говорилъ, что цвѣтъ ихъ кожи почтается первымъ въ природѣ, потому что до созданія солнца всѣ вещи, какъ во время ночи, имѣли черный цвѣтъ, и что солнце и понынѣ, *для красы*, имѣетъ *гερνία* пятна. Гассанъ едва вѣрнулъ собственнымъ ушамъ, и пожималъ плечами отъ удивленія; онъ хотѣлъ что-то сказать Галебу; но Галебъ отворотился отъ него и началъ разговаривать съ придворнымъ шумомъ, восхищаясь его остроуміемъ.

Въ сіе время Секретарь началъ объявлять рѣшенія Визиря, и вскорѣ очередь дошла до Гассана. Ему сказали: что осужденіе отца его произошло по законной формѣ, что просьба его неосновательна и удовлетворена быть не можетъ. Гассанъ оцѣпенѣлъ, — онъ не могъ въ сію минуту произнести ни одного слова; слезы остановились въ глазахъ его, сердце сжалось и дыханіе сперлось въ растерзанной горестію груди. Онъ поспѣшно побѣжалъ въ свое жилище, бросился въ по-

спелю; жестокая горячка обнаружилась вскорѣ послѣ сего происшествія.

Попеченіями добрыхъ хозяевъ и помощію махери природы, Гассанъ чрезъ нѣсколько недѣль оправился отъ болѣзни. Первымъ его дѣломъ было написать жалобу въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ къ Визирю, заклиная его именемъ Магомета, приказать изслѣдовать минимы преступленія его отца. Опираясь на костыль, блѣдный и изсохшій, снова побрелъ онъ въ чертоги вельмож. Визирь въ сей день принималъ просителей и поздравленія съ новою милостию Халифа. Великолѣпно одѣтый Секретарь отбиралъ прошенія и отвѣчалъ на поздравленія. Гассанъ всматривается въ лице Секретаря и не вѣрится глазамъ своимъ: это Галебъ, тотъ самый Галебъ, который встрѣтился съ нимъ у воротъ Багдада. По должности своей, онъ подошелъ къ Гассану, взялъ просьбу и отворотился. Гассанъ, думая, что онъ послѣ болѣзни не узнаетъ его, сказалъ ему свое имя и припомнилъ прежнее знакомство. „Помнишь всѣхъ нищихъ, встрѣчавшихся со мною во время моего путешествія,“ отвѣчалъ Га-

лебъ: „зпачило бы то же, что и помпнть число деревь и камней, попадавшихся мнѣ на пути. Въ имени твоемъ нѣтъ нужды, а дѣло покажетъ справедливость твоихъ требованій. Ступай домой: чрезъ нѣсколько дней ты получишь рѣшеніе.“

Гассанъ заглушилъ голосъ оскорбленнаго самолюбія, и въ молчаніи удалился. Онъ надѣлся, что не взирая на высокоуміе Галеба, онъ, зная дѣло и невинность его отца, представитъ вещи Визирю въ настоящемъ видѣ. Нѣсколько дней прошло, и Гассана потребовали къ Кадію. Надежда ожила въ сокрушенномъ его сердцѣ: онъ нетерпѣливо лезъ къ сему чиновнику; но тамъ долженъ былъ испить послѣднюю каплю изъ золь, ему предназначенныхъ судьбою. Кадій въ спро-гихъ словахъ объявилъ ему, что дерзкія вы-раженія, употребленныя въ поданной имъ просьбѣ, возбудили въ Визирѣ справедливый гнѣвъ, и что единственно изъ соображенія къ его разсвоенному уму, добрый вельможа избавляетъ его отъ всякаго наказанія, по-вѣлъ немедленно выйти изъ города. От-рядили нѣсколько солдатъ, и несчастнаго Гас-

сана, не позволивъ ему даже проститься съ благотѣтельными хозяевами, вытолкнули за городскія ворота.

Гассанъ, какъ громомъ пораженный, стоялъ нѣсколько времени въ безмолвіи на большой дорогѣ, и смотрѣлъ на лазоревый сводъ неба, по которому сильный вѣтеръ гналъ черныя тучи. Въ отдаленіи гремѣлъ громъ, и Гассанъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ударовъ, въ надеждѣ, что одинъ изъ нихъ постигнетъ его и избавитъ отъ горестной жизни.

Въ сіе время является толпа всадниковъ съ загородной прогулки. Гассанъ видитъ Галеба на богатоубранномъ конѣ, въ блестящей одеждѣ, окруженнаго многочисленною свитою. Гассанъ закрылъ глаза, чтобы не видѣть торжествующаго порока; но Галебъ приблизился къ нему съ улыбкою на устахъ. — „Послушай, землякъ,“ сказалъ онъ: „я сожалею о тебѣ, но не хочу помочь тебѣ, ибо ты имѣешь дѣло съ сильными врагомъ, который есть первый другъ моего господина: возьми это золото — (онъ бросилъ ему кошелекъ, на который Гассанъ даже и не

тебя урокомъ на будущее время. Ты правъ — я виноватъ; ты добродѣтеленъ — я не могу эшимъ похвалиться; мы въ одно время пришли въ городъ: я вошелъ въ знашь — ты изгнанъ съ презрѣніемъ; и исполкованіе сей загадки заключается въ томъ, *что я искалъ милости, а ты требовалъ правосудія.*

Гассанъ не удостоилъ отвѣтомъ безстыднаго Галеба, и стоялъ въ задумчивости на большой дорогѣ, испуская тяжкіе вздохи. Украшенный сѣдинами спарецъ съ книгою въ рукѣ, подошелъ къ нему и вывелъ его изъ сего положенія. „Сынъ мой!“ сказалъ мудрый Улема (*) Гассану: „я знаю твое горе, и слышалъ рѣчь дерзкаго любимца счасія. Но долженъ ли человекъ съ вѣрою и невиннымъ сердцемъ предаваться отчаянію, встрѣчая шернія на пути жизни? Взгляни на красующуюся землю, на лазоревый сводъ неба, на сію тьму оживленныхъ существъ, наслаждающихся благостію Міросоздателя; пред-

(*) Такъ называются ученые люди на Воспоукъ.

ставь себя живо Промыслъ, непрестающій
пещись о сохраненіи всего существующаго и
часто производящій добро изъ самаго зла.
Наконецъ, сынъ мой, утѣшься, вспомнивъ,
*что въ жизни есть много прекраснаго и безъ
сгастія!* “ ...

ЗАКОНЪ И СОВѢСТЬ.

(*Восточное сказаніе.*)

Власть судейская состояла въ одномъ исполненіи законовъ

Иказъ Екатерины Великой Гл. IX, § 98.

По окончаніи утренней молитвы жители Гранады спѣшили изъ мечетей къ Алгамбрѣ, гдѣ избранные Халифомъ Старѣйшины шворили судъ и правду народу.

На обширномъ дворѣ, окруженномъ великолѣпнымъ портикомъ, подъ одною изъ огромныхъ аркадъ, учреждено было судилище. На возвышенномъ мѣстѣ находился тронъ Повелителя Мусульманъ; позади него въ нишѣ сдѣлано было опиверстіе, задернутое завѣсою. Иногда самъ Халифъ присутствовалъ въ судѣ; въ другое время онъ, будучи невидимымъ, внималъ изъ внутреннихъ комнатъ жалобамъ

проспителей, совѣщаніямъ и приговору судей. Въ сей день Халифъ не являлся народу, и одни только Старѣйшины заседали за круглымъ столомъ, на которомъ лежали Куранъ и судебная книга Испанскаго народа, находившагося подъ властію Халифовъ. Когда дворъ наполнился народомъ, герольдъ провозгласилъ открытіе суда и вызвалъ тяжущихся по очередному списку.

Предстали двѣ Испанскія фамліи, спорившія о значительномъ имѣніи. Одна сторона представляла дарственные записи Кастильскаго дворянина, составленныя имъ на смертномъ одрѣ въ пользу жены своей. Другая сторона опровергала ихъ потому, что онѣ сдѣланы не по законной формѣ. Всѣ зрители принимали живѣйшее участіе въ сей тяжбѣ, ибо она долженствовала разрѣшить многія сомнѣнія по части судопроизводства. Особенно женщины желали утвержденія дара, потому что каждая изъ нихъ надѣялась иѣкогда быть въ подобныхъ обстоятельствахъ. Многія изъ нихъ даже восклицали изъ толпы, что не надобно обращать вниманія на упущеніе формы, и судя по совѣсти, утвер-

дѣйствовать волю покойнаго. Разсудительные люди говорили, что въ судѣ всѣ страсти должны быть управляемы законами, и самое даже состраданіе не можетъ руководствовать судьей, когда оно, обнаруживаясь въ пользу одной стороны, служитъ къ приписанію другой.

Судьи пребывали въ недоумѣніи: одни хотѣли утвердить записъ, хотя и не по законной формѣ составленную, основываясь на томъ, что не должно уничтожать доброй воли гражданина, изъявленной имъ на смертномъ одрѣ. Другіе полагали, что судѣ не обязанъ входить въ отвлеченныя соображенія, но только произнести приговоръ, согласно съ законами, которые, предоставляя всякому право распоряжаться своею собственностію, для пресѣченія злоупотребленій, предписываютъ извѣстныя формы. Начался между ними споръ: одни говорили, что должно судить по *совѣсти*, другіе утверждали, что надобно рѣшить по *законамъ*.

Вдругъ занавѣсъ исчезаетъ, и Халифъ является въ собраніи. Народъ и судьи преклонили колѣна предъ повелителемъ право-

вѣрныхъ. Онъ возсѣлъ на тронъ, повелѣлъ народу приблизиться, и произнесъ сіи достойныя слова, которыя въ послѣдствіи были начертаны на мѣдныхъ доскахъ во всѣхъ судилищахъ Королевства Гранады:

„Воля и дѣйствія гражданина должны
 „быть подчинены закону. Столь слабое су-
 „щество, какъ человекъ, имѣетъ нужду въ пу-
 „ководителѣ, и законы въ общежитіи суть
 „по же, что вѣра въ правственномъ его бы-
 „тіи. Сираси, предубѣжденія и различ-
 „ныя душевныя чувствованія могутъ имѣть
 „иногда пагубныя вліянія на разсудокъ чело-
 „вѣка и на его внутреннее убѣжденіе: въ од-
 „номъ и томъ же дѣлѣ совѣсть праведнаго
 „мужа не согласится съ совѣстію порочнаго.
 „Для того уснарованы законы, которые суть
 „не что иное, какъ совѣстное заключеніе на
 „различные случаи и дѣянія человѣческія, то
 „есть, умъ и совѣсть, облеченныя въ извѣст-
 „ныя формы, которыя каждый гражданинъ
 „обязанъ соблюдать во всей строгости. Со-
 „вѣстные судьи избираются для того, чтобъ
 „они толковали законы по крайнему своему
 „разумію, не отступая отъ истиннаго

„смысла оныхъ ни въ какомъ случаѣ. И такъ
 „преступните, судьи, къ рѣшенію, и произ-
 „несите *совѣстный* приговоръ по сущесwвую-
 „щимъ *законамъ*.“

Испанка, желавшая утвержденія мнимаго
 дара покойнаго своего мужа, удалилась при
 сихъ словахъ изъ Алгамбры. Родственники
 Кастильскаго дворянина упали на колѣна и
 возсылали теплыя мольбы ко Всевышнему.
 Едва успѣли они окончить молитву, какъ ге-
 рольдъ объявилъ имъ рѣшеніе тяжбы въ ихъ
 пользу. Весь народъ принялъ участіе въ пра-
 вомъ дѣлѣ, и радостныя восклицанія раздались
 въ воздухѣ: „да здравствуетъ мудрый Ха-
 лифъ, управляющій нами *совѣстно* по *зако-
 намъ*!“

БѢДНЫЙ МАКАРЪ,

или

КТО ЗА ПРАВДУ ГОРОЙ, ТОТЪ
ИСТЫЙ ПРОЙ.

Мы живемъ въ вѣкъ біографій и записокъ (*mémoires*), сказалъ одинъ Журналистъ: доказательство, что и Журналисты говорятъ иногда правду. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ не только люди знаменитые, но даже ихъ лакеи и повараеки издають свои записки, а біографическимъ Лексиконамъ нѣтъ конца. Изъ этого выходить иногда, что жизнеописание ученаго напечатано на одной страницѣ съ біографіей Англійскаго скакуна, или жизнь какого нибудь Маркиза послѣ борзой собаки. Но публика любитъ этакъ родъ историческихъ памфлетовъ, а ей надобно угождать. Жаль только, что эта мода не

существовала тогда, какъ я былъ бѣденъ: тогда бы я составилъ изъ жизни моей по крайней мѣрѣ нѣсколько томовъ. Но теперь я богатъ, полстъ, въ лѣтахъ, и потому пишу жизнь мою на нѣсколькихъ страничкахъ, и то въ свое собственное удовольствіе.

Если бъ я былъ Нѣмецкій Баронъ, то началъ бы свою біографію отъ нашествія Римлянъ на Германію, разбитія Варуса Арминіемъ или Германомъ, отъ Апшилы, или по крайней мѣрѣ, отъ первыхъ Крестовыхъ походовъ. — Шестъ или восемь томовъ, наполненныхъ походами моихъ прадедушекъ и прабабушекъ на войнѣ, охотѣ, пирушкахъ и въ домашней жизни, сдѣлали бы меня важною особою въ седьмомъ или девятомъ томѣ, хотя бы вся жизнь моя заключалась въ словахъ:

Жить, жить, и только что въ Газспахъ

Осталось — выехать въ Ростовъ.

У насъ, въ Россіи, иначе смотрятъ на вещи, (и слава Богу) у насъ личныя достоинства гораздо выше цѣнятся людьми (ш. е. умными), нежели четыре эскадрона предковъ

въ желѣзныхъ лапахъ, съ ихъ конями, собаками, оленьими рогами, медвѣжьими шкурами, огромными дѣдовскими кружками и бокалами. Но какъ у насъ каждого называютъ по имени и опичесству, то, кажется, каждое жизнеописаніе должно начинать съ отца, что и я намѣренъ сдѣлать. Вотъ мое предисловіе; оно нѣсколько длинно, но въ наше время, все достоинство бѣльшей части книгъ и Журналовъ состоитъ въ предисловіяхъ и объявленіяхъ: и я невольно увлекся этимъ примѣромъ.

Отецъ мой былъ Капитаномъ въ гренадерскомъ полку, во время Турецкой войны, конченной со славою подъ начальствомъ Румянцева-Задунайскаго. Въ сраженіи при Кагулѣ, отецъ мой потерялъ правую руку; получилъ двѣ пули въ грудь и нѣсколько ударовъ саблею въ голову. Послѣ этого угощенія, ему не для чего было оставаться за Дунаемъ: онъ вылечился, вышелъ въ отставку съ мундиромъ, съ повышеіемъ чина, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, и съ инвалиднымъ содержаніемъ. — Первымъ его дѣломъ было лѣзть на почтовыхъ въ Пестер-

бургъ, гдѣ мать моя оставалась со мною; по здѣсь ожидалъ отца моего ударъ гораздо ужаснѣйшій пушечнаго выстрѣла; оторвавшего ему руку. — Подъѣхавъ къ воротамъ дома, гдѣ мы имѣли квартиру, онъ встревожился видомъ сѣнника и запахомъ ладану. Онъ входитъ въ комнату, и первый предметъ, представившійся его взорамъ, былъ гробъ, въ которомъ лежала мать моя. Отецъ мой скрылъ жестокою скорбь въ глубинѣ твердой своей души, не пролилъ ни одной слезы при людяхъ, не испустилъ ни одного вздоха, ибо онъ почиталъ недостойнымъ дѣломъ храбраго солдата, быть предметомъ состраданія холодной толпы. Блѣдный и безмолвный, онъ простился съ тѣломъ, взялъ меня за руку, и пошелъ за гробомъ твердыми шагами. Когда печальный обрядъ кончился, и любопытные разошлись по домамъ, отецъ мой, оставшись одинъ со мною, бросился на колѣни, усердно молился, и горькія слезы оросили израненую его грудь. Я рыдалъ, и почти былъ безъ памяти: мнѣ было тогда не болѣе десяти лѣтъ отъ роду. „Макаръ!“ сказалъ мнѣ отецъ: „бѣдный Макаръ! я ви-

жу, ты чувствуешь свою потерю, но знаю, что не въ состояніи постигнуть моей. Утѣшь меня, и клянись мнѣ на гробѣ матери, за которую я надѣюсь вскорѣ послѣдовать, что ты исполнишь мою волю.“ — „Приказывай-те, батюшка!“ отвѣчалъ я, всхлиывая. „Говори правду, всегда и вездѣ!“ — „Клянусь!“ — „И такъ, да пребудетъ надъ тобою Божіе и родинельское благословеніе до тѣхъ поръ, пока ты будешь исполнять свой долгъ.“ Отецъ велѣлъ мнѣ поцѣловать могилу, а потомъ свой Георгіевскій крестъ, обтеръ слезы и возвратился въ нашу квартиру медленными шагами, въ глубокомъ молчаніи.

Теперь только я примѣтилъ на дворѣ повозку, которая до нашего возвращенія оставалась запряженной. При ней стоялъ гренадеръ испанскаго роста, съ деревянною ногою, опираясь на костыль; онъ былъ въ свѣтлозеленой курткѣ съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, и въ красныхъ широкихъ шараварахъ. Волосы обстрижены были въ кружокъ, и голова прикрыта чернымъ кожанымъ карпузикомъ въ видѣ шля-

ма, съ гаруснымъ гребешкомъ; поспѣтые усы, какъ серебряное шитье, свѣтились на лацканахъ мундира, украшеннаго медалью на Гесоргіевской лентѣ. Въ красномъ сафьянномъ патронпашѣ была пара богатыхъ Турецкихъ пистолетовъ и кинжалъ, оправленный золотомъ. — Кухарка покойной моей матери стояла также возлѣ повозки, и утирала слезы передникомъ: видно она рассказала старому вонну о кратковременной болѣзни и скоропостижной смерти своей доброй госпожи, потому, что глаза старика были красны и какъ искры свѣтились на блѣдномъ лицѣ. Черный песъ уныло поглядывалъ съ повозки во все стороны, и, казалось, чувствовалъ, что пріемъ не соответствовалъ ожиданію. „Марья!“ сказалъ мой отецъ: „отдай Филипову постель и платье Макара; мнѣ принеси портретъ покойной госпожи: прочее возьми себѣ за усердную службу.“ — Служанка хотѣла броситься въ ноги, но отецъ мой удержалъ ее. — „Заплачена ли квартира и твое жалованье?“ — „Заплачено все,“ отвѣчала Марія, сквозь слезы. „И такъ, прощай, мнѣ нельзя держать тебя въ услуже-

цин.“ — Чрезъ нѣсколько минутъ, мои вещи были уложены въ повозку, и отецъ мой, поцѣловавъ миніашюрный портретъ покойницы, повѣсилъ его на груди своей. Мы устали на чемоданахъ, и отецъ мой сказалъ извозчику: „снупай на Петербургскую сторону!“

Поворотивъ въ одну глухую улицу, мы увидѣли билетъ на воротахъ небольшой хижины. Филиновъ вошелъ въ домъ для рекогносцировки, и возвратившись, сказалъ моему отцу: „все исправно и мѣста довольно, Ваше Высочество: мы никогда такъ не жили, ни въ лагеряхъ, ни въ траншеяхъ.“ — Рапортъ Филинова рѣшилъ дѣло, и мы тотчасъ наняли здѣсь комнату и расположились на вишерь-квартирахъ, какъ говаривалъ Филиновъ.

Не многіе изъ тѣхъ людей, которые сами собою вышли въ знать и приобрѣли богатство, не многіе любятъ вспоминать о прежней нищетѣ, а это отъ того, что весьма не многіе достигаютъ до этого искуственного благополучія прямымъ путемъ и заслугами. Но какъ моего кармана не тягчить ни одна чужая копейка, и сердца не

жжетъ ни одна слеза несчастнаго, то я съ удовольствіемъ описываю прежнюю бѣдность, съ которою соединены пріятнѣйшія воспоминанія моей жизни, и прошу у читателя извиненія въ излишнихъ подробностяхъ: вѣрно не многіе изъ нихъ видѣли въ натурѣ эти картины.

Квартира отца моего на Петербургской сторонѣ, состояла изъ одной жилой комнаты съ перегородкою, и передней, которая вмѣстѣ была и кухнею. За перегородкой была наша спальня: опецъ мой почивалъ на сѣнѣ, прикрытомъ буркою, въ изголовь имѣлъ одну кожаную, шерсенью набитую подушку. Прикрывался онъ своею шинелью. Чистовѣлье составляло лучшее украшеніе сего вопискаго одра. Я спалъ на моемъ дѣтскомъ тюфякѣ. У постели отца стоялъ деревянный столъ, на которомъ лежали книги, сообщаемыя ему для чтенія однимъ старымъ пріятелемъ, Корнуслимъ офицеромъ; здѣсь же разложены были письменный и бринженый приборы и небольшая шкапулка съ нашенками, свидѣтельствами и письмами покойной матери. Два деревянные стула и че-

моданъ съ вещами довершали убранство этого отдѣленія. Другая комната замѣняла намъ всѣ подраздѣленія огромныхъ палавъ: гостиную, столовую, залу, въ которыхъ такъ часто бываетъ тѣсно и душно лѣтніи, нипригъ, пороку. Здѣсь, между двумя иконами, висѣло зеркальцо въ снальныхъ рѣзныхъ рамахъ, а подъ нимъ стоялъ дубовый столъ, на которомъ совершалась скромная наша трапеза. Шесть липовыхъ стульевъ и такая же софа, или просто скамья, безъ подушекъ, прикрытая полосатымъ ревендукомъ, ненарушимо стояли вокругъ сити, щедро ожидая сѣдоковъ, хотя прочності ихъ не уступила бы тяжестіи шестіи - фунтоваго орудія. Въ переднемъ углу висѣлъ Образъ Николая Чудотворца, передъ которымъ, наканунѣ каждаго праздника, теплилась лампада. Подъ образомъ хранились драгоцѣннѣйшія вещи: Георгіевскій крестъ, офицерскій знакъ, шпалга съ золотымъ темлякомъ и порпиретъ матери моей, обернутый чернымъ флеромъ. — Надъ скамьею, надъ софою, хотѣлъ я сказать, прилеженъ былъ эстампъ, признаться, очень

бпшву, а вшзу портреть Фельдмаршала Ру-
мянцова въ черныхъ деревянныхъ рамкахъ безъ
стекала. Здѣсь же развѣшены были и тро-
феи: упомянутые Турецкіе пистолеты и
кинжалъ, которые опецъ мой опнялъ соб-
стенноручно у Янычара подъ Бендерами. Въ
углу стоялъ погребецъ, вмѣщавшій въ себя
всю домашнюю нашу утварь, а на погребцѣ
лежала складная кожаная шашечница, нѣ-
сколько обожженная на бивакахъ, вмѣсто ша-
шекъ служили старыя дутыя пуговицы раз-
личнаго калибра.

Остатной солдатъ Филиповъ отпра-
влялъ въ домъ все должности и ремесла. Онъ
чистилъ и чинилъ платье и сапоги, спрѣ-
палъ кушанье, ходилъ на рынокъ, убиралъ
комнаты, рубилъ дрова, носилъ воду, а ино-
гда даже спиралъ бѣлье и починивалъ вѣшную
крышку дома. Главная его квартира была
за Русскою печью, въ передней, гдѣ так-
же покоилась жучка, собака, принадлежавшая
нѣкогда цѣлому полку, и бывшая съ нимъ во
всѣхъ походахъ и даже въ сраженіяхъ. Она
кормилась при всѣхъ артеляхъ, и не имѣла
въ полку постольнаго хозяина, но при от-

ставкѣ Филипова, открылось, что онъ былъ главнымъ предметомъ жучкиной цѣлности, потому что онъ былъ Капитанскимъ походнымъ поваромъ. Жучка, вмѣстѣ съ Филиповымъ, выбыла изъ полку, къ сожалѣнію всѣхъ добрыхъ служивыхъ. Филиповъ ладилъ со всякою работою, опирая ея съ удивительною ловкостью, и не взирая на множеству заглазій, находилъ время услуживать хозяйкѣ нашей, ихтиершѣ, бѣдной вдовѣ, обремененной большимъ семействомъ. Онъ не ручался за свое искусство ни въ одномъ ремеслѣ, исключая поваренное, а въ этомъ дѣлѣ онъ ни за что не согласился бы отдать преимущества первому въ мірѣ Французскому мепиръ - д'отелю. И въ самомъ дѣлѣ ни одинъ Французскій поваръ не сварилъ бы такихъ вкусныхъ Русскихъ щей и каши, какъ Филиповъ, который, по словамъ моего опца, славился въ цѣлой бригадѣ своимъ *биткомъ на колесѣ* и бараньими копченостями, жареными на угольяхъ бивачнаго огня. Вѣрно также ни одинъ Французскій поваръ не сравнялся бы съ Филиповымъ въ отношеніи къ аспетингу и веселости. Одна печаль лежала у него на сердцѣ, а именно,

что мой отецъ потерялъ свою природную веселость послѣ смерти моей матери, сдѣлался угрюмъ, молчаливъ, и не слушалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ прежде, пѣсень Филипова, до которыхъ старый служивый былъ страстный охотникъ, бывъ нѣкогда рогатымъ запѣвалой. Какъ теперь вижу доброго Филипова, когда въ воскресный, ясный день, примочивъ кваскомъ свои волосы и разгладивъ усы, онъ надѣвалъ непрерывный мундиръ со свѣтлою медалью, и сѣлъ на скамьѣ у воротъ, услаждалъ слухъ сосѣдей своими пѣснями. Любимая его пѣсня была:

„Наши въ полѣ не робѣютъ.“

Онъ надѣвалъ ее въ полголоса ежедневно, за всякую работою, и возвышалъ голосъ за дверьми и на походѣ въ лавку или изъ лавки съ кувшиномъ или фунтикомъ изъ толстой бумаги. Когда же отецъ мой уходилъ со двора (что случалось очень рѣдко), то Филиповъ караулилъ у окна или у воротъ возвращенія своего господина, и какъ бы не приметая его, опившись, привѣтствовалъ

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно!“

Отецъ мой чувствовалъ въ полной мѣрѣ нѣжную внимательность стараго служиваго; входя въ комнату, привѣтливо трепалъ по плечу старика, называлъ его *Филиппомъ* и спрашивалъ о здоровьи. Тогда Филиповъ обращался къ прежней дисциплинѣ, вытягивался струпкою и громогласно окливался: „здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе: ради умерень за опца командира!“

Отецъ мой выходилъ въ будни, только для перемѣны книгъ и для полученія жалованья. Всякій праздникъ, онъ надѣвалъ свой свѣтлозеленый мундиръ съ красными отворотами, красный камзолъ съ широкимъ галуномъ, красное исподнее платье, шляпу съ галуномъ же, бралъ свою шпагу съ золотымъ темлякомъ, привѣщивалъ Георгіевскій крестъ, и ходилъ со мною къ обѣднѣ въ Петропавловскій Соборъ, а послѣ обѣда, водилъ меня въ Лѣпный садъ или на Дворцовую набережную. Насъ посѣщала одинъ только старый однополчанинъ моего опца, который также поперялъ руку, а именно лѣвую, въ ту же са-

ую кампанію. Спарики не могли между собою наговориться о прежних своих походахъ, сраженіяхъ на винтеръ-квартирахъ, о походахъ, сраженіяхъ. Они почти ежедневно видѣлись, и предметъ ихъ разговоровъ, хотя одинакій, но имъ какъ не могъ истощиться. Деревянный столъ до такой степени напичкался мѣломъ отъ черченія на немъ каресвъ Румянцева, что наконецъ надлежало чертить углемъ. Филиповъ почти постоянно стоялъ у дверей, и слушалъ рассказы о происшествіяхъ, которыхъ онъ по бѣльшей части былъ свидѣтелемъ. Въ знакъ одобренія, онъ улыбался и поглаживалъ усы; когда же память измѣняла кому-рому нибудь изъ расказчиковъ, Филиповъ наклонялъ голову и медленно почесывалъ виски. Тогда призывали его въ свидѣтели, и онъ очень почтительно рѣшалъ споръ, прибавляя почти къ каждому слову: „прошенія просимъ, просимъ не прогибаться, Ваше Высокоблагородіе!“ — Самъ же Филиповъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ своихъ начальниковъ. Когда языки дѣятельныхъ спариковъ приходили въ усталость, они приводили въ движеніе остальные свои руки за

шашечницей. Въ это время Филиповъ, любя сильно шашечную игру, позволялъ себѣ приближаться къ столу, и опершись на костыль съ величайшимъ вниманіемъ смотрѣлъ чрезъ плечо своего господина. Каждая шашка, проигранная моимъ отцемъ, производила ужасную гримасу на лицѣ Филипова, каждый выигрышъ заставлялъ его улыбаться.

Что касается до меня, жизнь моя протекла въ единообразіи. По утрамъ отецъ мой занимался со мною уроками, а послѣ полудня, я читалъ Тилемахиду Тредьяковскаго, училъ наизусть уроки или игралъ съ Филиповымъ, который любилъ меня спросио, и не только исполнялъ, но даже предупреждалъ все мои желанія, забывалъ со мною свою старость, и былъ настоящимъ ребенкомъ. Всякій разъ, возвращаясь изъ лавочки, онъ приносилъ мнѣ гостинца, или пряничную лошадку съ золотою гривой, или кедровыхъ орѣховъ, или булку. Я былъ предметомъ всѣхъ его нѣжностей, всѣхъ попеченій, и самъ любилъ его, какъ отца. Но я не долго наслаждался счастіемъ. Чрезъ полгода, вышелъ Указъ о опредѣленіи меня въ Кадетскій кор-

пусь, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, я оспрошѣлъ на вѣки въ здѣшнемъ мірѣ. Прехожу молчаніемъ ужасныя подробности... Горесѣнь свела въ гробъ моего отца; Филиповъ закрылъ его глаза и принесъ мнѣ послѣднее благословеніе. Добрый Филиновъ никакъ не могъ утѣшиться, и вскорѣ послѣдовалъ въ могилу за своимъ командиромъ; вѣрный жучка не сходилъ съ кладбища: онъ безпрестанно визжалъ, вылъ, рылъ землю, и наконецъ испустилъ дыханье на могилѣ своихъ господъ.

Находясь при отцѣ, я не понималъ всей важности данной мною клятвы: говорить всегда правду. Между чужими людьми я удостоившись, что отецъ мой имѣлъ сильныя причины заснавши меня утвердить клятвенною, что мнѣ казалось очень простымъ и обыкновеннымъ. Правда глаза колетъ, гласитъ пословица, и человекъ, который говоритъ всегда правду, находится точно въ такомъ отношеніи къ людямъ, какъ если бъ онъ въ самомъ дѣлѣ царапалъ глаза встрѣчному и поперечному. Я не стану описывать всѣхъ обстоятельствъ моей жизни, но расскажу нѣ-

сколько случаевъ, которые имѣли вліяніе на мою участь, въ слѣдствіе моей клятвы.

Человѣкъ пріобрѣтаетъ мудрость опытомъ. Чѣмъ чаще мы ѣздимъ по одному пути, тѣмъ лучше знаемъ дорогу, и я въ темную ночь, въ извѣстномъ мѣснѣ, скорѣе послушаюсь извозчика, нежели Географа. По юношескиво мыслятъ иначе. Горячая кровь быстро мчитъ молодыхъ людей на пути жизни, страшни подстрекающъ, любопытство гонитъ, и они объѣзжаютъ кругомъ добрые совѣты, какъ будто камни или кочки, чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли, гдѣ ихъ ожидаетъ разоренная гостиница — разочарованье. Однажды товарищи мои, кадеты, не взирая на запрещеніе, хотѣли на опытъ повторить урокъ о потѣшныхъ огняхъ. Порохъ вспыхнулъ, блескъ исчезъ, а съ нимъ и наше удовольствіе; остались дымъ и смрадъ, эмблема раскаянья послѣ всякаго не позволеннаго наслажденія. Юноши, какъ обыкновенно водились, почувствовали свой проступокъ послѣ исполненія, и, какъ обыкновенно бываешь, изъ одного проступка ввали въ другой. Они согласились не открывать зачинщиковъ, но

всѣмъ вмѣстѣ подвергнуться наказанію. Входитъ строгій офицеръ и требуетъ показанія виновныхъ. — „Мы всѣ виноваты!“ — говорятъ со всѣхъ сторонъ. — Я стоялъ въ углу, потупя взоры, и не знаю, краснѣлъ или блѣднѣлъ; офицеръ примѣтилъ мое замѣшательство и подозвалъ къ себѣ. „Я зналъ твоего честнаго отца, Макарь! скажи правду!“ Названіа отца моего и правды взволновали кровь мою, и воображенію моему предсталъ родитель мой, заклиная на могилѣ моей матери, говорить всегда правду. Я скрѣпился духомъ и высказалъ всю подноготную. Съ этой минуты судьба моя рѣшилась. Офицеры относились ко мнѣ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надлежало узнать истину, товарищи убѣгали меня, какъ прокаженнаго. Похвалы съ одной стороны, а кулачные удары съ другой, сыпались на меня градомъ. Съ подбитыми глазами и съ разорванными лацканами мундира, я скидался печально, одинъ, среди радостныхъ моихъ товарищей, не принимая участія въ ихъ забавахъ, и только по ударамъ чувствовалъ, что я не одинъ воспитываюсь въ огромномъ зданіи. Въ цѣломъ

корпусъ меня не называли иначе, какъ *бѣд-
нымъ* Макаромъ.

Эпо самое одипочество обратило меня къ Наукамъ и я при выпускѣ получилъ первую награду, Поручичій чинъ и самую отличную рекомендацію въ полкъ. Товарищи мои отдавали мнѣ справедливость по Наукамъ и по поведенію. — „Бѣдный Макарь!“ говорили они: „право жаль, что онъ такъ не инвердъ на языкъ; если бъ не то, онъ былъ бы добрымъ малымъ!“

Прибывъ въ полкъ, я былъ принятъ отличо Полковникомъ, который приблизилъ меня къ своей особѣ, но товарищи мои были уже предувѣдомлены о моей привычкѣ, (какъ они говорили, дурной), говорить всегда правду, и обходились со мною, хотя благосклонно, но съ нѣкоторымъ опасеніемъ и предосторожностью. Одно обстоятельство разрушило мое спокойствіе въ полку. Въ мѣста, занимаемая нашимъ полкомъ, прибылъ изъ столицы молодой богашій помѣщикъ; родословное его дерево было столь велико, что корни онаго углубились въ обѣихъ столицахъ, а вѣтви, распространяясь по цѣлому Государству, какими-то образомъ пере-

плелась съ стеблями родословной жены Полковника. Но этотъ юноша былъ гнилой плодъ великолѣпнаго растенія. Онъ лучше зналъ правила танцевальнаго искусства и Французскаго произношенія, нежели правила нравственности и законы своего отечества и чести. Оскорбивъ честь одной достойной, хотя бѣдной дворянской фамиліи, распушный юноша обвинилъ двухъ кадетовъ (и. е. юнкеровъ) нашего полка и представилъ вымышленныя доказательства. — Назначена была Комиссія, въ которой, кромѣ гражданскихъ чиновниковъ, вѣльно было засѣдать двумъ офицерамъ, и Полковникъ избралъ меня и своего сына. — Начался судъ, въ продолженіе котораго пирушество не прерывалось въ нашемъ маленькомъ городкѣ. Музыкальные инструменты лопались отъ сильнаго напряженія; хоры цыганъ и пѣсенинниковъ перехрипали одинъ за другимъ; самые крѣпкіе полы потряслись отъ плясокъ и танцевъ; всѣ удобосгораемыя вещества изстреблены были на фейерверки и иллюминаціи; вина было въ бродъ по колѣна; повара прожгли насквозь посуду, и между тѣмъ просищельныя и ре-

комендабельныя письма приходили пудами изъ столицы. Все предсказывали, что дѣло рѣшится въ пользу богатаго юноши. Услужливый Секретарь, для сокращенія труда Судьямъ, уже составилъ проектъ резолюціи. Пришелъ день окончательнаго рѣшенія; я подаль свое мнѣніе, и сынъ Полковника согласился со мною: высшее начальство основало свое рѣшеніе не моему мнѣнію, юноша былъ обвиненъ и подвергся спрогову, хотя справедливому наказанію.

Полковница была въ опчаянь, вмѣстѣ съ нѣсколькими дюжинами пестушекъ, бабушекъ и кузинъ обвиненнаго. Онѣ, какъ спяхищныхъ пинцы, палешали на меня, когтями злословія расшерзали мою добрую славу, и съѣтъми снеленней заградили мнѣ путь къ оправданію: я долженъ былъ оставить полкъ. „Бѣдный Макарь!“ говорили офицеры, подписывая охотно аттестаты о безнорочной моей службѣ: — „трудно тебѣ жить въ свѣтѣ съ нвоею правдою!“

Я улыбался сквозь слезы, простился съ товарищами, а особенно съ сыномъ Полковника, который, не взирая на гнѣвъ матушки,

сдѣлался мопмъ пскрепнимъ другомъ, и поѣхалъ въ дѣйствующую армію.

Князь Потемкинъ - Таврическій начальствовалъ Русскими войсками, которыя открыли кампанію приступомъ къ Очакову. Баталіонъ гренадерскій (въ которомъ я находился), въ виду начальника оказалъ чудеса храбрости, перешелъ ровъ по грудамъ шѣлъ непріятельскихъ, взлѣзъ на стѣну сквозь адское изверженіе огня, дыма, пуль, каршечей, бревенъ и камней, и водрузилъ Русское знамя на землѣ, упишанной кровью опчальныхъ враговъ. Я не имѣлъ счастья попасиъ первый на стѣну, но былъ въ числѣ первыхъ. Начальникъ хотѣлъ непремѣнно знаиъ, кто былъ первымъ. Одинъ Подпоручикъ и одинъ волонтеръ знатной фамиліи, Подполковничьяго чина, оспаривали сію славу. Призвали меня для свидѣтельства, и я на первое слово: „Макаръ, говори правду!“ открылъ истину. Подпоручику дали Георгія, волонтеру полкъ, а меня произвели въ Капитаны въ эшотъ же полкъ.

Не стану распространяться въ описаніи различныхъ случаевъ этой кампаніи, доста-

быкновенный геній, и со временемъ составилъ славу Русской Словесности, а что первый Писатель нашего времени (т. е. тогдашняго) есть Авторъ Недоросля и Бригадира. Меня огласили литературнымъ ерешникомъ, безнокойнымъ, злымъ человекомъ, начали доказывать, что я не имѣю права судить о Словесности, потому, что моя бабушка родилась въ трехъ верстахъ отъ Прусской границы, а отецъ въ юности былъ друженъ съ однимъ Французомъ. Кончилось тѣмъ, что бывший учитель сказалъ мнѣ однажды: „Бѣдный Макарь! перестань писать: нельзя писать противу теченія.“ — Но мой учитель не хотѣлъ оставить меня безъ хлѣба; онъ принудилъ себя похвалить сочиненія одного такъ называемаго Литератора, и доказалъ по правиламъ Риторики, что ничего не можетъ быть прелеснѣе стиховъ:

„Однажды

Шелъ дождикъ дважды.“ —

Посредствомъ сего Автора, онъ дослалъ мнѣ мѣсто Уголовнаго Судьи въ опдаленной провинціи.

Всѣ мои товарищи и вообще всѣ чинов-

ники нашего провинціального города жили прекрасно, ѣли и пили много и сладко, жили въ мебелированныхъ домахъ, ѣздили въ новомодныхъ экипажахъ и наряжали женъ и дочерей куколками. Я твердо вѣрилъ, что они, или по крайней мѣрѣ ихъ жены, имѣютъ богатыя родовыя вѣщныны или капиталы, полученные въ приданое или по наслѣдству, и долго думалъ, что они надо мною шутятъ, когда увѣряютъ, что, подобно мнѣ, живутъ однимъ жалованьемъ, котораго мнѣ едва доставало на самое утѣренное житіе. Одинъ случай открылъ мнѣ тайну. Богатый просишель, котораго участь была въ моихъ рукахъ, принесъ мнѣ въ подарокъ серебряное блюдо съ рублевиками. Само по себѣ разумѣется, что я не принялъ подарка, но будучи позванъ къ обѣду въ день именинъ моего товарища, я узнавъ это самое блюдо на столѣ подъ пирогомъ, не могъ скрыть моей улыбки, и когда меня спросили о причинѣ, то я, по моему обычу, рассказалъ всю правду. Воронъ ворону не выключитъ глаза, говоритъ пословица: не одинъ хозяинъ, но и все гости сдѣлались моими врагами. Напрошивъ того, все жи-

тели города любил меня, называя однако жъ не иначе, какъ *блуднымъ* Макаромъ.

Между тѣмъ въ Судѣ я всегда оставался одинъ при своемъ особенномъ мнѣнїи. Для исполненїя моей клятвы, я почиталъ лучшимъ среднимъ слѣдовать точному, буквальному и ясному смыслу закона, который, подобно нити Ариадниной, одинъ только можетъ указать намъ истинный путь въ лабиринтъ ябеды. — Товарищи мои говорили, что они руководствуются *совѣстью* и поступаютъ по *тайному* смыслу закона. Не знаю, какъ это случалось, но только *тайный смыслъ* и *совѣсть* всегда склонялись у нихъ въ пользу сильнаго и богатаго. Положеніе мое было самое непрїятное, но я терпѣлъ и не смѣлъ оставивъ своего поста, чувствуя присутствіе мое нужнымъ, для защиты невинныхъ и слабыхъ.

Я уже довольно утруждалъ читателя описанїемъ несчастій, претерпѣвшихъ отъ неисполненїя моей клятвы. Я всю жизнь боролся съ голодомъ, холодомъ всякаго рода недостатками, клеветою и местию. Воспоминаніе объ

этомъ наводитъ на меня грусть: теперь однимъ скачкомъ перейду къ развязкѣ, и къ заключенію моихъ записокъ.

У насъ производилось дѣло одного весьма богатаго человѣка, котораго честь и всепачтѣніе зависѣли отъ нашего рѣшенія. Однажды, когда я вечеромъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ моемъ нагольномъ тулупѣ вмѣсто шлафрока, и при сальной свѣчкѣ, читалъ утѣшеніе Сенеки въ бѣдности, вдругъ отворяется дверь и входитъ братъ подсудимаго съ своею женою и дочерью. — Эта дѣвица починалась по справедливости: первою красавицею и самою богатою невѣстою въ нашемъ городѣ. Всѣ почтенныя мамушки, пестушки и дочки починали ее сумасшедшею, потому что она предпочитала книги сплениямъ, и отказала въ рукѣ своей двумъ Генераламъ и тремъ богатымъ снарикамъ. Если бы любовь могла рождаться въ сердцѣ умнаго и опытнаго человѣка безъ надежды, то я бы давно сошелъ съ ума отъ любви къ ней. Но я смотрѣлъ на этого ангела, какъ на существо высшее, иногда вздыхалъ, помышляя о

ней и о моей бѣдности, потупляя глаза въ
 ся прилежаніи и не смѣя даже говорить
 съ нею. „Милостивый Государь!“ сказалъ
 мнѣ отецъ прелестной дѣвицы: „судьба бра-
 та моего и чести моей фамиліи теперь въ
 вашихъ рукахъ. Всѣ ваши товарищи уже со-
 гласились оправдать подсудимаго: присту-
 пите къ ихъ мнѣнію, и я предлагаю вамъ руку
 моей дочери и двѣсти тысячъ рублей прида-
 ного, а по моей смерти все мое имѣніе.“ Въ
 эту минуту цѣлое семейство поверглось на
 колѣна и красавица простерла къ мнѣ изж-
 нныя свои руки. Я поднялъ моихъ просише-
 лей, посадилъ на моей деревянной скамьѣ и
 сказалъ: „но, что вы мнѣ предлагаете, я
 готовъ купить цѣною моей жизни — но не
 честью. Братъ вашъ виноватъ, мнѣніе мое
 подписано, и я завтра оппнесу его въ Судъ. Я
 твердо увѣренъ, что если бѣ я безчестіемъ и
 неправдою купилъ руку вашей дочери, она
 не могла бы ни любить, ни уважать меня, а
 дурной примѣръ родителей покрылъ бы по-
 томство сныдомъ, кошораго невозможно
 смыть золономъ. Вотъ мой образъ мыслей,
 отъ котораго я не отступлю никогда и ни

за что.“ — „Неужели вы равнодушны къ этимъ расцвѣтающимъ прелеснямъ?“ — продолжалъ отецъ. При сихъ словахъ какая-то необыкновенная смѣлость, какъ будто на Очаковскомъ штурмѣ, овладѣла мною, и я воскликнулъ въ восторгѣ: „знайте же, сударь, что я люблю дочь вашу, люблю болѣе моей жизни, но не промѣняю на нее моей чести и моего долга!“ — „Благородный поборникъ правды!“ сказалъ отецъ, и слезы полились ручьемъ изъ глазъ его: — „знай же, что ты любишь мою дочь. Она объявила мнѣ, что не будетъ ни чьею женою, если не выйдетъ за меня, и я пришелъ испытать, достоинъ ли ты этого счастья. Обними меня, сынъ мой! дочь, поцѣлуй своего жениха! жена, благослови дѣтей!“ — Вы можете представить себѣ, любезные читатели, мое положеніе: я плакалъ, смѣялся, обнималъ всѣхъ, прыгалъ, и едва не лишился ума отъ неожиданной радости.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ приговора, конемъ дядя жены моей преданъ былъ заслуженному наказанію, мы обвѣнчались. Во время бала, прѣ-

халъ курьеръ изъ Петербурга съ пакетомъ на мое имя, отъ Генераль-Прокурора. — „Мудрая Екатерина,“ писалъ ко мнѣ Генераль-Прокуроръ: „прочитывая дѣла, замѣтила, что ваши мнѣнія сходны всегда съ законами и совѣстью. Великая Жена повелѣла собрать свѣдѣнія о прежней вашей службѣ, и удостовѣрившись, что вы всегда исполняли долгъ свой, какъ слѣдуетъ Русскому дворянину, воину и судѣ, награждаетъ васъ орденомъ Св. Георгія за Очаковскій штурмъ, и присылаетъ изъ Капитула тотъ же самый крестъ, конорый некогда украшалъ грудь почтеннаго вашего родителя. За вашу гражданскую службу жалуетъ васъ орденомъ Св. Владиміра, повышеніемъ чина и прибавкою двойнаго жалованья. Она приказала вамъ напомнить, въ примѣръ другимъ, что *„за Богомъ молится, за Государемъ служба никогда не пропадаетъ, и что каждый сынъ отечества долженъ помнить народное Русское преданіе: кто за правду горой, тотъ истый прой.“*

Громогласное ура! да здравствуютъ мудрые Русскіе Государи! раздалось во всѣхъ

концахъ залы, послѣ прочтенія этой бумаги. — Жена моя, въ полномъ восхищеніи сама привязала кресты къ моему мундиру, и я съ этой минутой живу благополучно, чего и вамъ, любезные читатели, усердно желаю.

ИСКАТЕЛИ КЛАДА.

С К А З К А.

„Сюда, ко мнѣ, дѣтки! — Я вамъ скажу сказку.“ — „Нельзя ли послушать и маменькамъ?“ — „Извольте, милосивыя государыни! только я боюсь, что моя сказка вамъ не понравится: въ ней нѣтъ ничего чувствительнаго. Я хотѣлъ бы лучше, чтобы ее послушали папеньки: они могутъ извлечь изъ нее кое-что поучительное.“ — „А длинна ли ваша сказка?“ — „Пока поставяны карточные столы, я кончу мой рассказъ.“ — „Въ такомъ случаѣ слушаемъ васъ: начинайте.“

Жилъ былъ одинъ добрый старикъ, у котораго было три сына. Все они жаждали богатства, но не умѣли пріобрѣсти его, потому, что отецъ ихъ говорилъ имъ безпрестанно о пользѣ богатства, объ его употребле-

бленіи, а молчалъ о средствахъ, которыми
 наживають его, и не представлялъ никакихъ
 къ тому случаевъ. Наконецъ пронесся въ
 околоткѣ слухъ, что въ нѣсколькихъ вер-
 стахъ отъ ихъ жилища находился кладъ.
 Проезжіе видѣли въ одномъ мѣстѣ огонь, ко-
 торый исчезалъ при ихъ приближеніи. Доб-
 рымъ старушкамъ снилось, что въ томъ же
 мѣстѣ зарыты въ землю копы съ золотомъ
 и серебромъ. Пастухи видѣли тамъ падаю-
 щія звѣзды, и слышали, какъ кто-то изъ-
 подъ земли пѣлъ пѣнухомъ. Множество дру-
 гихъ примѣтъ удосновляло, что кладъ по-
 длинно былъ спрячанъ въ землю на урочищѣ,
 гдѣ показывались различные признаки; но
 доступъ къ нему былъ труденъ. Это была
 гора, на острову, окруженномъ болотомъ,
 которое во многихъ мѣстахъ не замерзало
 даже въ самые сильные морозы. Не доходъ
 болота, было множество овраговъ и быст-
 рыхъ ручьевъ. Однако жъ, хотя этотъ путь
 былъ труденъ, но его нельзя было назвать
 непроходимымъ: тамъ часто видали дикихъ
 козъ, за которыми гонялись охотники, по-
 тому, что гдѣ только есть добыча, туда

вѣрно проберется и человекъ. Охотники знали тропинку, ведущую на гору, и по дружбѣ, объявили прѣмъ братьямъ примѣны, по которымъ надлежало пробираться, чтобы не сбиться съ пути. Главное дѣло состояло въ умѣньи и осторожности.

„Что, бабюшка, не пойти ли намъ искать клада?“ сказали однажды сыновья опцу. — „Съ Богомъ, дѣтки! только я не опышенъ въ этихъ дѣлахъ, не могу научить васъ, какъ достать его, и не знаю дороги къ болоту.“ — „Мы сами найдемъ дорогу,“ отвѣчали дѣти: „а какъ взберемся на гору, то найдемъ кладъ.“ — „Но говоришь, что за кладомъ нельзя идти иначе, какъ одному.“ — „Изволь, бабюшка, мы пойдѣмъ туда по одиночкѣ, и начнемъ съ младшаго.“

Младшій сынъ выбралъ для этого самую темную ночь; взявъ пошайной фонарь, мѣшокъ, заснуивъ и отправился въ лѣсъ. Освѣщая предметы только предъ своимъ носомъ, онъ не могъ разсмотрѣть примѣны на дорогѣ, сбился съ истиннаго пути — и увязъ въ болотѣ. Фонарь погасъ, и онъ погибъ жертвою своей неосторожности и легкомы-

сія, думая фонаремъ освѣтить обширное пространство.

Второй сынъ пошелъ въ путь въ сумерки: прошедши половину пути, онъ увидѣлъ огонь возлѣ опушки лѣса, и думая, что это огонь горитъ надъ кладомъ, приблизился къ нему, и попалъ въ руки разбойниковъ, которые нарочно раскладывали огонь, чтобы заманивать странниковъ. Злодѣи ограбили несчастнаго и лишили жизни.

Старшій сынъ отправился въ дорогу среди бѣлаго дня; онъ запасся, сверхъ мѣшка и заступа, веревкой, шестомъ и оружіемъ, чтобы пособить себѣ въ случаѣ опасныхъ переходовъ, и защититься отъ напасти. Онъ по примѣтамъ нашелъ тропнику. Помня пословицу: не испытывай броду, не суйся въ воду, — онъ измѣрилъ шестомъ глубину ручья, прошелъ ихъ безопасно; но веревкѣ спускался и вылазалъ изъ овраговъ, наконецъ по кочкамъ добрался до горы, и въ шаромъ дула нашелъ кошель съ золотомъ. Нагрузивъ деньгами полный мѣшокъ, онъ пошелъ въ обратный путь съ шюю же осторожностью, и хотя видѣлъ возлѣ лѣсу людей съ подозритель-

ными лицами, но они не смѣли напасть на вооруженнаго среди бѣлаго дня. Къ вечеру онъ пришелъ благополучно, накупилъ всякаго добра, и зажилъ припѣваючи.“

— „Господа! садитесь играть въ вистъ!“ — закричалъ хозяинъ изъ другой комнаты: „жаль терять напрасно дорогое время.“

„Конецъ ли сказкъ?“ спросили слушатели.

— Я вамъ подаль бутылку: извольте сами рѣшить, какого рода спиртъ въ ней закупоренъ.

„То есть, вы хотите, чтобы мы разгадали настоящій смыслъ или инсказаніе вашей сказки. Рѣшите сами и поскорѣе, а не то вы будете слушателями.“

— Быть такъ: кладъ означаетъ общественное благо. Три пунтика — три различные народа, стремящіеся къ одной цѣли. Почной мракъ значитъ мракъ невѣжества; фонарь слабый — заимствованный свѣтъ просвѣщенія, безполезный на трудномъ пути къ высокой цѣли. Сумерки изображаютъ полупросвѣщеніе; разбойничій огонь — ложное просвѣщеніе, или поверхностныя познанія, ко-

порыми люди злые совращаютъ слабыхъ. День означаетъ просвѣщеніе, при блескѣ котораго преодолеваются всѣ трудности и опасности, всѣ предметы показываюся въ своемъ настоящемъ видѣ и цвѣтѣ; просвѣщеніе, которое одно только можетъ указать путь къ общему благу — конецъ сказки.“

„Воля ваша,“ сказалъ одинъ изъ слушателей: „только эта сказка не дѣтская.“

Вы знаете пословицу: кошку бьютъ, а пестикѣ намѣки даютъ. Точно такъ же говорятъ правоученіе дѣтямъ, чтобы старшіе слушали.

ПРАВОСУДИЕ и ЗАСЛУГА.

(ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА.)

„He was belowed for his just dealing.“

Одинъ молодой Англичанинъ, озаривъ умъ свой свѣтомъ книжнаго ученія, страп-
ствовалъ, чѣмъ узнать людей въ разныхъ
клинахъ и подъ разными правленіями. Онъ
хотѣлъ найсти среднюю пропорціональную ли-
нію между желаніями и потребностью рода
человѣческаго, и между софизмами, порождае-
мыми пылкими сирастями и воображеніемъ,
увлекающимъ людей за предѣлы возможности,
отыскать шотъ нравственный магистръ, ко-
торый безошибочно указываетъ истинное
счастіе. Погруженный въ глубокое размыш-
леніе, онъ шолъ на развалинахъ древняго
сиропія, въ Багдадъ, и печально смотрѣлъ,
какъ пынущія волны Тигра подмывали и

разрушали дѣло рукъ человѣческихъ. Горестныя мысли тѣснились въ его головѣ; чувство скорби сжало сердце: онъ уперъ слезы и посмотрѣлъ на небо.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, сидѣлъ старецъ съ бѣлою, какъ лунь, бородою. Почешная чалма зеленого цвѣта украшала его голову, и богатая одежда показывала его достоинство. Англичанинъ не примѣтилъ его за грудой обломковъ, но Эмиръ Гаджи-Муссалемъ видѣлъ его, и догадался о причинѣ его грусти. „Ты, вѣроятно, вспомнилъ о минувшемъ величїи Багдада, юный Франкъ?“ сказала Эмиръ. Англичанинъ кивнулъ головою въ знакъ подтвержденїя, и Эмиръ продолжалъ: „я слышалъ отъ нѣмцевъ бранїй, что и въ Франкешанъ (*) существуютъ подобныя слѣды величїя Имперїи и ничтожности человѣческой. Все, что создано смертными, подлежитъ разрушенїю; одна душа наша бессмертна, и только дѣла, сотворенныя непосредственно душею, не подвержены плѣнїю. Уцало Царство Халифовъ, очиравшееся сво-

(*) Такъ восточные жители называютъ Европу.

пмъ основаніемъ въ Аравіи, Испаніи, у Босфора и Пила. Эхо побѣдъ заглушено дикими воплями пришельцевъ; памятники богатства и силы лежатъ во прахъ. Но свѣтъ Наукъ и правды, возженный мудрыми Халифами, не угасъ понынѣ: тушимый варварами въ сиренахъ Исламизма, онъ сохранился здѣсь въ пеплѣ, и возсіялъ въ Франкистанѣ. Имена правосудныхъ Халифовъ съ благоговѣніемъ проносятся даже врагами нашей вѣры. Такова сила первостепенной добродѣтели, правосудія, сей цѣпи, связующей небо съ землею, по словамъ одного мудреца! И такъ не презирай насъ, о юный Франкъ, смотря на эти развалины, какъ слѣды испавшаго нашего величія, но сожалѣй о насъ и чти, вспомнивъ, что мы имѣли Халифа Гарунъ-аль-Рашида. Онъ заслужилъ у современниковъ и у потомства прозваніе правосуднаго; а ты знаешь, безъ сомнѣнія, что гдѣ правосудіе, тамъ и заслуга; гдѣ Цари добродѣтельны, тамъ и народы не могутъ быть порочными.“ — Эмиръ замолчалъ, и Англичанинъ крѣпко пожалъ у него руку.

„Сядемъ на этомъ камнѣ,“ сказалъ Эмиръ:

„я тебѣ расскажу нѣчто о великомъ, правосудномъ Гарунъ-аль-Раашидѣ.“

Когда они успѣлись, Эмиръ началъ рассказъ слѣдующимъ образомъ: „Однажды мудрый Халифъ Гарунъ-аль-Раашидъ сидѣлъ въ своемъ чертогѣ, окруженный своими Министрами и придворными: не говорю любимцами, потому что онъ болѣе всего любилъ свой народъ, и несчастнѣйшихъ называлъ своими любимцами. „Послушайте,“ сказалъ онъ: „сегодня, на утренней молитвѣ, благодаря Царя Царей за подкрѣпленіе силъ моихъ къ перенесенію бремени царствованія, я даю обѣтъ вознаградишь терпѣливую заслугу, и назначилъ на это изъ моей казны ежегодно сто тысячъ рупій.“ — „Сто тысячъ!“ воскликнули служившіе, и сложа руки на груди, поникли головою къ землѣ. — „Скажице мнѣ откровенно,“ продолжалъ Халифъ: „кого бы изъ моихъ подданныхъ наградишь по заслугамъ въ слѣдствіе обѣща?“ — „Великій Государь!“ сказалъ Ага оружейносецевъ: „мнѣ кажется, развѣ того, кто бы покорилъ тебѣ новую область.“ — „Но угадалъ,“ — отвѣчалъ Халифъ: „Во-первыхъ, мнѣ вовсе не

нужны новыя области, а во-вторыхъ, когда бѣ это случилось мимо моей воли, тогда бы я отдалъ эти деньги жителямъ покоренной области.“ — „Мудрый Халифъ!“ сказалъ Дефипердаръ: „я полагаю, что тотъ достоинъ сей великой награды, кто бы нашелъ средство, собрать какъ можно болѣе золота въ твою казну.“ — „Опять не угадалъ!“ — возразилъ Гарунъ - аль - Раашидъ: „Государи богаты богатствомъ своихъ подданныхъ, и я скорѣе наградишь бы того, который бы научилъ меня скорѣе и успѣшнѣе обогатить мой народъ.“ — „Я думаю,“ сказалъ Визирь: „что тотъ заслужилъ бы награду, который бы заставилъ враговъ твоихъ шептаться одного твоего имени.“ — „Не угадалъ, не угадалъ, Визирь!“ быстро возразилъ мудрый Халифъ: „я бы вдвое наградишь того, кто бы заставилъ враговъ моихъ любить меня, и увѣрилъ ихъ, что я пламенно люблю людей, вовсе не имѣю враговъ, а ненавижу только злобу и коварство. Итънъ, Визирь, я преслѣдую порокъ правосудіемъ и порядкомъ, единственно для спокойствія добродѣтели, и такъ пускай враги

правосудія и порядка болятся ихъ и прене-
 щуть предъ ими. Я въ дѣлахъ сего рода не-
 видна, и не осязаемъ: понимаешь ли Визирь?“ —
 Визирь поклонился и замолчалъ. — „Понимаю,“
 сказалъ Кадн: „тому слѣдуетъ награда, кто
 въ судѣ не щадитъ виновныхъ и...“ — „По-
 стой, Кадн,“ сказалъ торопливо Халифъ: „съ
 первого слова вижу, что ты и не понялъ
 меня и не догадался, въ чемъ состоить за-
 слуга. Первая обязанность Судьи есть стро-
 жайшее соблюденіе истиннаго смысла зако-
 новъ, принципиальность и чистая совѣсть,
 въ распознаніи вины и оштрафованіи преступ-
 ленія отъ погрѣшности.“ — „Солнце счастья,
 кедръ премудрости!“ — воскликнулъ одинъ
 придворный, простерши вверхъ руки и под-
 нявъ къ небу глаза: „топъ долженъ получить
 награду, кто лучше всѣхъ умѣетъ угождать
 тебѣ и хвалить тебя.“ — Халифъ улыбул-
 ся и сказалъ: „угождаютъ женщинамъ, а хва-
 лятъ Ширасское вино: понимаешь ли? Я хо-
 чу, чтобы повиновались власти Халифа, а
 не угождали мнѣ, и чтобы судили о благѣ
 дѣлъ моихъ, а не хвалили слѣно всего сдѣ-
 лающаго мною.“ — Всѣ собесѣдники молчали,

потупивъ глаза, пристыженные своею недогадливостью: тогда Халифъ сказалъ: „Джафаръ, у тебя есть садъ?“ — „Есть, Государь, щедропами твоими!“ отвѣчалъ Визирь. — „Не правда ли, что въ твоёмъ саду найдется два рода работниковъ?“ — примолвилъ Халифъ: „одни, которые насаждаютъ и ухаживаютъ за плодоносными деревьями; другіе, которые стерегутъ ихъ отъ бурь и отъ людей своевольныхъ!“ — „Такъ точно, Государь!“ сказалъ Визирь. — „Знаю,“ — продолжалъ Халифъ: „что и тѣ и другіе работники полезны тебѣ, и заслуживаютъ твое вниманіе; но если бѣ ты вздумалъ, для примѣра всемъ наградить одного достойнѣйшаго, изъ какого разряда ты избралъ бы человека?“ — „Изъ тѣхъ,“ отвѣчалъ Визирь: „которые насаждаютъ и лелѣютъ мои смоковницы.“ — „Ты сказалъ правду, Джафаръ!“ возразилъ Халифъ: „чтобы сдѣлать людей счастливыми, надобно ихъ сдѣлать сперва мудрыми и добрыми. Учены мои и Поэты, сладкою рѣчью убѣжденія, отвлекаютъ народъ отъ грубой чувственности къ душевнымъ наслажденіямъ, подобно садовникамъ,

прививающимъ къ дикимъ деревьямъ плодоносныя вѣтви. Они насаждаютъ въ сердцахъ сѣмена мудрости и добродѣтели, разгоняють мракъ, скрывающій предъ людьми истину, и очищаютъ умы отъ лжи и софизмовъ, какъ смоковницу отъ вредоносныхъ наѣдокъ. Они научаютъ народъ понимать благія мои намѣренія, и потому я рѣшился избрать достойнаго изъ среды достойныхъ, и въ его лицѣ почтить цѣлое сословіе. Дефтердаръ, отдай награду мудрому Гафизу.“ — Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ хотѣли говорить, но одинъ взоръ Халифа запечатлѣлъ ихъ уста молчаніемъ. Халифъ всталъ и пошелъ одинъ въ садъ, а всѣ присутствовавшіе разошлись въ безмолвіи по домамъ.

Народъ, узнавъ о поступкѣ Халифа, возрадовался, и возсылая мольбы къ небу, со слезами умиленія вопіялъ: „Боже! будь благъ къ твоему народу, и сохрани намъ на многія лѣта мудраго и правосуднаго Халифа Гарунъ-аль-Рашида!“ — Улемы на хартіяхъ сохранили этотъ поступокъ для потомства.“

Когда Эмиръ кончилъ свой рассказъ, Ан-

гличанинъ прервалъ долгое свое молчаніе и сказалъ: „теперь вижу, что главная потребность рода человеческого, и чистѣйшій источникъ его счастія, есть правосудіе Государей, отъ котораго происходятъ все добродѣтели въ народѣ.“

С Л А В Я Н Е ,

и л и

О С В О Б О Ж Д Е Н І Е А Р К О Н Ы

П о в ѣ с т ь д р е в н и х ъ л ѣ т ѣ .

(Посвящена М. И. Конарскому.)

Кто онъ? — Кто этакъ мужъ, стоящій въ безмолвіи на дикой скалѣ уединеннаго берега? На блѣдномъ лицѣ его начертана грусть; черные волосы развѣваются по вѣтру, и онъ, окутавшись плащомъ, смотритъ пристально въ пѣнистое море. Въ ночь свирѣпствовала буря; съ первыми лучами солнца тучи разсѣялись, и черныя облака съ грохотомъ оседали на краю горизонта, какъ бы угрожая возвращеніемъ. Чего ждетъ печальный незнакомецъ на крушой скалѣ? — Онъ одинъ на

этомъ островѣ. Тамъ нѣкому повѣдать грусти своей, не у кого почерпнуть утѣшенія. — Одни дикіе звѣри раздѣляютъ съ нимъ мѣстопробываніе пустыни; только хладныя утѣсы отвѣчаютъ пустыннымъ гуломъ на его стоны и жалобы. Отъ губительнаго моря онъ ожидаетъ своего спасенія.

Но вотъ въ дали, изъ-за сѣраго тумана показались черныя пятна на тѣлѣ моря. Незнакомецъ вперилъ свои взоры въ ту сторону. Черныя пятна начали возрастать, свѣтлѣть въ лучахъ солнца, и вдругъ появились на небосклонѣ суда съ бѣлыми парусами, кошорые, подобно стаѣ хищныхъ птицъ, порхали по волнамъ. Сердце незнакомца сильно забилось, взоръ зашкрился неперенѣемъ. — Друзья, или враги приближаются къ берегу? Онъ скрылся въ кустахъ.

Подобно гордому лебедю, неслась впередъ легкая ладья, изукрашенная рѣзбою и позолотою. Широкій парусъ нагибалъ мачту, на которой развѣвалась бѣлая хоругвь, съ краснымъ крестомъ и надписью: *кто противу Бога и великаго Новагорода!*

Наскучивъ миромъ и бездѣйствіемъ, Ро-

ростиславъ Любичъ, именитый гражданинъ Новгорода, уже прославившійся въ битвахъ и въ Сѣвѣ, собралъ дружину удалцевъ, вооружилъ суда и вышелъ въ море изъ устья Невы, на воинскіе промыслы, искать славы и добычи. Противные вѣтры долго носили суда по морю, въ отдаленіи отъ береговъ: пылокое юношество мучилось нестерпимымъ, наконецъ показалась земля, и надежда оживла, радость вспорхнула въ сердцахъ. Воины надѣли съѣзжачья кольчуги, кованые шлемы, вооружились мечами и копьями и собрались на палубахъ. Ростиславъ съ весельемъ посматривалъ то на землю, то на своихъ удалцевъ, которые ожидали битвы, какъ радостнаго пиршества.

„Кормчій, гдѣ мы?“ спросилъ Ростиславъ.

— „Если бы ты спросилъ меня объ этомъ сегодня ночью, Ростиславъ Александровичъ,“ — отвѣчалъ кормчій: — „то я сказалъ бы тебе: на волосъ отъ смерти; а теперь скажу — не знаю.“

„Было время,“ — сказалъ Ростиславъ: — „что ты зналъ Варяжское море какъ берега Волхова, когда водилъ отцевъ нашихъ на дальніе воинскіе промыслы. — Но теперь,

старинушка, память твоя развѣлалась въпра-
ми, взоръ прищупился въ шуманахъ, и ты,
какъ запоздалый журавль, сбился съ пути;
вмѣсто добычи, ты заставляешь насъ ловить
въпры парусами.“

Кормчій нахмурился: „Говорятъ что сло-
ва въперъ, но они повинуются языку, а мор-
скіе въпры не слушаются руля. — Отецъ
твой, Ростиславъ Александровичъ, зналъ, что
чутьемъ нельзя найти дороги сквозь пу-
маны, и что не можно править парусами
какъ волею.“

— „Не сердись, старинушка,“ возразилъ
Ростиславъ, улыбаясь: — мы такъ долго тер-
пѣли, что теперь можно намъ и потѣшиться.“

„Будешь вамъ потѣха и безъ меня,“ —
отвѣчалъ кормчій: — „вошь уже земля передъ
нами.“

— „Земля эта не обѣщаетъ ничего добро-
го,“ — сказала Рында, Пикиша Серебрякъ.
„Эти унесены такъ и глядятъ голодомъ; они
припоминаютъ безнадежные берега Ями, гдѣ
сперва надобно драться съ волками и медвѣ-
дями за мѣсто, а послѣ съ людьми за огонь
и воду. — Плохая надежда, Сила Силнчъ!“

Между тѣмъ передняя ладья приближалась къ землѣ. — „Къ вссламъ!“ — закричала кормчій. Всѣ суда послѣдовали примѣру первой ладьи, и тихою греблею подходили къ утесистому берегу. — „Не вижу ни дыма на землѣ, ни мрежей на водѣ,“ — сказалъ Ростиславъ — „кажется берегъ этошъ необитаемъ.“

Вдругъ кусты пошевелились на вершинѣ утеса. — „Человѣкъ, человѣкъ!“ — закричали воины. — „Кто бъ ты ни былъ, не бойся насъ!“ — воскликнулъ Ростиславъ: — „мы шебѣ не обидимъ ни словомъ, ни дѣломъ.“ — „Добрыня!“ — сказалъ Рында одному воину: — „ты былъ въ плѣну у Ливонцевъ и знаешь Нѣмецкое слово: вызови намъ добромъ этого дикаря. Ростиславъ позабылъ, что чужеземцамъ не такъ понятенъ нашъ языкъ, какъ удары мечей нашихъ.“

При сихъ словахъ незнакомецъ показался на вершинѣ утеса; онъ сперва поднялъ руки, какъ бы благодаря небо, и послѣ того обратившись къ Новгородцамъ сказалъ: „Привѣствую васъ, братья, Славяне! Рѣчи ваши понятны моему сердцу.“ —

Звуки родимаго языка на отдаленномъ

берегу, обрадовали Новгородцевъ, какъ привѣтъ любви и родства. — „Братъ, Славянинъ!“ — сказалъ Ростиславъ, — „мы люди Новгородскіе, промышленники воинскіе. Бурею снесло насъ съ прямого пути, и мы не знаемъ, гдѣ находимся. Повѣдай намъ, какъ называется эта страна, кѣмъ населена, и кто ты таковъ?“ — Незнакомецъ отвѣчалъ: „Островъ этотъ называется Ограднымъ и принадлежитъ къ большому острову Волину, который Нѣмцы зовутъ Рюгеномъ. Оградный облитъ кровью и покрытъ костями прежнихъ своихъ жителей, вольныхъ Славянъ; я обитаю на немъ одинъ, — я.... но что вамъ до моего имени: я несчастный изгнанникъ изъ отечества!“ — Незнакомецъ закрылъ лице полою своего плаща: всѣ безмолвствовали, — „И такъ случай привелъ насъ къ знаменитому Волину, который, какъ красное солнце, сіяетъ славою и силою между Нѣмецкими царствами,“ сказалъ Ростиславъ: — „друзья! отдохнемъ на этомъ берегу, и послѣ увидимъ, что должно дѣлать.“ — „Вы можете безопасно причалить къ землѣ, въ

незнакомецъ: — „но кромѣ воды и лѣсныхъ плодовъ, ничего здѣсь найдете. О Волинѣ я вамъ расскажу такія вѣсти, что сердце ваше обольется кровью.“

Ладьи потянулись вдоль берега, вошли въ бухту, и воины сошли на землю. Незнакомецъ встрѣтилъ Ростислава, поцѣловалъ его въ лице, по обычаю Славянскому, и предсказалъ ему зеленую вѣть и горсть земли въ знакъ мира и гостепріимства. Начальники судовъ окружили незнакомца и съ нетерпѣніемъ желали услышать повѣсть объ участи Волина и о причинѣ его изгнанія. Ростиславъ велѣлъ дружинѣ расположиться стапомъ на отлогомъ берегу, и между тѣмъ, какъ воины укрѣпляли ладьи къ землѣ и раскладывали огни, начальники ушли на муравѣ вокругъ незнакомца, и онъ началъ свой рассказъ:

„Вы уже слышали, братья, о могуществѣ Волина. Это моя родина. Мы обладали моремъ: всѣ Поморскіе Славяне признавали наше господство, а иноплеменики спрашивались нашей силы. Победы и торговля обогащали насъ, и возбуждали зависть въ сосѣдяхъ,

и безъ того къ намъ недружелюбныхъ. Непримиримыми врагами нашими были Датчане. Онѣ время незапамятныхъ мы находились съ ними въ вѣчной войнѣ: только одно изнеможеніе принуждало обѣ стороны не къ миру, но къ крашкому отдохновенію.“

„Уже всѣ поморскіе народы приняли Христіанскую Вѣру, но на Воинѣ еще возвышались храмы въ честь древнимъ божествамъ Славянскимъ. Храмъ Свѣтовѣда, въ главномъ городѣ нашего острова, Арконѣ, славился богашествомъ, но еще болѣе могуществомъ верховнаго жреца, который своими устами объявляя волю божества, владѣлъ умами боязливыхъ и суевѣрныхъ поклонниковъ идола. Власть судебная и воинская принадлежала у насъ Князю, но власть открывшая уступала тайнымъ побужденіямъ, и жрецы своими вліяніемъ управляли дѣлами вѣшними и внутренними. Всѣми мѣрами противились они введенію новой вѣры и питали войны съ Христіанами. Издревле Христіанство привито было на нашемъ островѣ, но оно расцвѣтало въ тайнѣ, покоряясь гнущей его силѣ. — Многіе первосвященныя граждане, и въ томъ

числѣ мой родъ, были Христіанами по внутреннему чувству, но для соблюденія спокойствія въ отечествѣ, слѣдовали народнымъ обрядамъ. Мы ожидали всего отъ времени и отъ возрастающаго просвѣщенія посредствомъ торговыхъ связей. Но нѣкоторые ревнисли хотѣли воспользоваться переворотомъ, и водворить силою то, что укореняется однимъ убѣжденіемъ. Горе заблужденнымъ, коимъ мыслятъ, что силою человѣческою можно придвинуть будущее и междоусобіемъ сослать благо отечества!“ —

„Годъ тому, какъ Князь нашъ Тетиславъ одержалъ на морѣ знаменитую побѣду надъ Дашскимъ Королемъ Владиміромъ, принудилъ его къ миру и къ дани. До исполненія условій Король далъ намъ двѣнадцать заложниковъ, изъ первостатейныхъ своихъ вельможъ и воевъ. — Въ числѣ ихъ находился Рыцарь Скисельмо, мужъ высокой воинской доблести, ума глубокаго, но нрава свирѣпаго, мстительнаго, съ сердцемъ каменнымъ, съ душою безжалостною. — Смерть и истребленіе въ войнѣ, страхъ и угнетеніе въ мирѣ: вотъ правила, которыми онъ руководствовался. Униженіе его отече-

ства и наше торжество питали въ немъ ненависть къ имени Славянскому. Не имѣя средствъ нанести намъ вреда открытою силою, Скіельмо вознамѣрился неспровергнуть наше могущество измѣною и раздорами. Такъ, самыя твердыя зданія, неприкосновенныя силы разрушительнаго времени и рукъ человеческихъ, сокрушающаго огнь некры, брошенной во внутренность злобнымъ поджигателемъ. Можешь быть, замыселъ Скіельмы долго бы не созрѣлъ — любовь его ускорила.

Сверхъ всѣхъ родовъ знаменитости, которыми лебу угодно было одарить счастливый Волинь, онъ славился также прелестью дѣвъ своихъ, которыя красовались въ благоденствіи отечества, какъ цвѣты въ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ сѣвера. Изъ далекихъ странъ чужіе люди пріѣзжали на народные празднества, любовались красою Славянокъ Волинскихъ, и завидовали счастью ихъ мужей и жениховъ.

Но всѣхъ прекраснѣе на Волинь была Бронислава, дочь Воеводы Домбора. Пѣвцы наши испещрили всѣ красоты неба и земли для пріисканія уподобленій ея прелестямъ.

Пѣсни о Брониславѣ сдѣлались народными и были воспѣваемы въ палатахъ и въ хижинахъ. По первенству красоты, она была избрана въ трехлѣтнее служеніе богинѣ любви, Дѣвѣ. Но еще прежде, по выбору родителей и по своей волѣ, она была обручена сыну Старосты Верховной Княжеской Думы, Начальнику почетной Дружины, Мечиславу Гранцѣ: вы видите его предъ собою!“

„Знаменитый изгнанникъ!“ — сказалъ Ростиславъ, протянувъ дружески руку: „въ нашемъ кругу ты найдешь достойныхъ сподвижниковъ, и если ты силою разлученъ съ своею возлюбленною, говори: сила соединитъ васъ. Мечи Новгородскіе очистишь шебѣ путь, куда захочешь.“

Мечиславъ съ душевнымъ умиленіемъ прижалъ руку Ростислава къ сердцу и отвѣчалъ: „Братъ! у меня есть обязанности священныя любви; благодарю тебя за состраданіе. Послушай, и ты увидишь, какая любовь тягошитъ душу мою: одно отечество занимаетъ всѣ помысленія мои, и я не смѣю думать о себѣ, пока оно въ несчастіи.“ Ме-

„Нужно ли говорить, что я любилъ Брониславу и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія служенія ся въ храмъ, чтобы увѣнчать бракомъ взаимную нашу любовь? Уже оставался одинъ годъ — онъ сталъ теперь вѣчноспію.“

„Славяне великодушны послѣ побѣды. Заложники пользовались свободою на Волнѣ, и жили въ домахъ именитыхъ гражданъ. Скѣльмо принялъ былъ въ домъ Домбора, и воспитывалъ любовію къ его дочери. Онъ предложилъ мнѣ оружіемъ рѣшить споръ; но Князь и сама Бронислава сему воспротивились. Она, въ собраніи семейномъ и при другихъ Датскихъ рыцаряхъ, сказала Скѣльмъ: „Напрасно хочешь биться за меня съ моимъ женихомъ. Если бы ты и побѣдилъ его, то никогда не былъ бы моимъ мужемъ. Никогда рука чужеземца не прикоснется къ дѣвичьей моей повязкѣ, пока хопя одинъ свободный Славянской выпязь останется на Волнѣ.“ — „И такъ подождемъ до того времени!“ — сказалъ Скѣльмо съ злобною улыбкою: „Быть можешь, что я припомню себя пивой обѣтъ.“ Если бы Скѣльмо не былъ подлѣ охраненіемъ

народныхъ правъ, то я бы ему тогда же пресѣкъ жизнь вмѣстѣ съ дерзкою рѣчью. Но мы посмѣялись его косвенной угрозѣ, почитая ее беспальною. — Скіельмо удалился изъ собранія; проходя мимо меня бросилъ на меня адскій взглядъ и сказалъ въ полголоса: „съ тобою, Гранца, мы встрѣтимся на полѣ битвы.“ — „Въ землѣ Датской?“ — отвѣчалъ я. — Скіельмо хотѣлъ снова улыбкою прикрыть свою досаду, но злоба свела уша его.

„Вскорѣ прислали изъ Даніи выкупъ заложниковъ; Скіельмо возвратился на родину, и мы забыли о немъ, объ его угрозахъ и дерзостяхъ.“

„Прошла зима, земля начала одѣваться зеленью, и на Волинѣ наступило знаменитое торжество въ честь Свѣтовиды. Не только всѣ почти граждане Волинскіе собрались въ Аркону, но множество Христіанъ съ Поморья прибыло къ намъ, влекомыхъ любопытствомъ или остатками укорененнаго суевѣрія. Послѣ богослужебныхъ обрядовъ и жертвоприношеній, начавшихся съ утреннею зарею, народъ собрался въ ристалище, гдѣ прехотная дружина Свѣтовидова и почтенная Княжеская со-

вершины военные игры въ честь божества. Между тѣмъ весь городъ, убранный новою зеленью, заставленъ былъ столами; жрецы и богатые граждане Арконы угощали народъ и сами служили, подавая имъ пищу и яства. — Турьи рога съ пѣнистымъ медомъ переходили изъ рукъ въ руки и водворяли веселіе въ собѣдинкахъ. Послѣ трапезы, юноши и дѣвы, украшенные первыми весенними цвѣтами, плясали и пѣли хороводами на площадяхъ, и ко всѣхъ концахъ города раздавались звуки мусикійскихъ орудій. Народъ Волнискій веселился и располагался провести еще три дня праздника въ довольствѣ и радости, но вдругъ печальное происшествіе поразило насъ среди нашей безопасности.“

„При заходѣнн солнца, среди веселаго народа является воинъ въ полномъ вооруженн; быстрыми шагами идетъ къ лобному мѣсту, всходитъ на высокій помостъ, съ котораго народные крикуны объявляли постановленія большой Думы, ударяетъ мечемъ въ мѣдный щитъ, и требуетъ вниманія народнаго. „Граждане!“ — воскликнулъ онъ: „вы веселились надъ пронасъю, готовою

поглотить васъ: Король Владиміръ съ безчисленными кораблями и сильныхъ воиновъ идетъ противу Волниа. Третьяго дня, онъ напалъ на Оградный, требовалъ сдачи крѣпости и безусловнаго повиновенія своей власти, угрожая смертью въ случаѣ сопротивленія. Нашъ Восвода Ратибой собралъ въ стѣны крѣпости всѣхъ окрестныхъ жителей, и рѣшился защищаться до послѣдняго. Призвавъ меня, онъ сказалъ: „Усладъ! достань ладью и плыви въ Аркону, предувѣдомить гражданъ о предстоящей опасности. Скажи, что я не сдамъ иначе крѣпости, какъ въ развалинахъ. Буду отражать враговъ отъ стѣнъ, сколько достанетъ силы, а если увижу невозможность держаться, то предамъ городъ пламени, и самъ погибну со всеми гражданами на семъ порогѣ нашей независимости, чтобъ иноплеменики видѣли, что Славяне предпочитаютъ смерть власти чужеземной,“ — Я нашелъ ладью на уединенномъ берегу острова, и поплылъ на Волниъ. Погода мнѣ благопріятствовала; я ускользнулъ отъ бдительности непріятельскихъ кораблей. Вчерашній день я оставилъ Оградный,

и въ сію почъ видѣлъ зарево пламени: уже братья наши погибли! — Эпоть огонь былъ погребальнымъ костромъ на развалинахъ нашего города. Я исполнилъ мое порученіе, и теперь хочу умереть съ вами, защищая Волниъ. Граждане, къ оружію! бытъ можетъ, съ концемъ моей рѣчи вы увидите враговъ подъ вашими стѣнами.“ — „Къ оружію!“ — раздалось со всѣхъ сторонъ, и народъ, подобно стаямъ устранныхъ бурей птицъ, разсыпался съ воплями въ разныя стороны. Военная труба загремѣла на пристани: вѣстиямъ сославили стражу кругомъ стѣнъ. Къ вечеру городъ уподобился воинскому стану.

„Князь Тетиславъ былъ одержимъ недугомъ, и потому защита Арконы поручена была Воеводѣ Домбору. Прошла ночь въ воинскихъ приготовленіяхъ, и съ первыми лучами солнца непріятельскіе корабли, какъ черная туча, показались на небосклонѣ. Безразсудно было бы отваживаться на морское сраженіе противу несмѣнной силы: корабли наши оставались въ пристани. Пока мы были въ нерѣшимости, что должно предпринять, многочисленное воинство, высаженное ночью

Королемъ Владиміромъ на пустынномъ берегу, приблизилось къ стѣнамъ нашимъ, и Аркона къ полудню уже была обложена съ моря и съ суши.“

„Епископъ Абсалонъ, первый Совѣтникъ Датскаго Короля, прислалъ въ городъ Священника, предлагая миръ, если мы согласимся уничтожить язычество, признать его духовную власть, двадцать лѣтъ платить поголовную дань Королю Датскому, признавая его Верховнымъ Власнымъ острова, и отдать Датчанамъ наши корабли. Народъ ошринулъ предложеніе, но тайные приверженцы Абсалона и друзья Скіельма рѣшились споспѣшествовать имъ къ испроверженію подоловъ, надѣясь брагскимъ союзомъ уничтожить другія условія. Единодушіе исчезло въ Совѣтъ и въ войскъ, подозрѣнія уничтожили подчиненность въ народѣ: чужеземцы посѣляли измѣну и недовѣрчивость.“

„Три дня Датское воинство оставалось въ бездѣйствіи; въ четвертую ночь ужасное зрѣлище поразило насъ. Въ одно почини время воспылали нашъ флотъ въ пристани, храмъ Свѣтовиды по саду города, и священныя город-

скія врата съ башнею, на которой развѣчалась Станица, хоругвь, въ образѣ которой народъ боготворилъ отечество. Во время всеобщаго смятенія, обрушилась часть городской стѣны, и воинство Датское съ воцлємъ бросилось на приступъ съ моря и съ суши.“

„Не могу изобразить словами всѣхъ ужасовъ сей гибельной ночи. Когда Станица обрушилась въ пламя, и когда испуканъ Свѣтовидъ погрузился подъ развалинами храма, народъ упалъ духомъ и искалъ только смерти, а не побѣды. Старцы и жены бросались въ пламя съ малолѣтними дѣтьми, чтобъ не пережить наденія отечества. Граждане сражались съ ожесточеніемъ при входахъ въ свои жилища, искали гибели и мщенія; не помышляли о защитѣ города, вѣря, что боги оставили ихъ и предали на жертву врагамъ. Кровь струилась во всѣхъ концахъ города; грудями тѣлъ завалены были улицы; звукъ оружія, прескъ пожарнаго огня, смѣшанные вопли сражающихся и стоны гибнущихъ въ мученіяхъ оглашали воздухъ. Разверстый адъ не

могъ бы представить болѣе ужасовъ, бѣдствій и ожесточенія!“

„Лишь только непріятель вторгнулся въ городъ, я съ дружиною мою поспѣшилъ отъ священныхъ вратъ къ Княжескому замку, гдѣ сложены были сокровища народныя, руны, сохраняющія письменныя преданія о подвигахъ предковъ и событіяхъ опечиста, и гдѣ собраны были знатѣйшіе граждане съ своими семействами. Тамъ была и Бронислава. Тщетно старались отборные Данскіе рыцари проложить себѣ путь оружіемъ къ вратамъ замка, по узкому каменному мосту, защищаемому мною съ дружиною. Мы изъ вражескихъ тѣлъ составили себѣ ограду, и рѣшились погибнуть на семъ послѣднемъ оплотѣ нашей вольности. Вдругъ въ толпѣ враговъ раздались радостные клики. „Скіельмо! Скіельмо!“ — воскликнули Данчане, и Скіельмо, какъ палачъ, появился предо мною; онъ былъ покрытъ съ ногъ до головы тяжелыми коваными латами, обрызганъ кровью и вооруженъ тяжелою сѣкирою. „Граница“ — сказалъ онъ: „я сдержалъ слово, и нанесъ тебя на полѣ биввы.“ — „Злодѣй!“ — воскликнулъ

я въ изступленіи глѣва: — „ты измѣною очистишь себѣ путь въ Аркону и получишь доснойную мзду за свое коварство.“ — Я хотѣлъ броситься на него, но воины Дашскіе окружили его и толпою ринулись на насъ. Настала жестокая сѣча, и я, получивъ ударъ въ голову упалъ безъ чувствъ.“

„Я очнулся въ лѣсу, въ пещерѣ близъ морскаго берега, въ кругу несчастныхъ поселанъ. Ихъ согнали изъ окрестныхъ селъ очищая городъ отъ труповъ и развалинъ. Они примѣнили во мнѣ знаки жизни, и закутавъ въ плащъ, ночью принесли въ свое убѣжище. Отъ нихъ узналъ я, что Волинъ съязвленъ волосью Короля Владиміра, что Князь Тетиславъ увезенъ въ Данію, что знатнѣйшіе граждане заключены въ неволю, народъ обезоруженъ и осужденъ на рабство, и что весь островъ раздѣленъ на участки между Дашскими рыцарями. Скѣльму поручено управленіе островомъ, и онъ подъ предлогомъ водворенія нешпиной вѣры, свирѣпствуетъ, какъ лютой звѣрь, удовлетворяя своей ненависти къ имени Славянскому, и предастъ мучительной смерти гражданъ, уцѣлѣвшихъ отъ

погибели въ бою. О Домборѣ и его дочери я не могъ ничего узнать. Они вѣроятно погибли. — Опець мой казненъ злобнымъ Скіельмомъ: онъ самъ свергнулъ его съ башни замка на подводные камни.“

Мечиславъ при сихъ словахъ пролилъ слезы. Новгородскіе вишязи безмолвствовали. „Я поклялся отмстить или умереть,“ — сказалъ Мечиславъ. „На рыбацкѣй ладѣ спустился я въ открытое море, въ надеждѣ достигнуть Поморья. Волненіемъ прибило меня къ сему острову, и ладья моя сокрушилась. Здѣсь я томлюсь уже два мѣсяца, нищаясь дикими плодами, въ ожиданіи, пока судьба доставитъ мнѣ случай достигнуть твердой земли, гдѣ мое имя и несчастіе Волна найдутъ мстителей!“....

„Ты нашелъ ихъ!“ — воскликнулъ Ростиславъ, вставъ съ своего мѣсна. „Насъ здѣсь четыреста Новгородскихъ удалцевъ, и этого довольно противу четырехъ тысячъ Печенѣвъ. — Съ меньшею силою мы брали города и крѣпкіе замки въ земляхъ вражескихъ, а въ землѣ Славянской каждый гражданинъ будетъ нашимъ союзникомъ. Вотъ тебѣ ру-

ка моя, братъ, Мечиславъ; — мы твое, съ однимъ условіемъ: да погоржествуетъ истинная вѣра на Волниъ, и да исчезнетъ память идолослуженія. Христіанскіе вѣнцы не могутъ сражаться за невѣрныхъ: это противно Богу и чести.“ — „Клянусь именемъ Христа Спасителя, котораго я чюю съ самаго дѣтства,“ — сказалъ Мечиславъ: „что Волницы первую благодарственную молитву за победу произнесутъ въ храмъ Христіанскомъ. Но чужеземная власть не должна касаться ни воли нашей, ни совѣсти. Волницы, увѣренныя въ могущество Единаго Бога, добровольно покорятся Святому Его закону.“

„На Волниъ, друзья!“ воскликнулъ радостно Ростиславъ: „къ утру изготовышесь къ походу, къ битвамъ! Еще насъ не видали въ сихъ странахъ, и такъ пусть узнаютъ Новгородцевъ.“

Ночь была темная и шумная. Пусты были улицы некогда шумнаго города Арконы: теперь только вѣтеръ пропѣжно вылъ въ опущенныхъ и полуразрушенныхъ до-

махъ; нзрѣдка слышны были лай псовъ и отклики Датскихъ воиновъ, которыхъ главная стража спокойно отдыхала вокругъ огней, разложенныхъ на главной площади, на самомъ пепелищѣ древняго храма Свѣтовидова. Славяне, уцѣлѣвшіе отъ гибели, крылись въ домахъ, и боясь оскорбленія, не смѣли, по захожденіи солнца, появляться на улицахъ. Городъ подобенъ былъ могилѣ.

Но въ замкѣ Княжескомъ, въ которомъ жилъ Скіельмо, Датскіе рыцари проводили время въ пируествѣ и веселіи. Тяжелыя стальные латы, шишаки съ перьями и длинные мечи сложены были въ передней хранищѣ, а они одѣты были въ богатые полукафтанья, украшенныя шелкомъ и золотомъ. Дубовые столы уставлены были яствами, драгоценными чашами и кубками. Дорогія вина, Греческія и Сицилійскія, лились черезъ край изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. — Шумная радость одушевляла собраніе, и громкій хохотъ раздавался подъ высокими сводами. Юноши Славянскіе, выбранные къ услугѣ Скіельмо, держали свѣтильники, переносили яшвы и наливали кубки; они были въ бѣлыхъ

полотняныхъ короткихъ одеждахъ, съ распущенными по плечамъ кудрями. Оруженосцы рыцарей, ихъ конюшіе и пѣлохранители въ буйволовыхъ и досиныхъ курткахъ безъ латъ, но въ шлемахъ и съ короткими мечами у пояса, толпились вокругъ стола; пѣкорые изъ нихъ, въ знакъ особенной почести, получали изъ рукъ своихъ господъ дорогіе напинки, копорые пономъ раздѣляли съ своими товарищами. Только одинъ Скіельмо былъ грустенъ. Онъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, окушавшись краснымъ рыцарскимъ плащемъ, и надвинувъ на глаза черную бархатную шапку со сборами, украшенную красными перьями. Однимъ движеніемъ головы или краткими словами отвѣчалъ онъ на рѣчи рыцарей, не обращалъ вниманія на бесѣду, часто поглаживалъ двухъ огромныхъ псовъ, лежавшихъ у ногъ его, и какъ бы прошиву воли отвѣдывалъ вина, когда турій рогъ или кубокъ доходилъ до него по очереди. Вино не вызвало румянца на блѣдныя его щеки, остылемыя рыжею, включенною бородою. Глаза его, подъ навислыми бровями и наморщеннымъ челомъ, сіяли какъ погребальныя

огни. Всё видно, что Скіельмо запясть былъ важною или грозною душою.

„Благородный Скіельмо!“ — сказала рыцарь Дунстъ: — „тебѣ обязаны мы и побѣдою и плодами побѣды, нашею славою и богатыми вощинами Волинскими; но ты одинъ не раздѣляешь съ нами нашей радости, и угощая насъ, всегда кажешься печальнымъ. Скажи, что шагочитъ твое сердце: мы твои вѣрные друзья, и готовы за тебя положить животы наши.“

— „Благодарю въ тебѣ всехъ благородныхъ рыцарей,“ — отвѣчала Скіельмо: — „но другой думы у меня нѣтъ, кромѣ попеченія о вашемъ благѣ и безопасности. Еще не все враги наши истреблены; слышно даже, что Мечиславъ Гранца спасся отъ гибели. Я знаю его: надобно быть осторожными.“ —

„Скорѣ звукъ этого мешала превращеніе въ звукъ гуслей,“ — сказала Дунстъ, опорожнивъ серебряный кубокъ и ударивъ имъ по столу, — „нежели Славяне Волинскіе возвращаются къ прежней независимости.“

Въ это время вдругъ зазвенѣли гусли въ

другой комнаты, и все рыцари невольно содрогнулись.

„Что это значитъ?“ — воскликнулъ Скіельмо. — „У меня въ цѣломъ домѣ нѣтъ мусикійскаго орудія!“ — Рыцари въ недоумѣніи посматривали другъ на друга, почитая сей внезапный звукъ какимъ нибудь ужаснымъ предзнаменованіемъ.

Между нѣмъ оруженосецъ, который пошелъ узнать о причинѣ сего происшествія, возвратился и сказалъ: „Славянской гусленишъ изъ странъ далекихъ, какъ онъ говоритъ, пришелъ сюда и проситъ позволенія повеселить рыцарей своею игрою и пѣснями.“

„Провались онъ сквозь землю!“ сказалъ Скіельмо: „сбросьте его съ дѣшницы!“ — „Зачѣмъ обижать бѣднаго странника?“ возразилъ юный рыцарь фонъ Флишъ. „Позволь, благородный Скіельмо, позабавить насъ пѣснями. Мы живемъ на этомъ островѣ, какъ дикіе звери на привязи, безъ любви и безъ сердечныхъ радостей. — Кровь и слезы наполняютъ мнѣ: хоть сегодня позволь быть человекомъ.“ —

„Ты молодецъ, фонъ Флишъ,“ — сказалъ

Скіельмо: — „отець штой не боялся крови.“
— „И я не боюсь ея въ бояхъ,“ — отвѣчалъ
юный Рыцарь, — „но не люблю въ мирѣ.“

„Позволь, позволь позабавить насъ гуслисту!“ — сказали въ одно время нѣсколь-
ко рыцарей. Скіельмо велѣлъ позвать спран-
ника.

Молодой статный Славянинъ вошелъ въ
залу, и поклонился собранію. Онъ былъ въ
короткой шерстяной одеждѣ; на широкомъ
ремнѣ чрезъ плечо, висѣли гусли, противу
пояса. Въ безмолвіи посматривалъ онъ на
рыцарей, и казалось, взорами считалъ, сколько
ихъ. „Откуда ты, спранникъ?“ спросилъ
Скіельмо. „Издалека,“ — отвѣчалъ гу-
слистъ: — „изъ земли Славянской, называс-
мой Русью.“ —

„Мы уже давно замышляемъ побывать у
васъ, вмѣстѣ съ братьями нашими, Нѣмецки-
ми рыцарями,“ — сказалъ Скіельмо.

„Нѣмецкіе рыцари не любятъ нашего
угощенія,“ — отвѣчалъ гуслистъ. „Земля
наша обширна и вѣдѣмъ изобильна, но въ ней
и тѣсно и голодно для незваныхъ гостей.“ —

„Видите ли дерзость Славянскую?“ —

сказалъ Скіельмо рыцарямъ. — „Послушай, скоморохъ, ты видалъ Аркону: пропой объ этомъ во Псковѣ и въ Новгородѣ!

„Я только пою любовь и побѣдныя пѣсни Славянъ,“ — отвѣчалъ гуслистъ. „Смотри жъ, чтобъ тебѣ не оиѣмѣть на вѣкъ!“ — сказалъ Скіельмо грознымъ голосомъ. „Не гнѣвайся, Скіельмо!“ возразилъ Дунстъ: у всякаго свое ремесло. „Дайте вина гостю. Гуслистъ! пой, что знаешь, только веселое, про любовь и про битвы.“ Гуслистъ ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ (*),
Какъ у ласкова, сударь, Князя Владиміра,
Было пированье, почтенный пиръ
На многіе Князи и Болгаръ,
И на Русскіе могучіе богатыри,
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ по полу столъ;
Владиміръ Князь расположился,
По свѣтлой гриди похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
Есть ли въ Кіевѣ таковъ человекъ

(*) См. Древн. Россійск. Спихотвор. Собр. Киршию

Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 А кто бы сослужилъ службу дальнюю,
 А и дальнюю службу заочную?
 Вырубилъ Чудь бѣлоглазую
 Прекропилъ сорочину долгополую —

„Довольно!“ воскликнулъ Скѣльмо. —
 „Пѣсня твоя гласитъ не миръ и не веселье,
 но вражду и брань Славянскую противу чу-
 жаго племени. Пой что нибудь другое!“

Гуслисть не отвѣчая ни слова, снова
 заигралъ и запѣлъ:

А Князь Романъ жену терялъ,
 Жену терялъ, онъ тѣло терялъ,
 Тѣло терялъ, во рѣку бросалъ,
 Во ту ли рѣку во Смородину.
 Слетались птицы разные,
 Сбѣгались звѣри дубровые;
 Откуда взялся младъ сизой орелъ,
 Унесъ онъ рученьку бѣлую,
 А праву руку съ золотымъ перстнемъ.
 Схватилася молода Княжна,
 Молода Княжна Анна Романовна:
 „Ты гой еси, государь мой батюшка,
 А Князь Романъ Васильевичъ!
 Ты гдѣ дѣвалъ мою мамушку!“

Скѣльмо вдругъ всталъ съ своего мѣ-
 ста и сказалъ: „Веселились, благородные

рыцари, я оставляю васъ, и займусь нужными распоряженіями по моему управленію. Груберъ и Кнейфъ, ступайте за мною!“ Скіельмо вышелъ изъ залы съ своими оруженосцами, которые несли передъ ними свѣщильники. Медленными шагами проходилъ онъ чрезъ рядъ пустыхъ комнатъ; позади его раздавались веселые клики пирующихъ. — Вошедши въ одну круглую высокую хранилищу, съ четырьмя дверями, Скіельмо остановился и сказалъ: „Груберъ! принеси ключи отъ моего звѣрница.“ — Оруженосецъ поспѣшно повиновался, а между тѣмъ Скіельмо прохаживался тихими шагами по комнатѣ. Онъ подошелъ къ окну. Волны разбивались о подножіе скалы, на которой былъ построенъ замокъ; вѣтеръ шумѣлъ въ роцѣ, остиляющей морской берегъ, по правую сторону зданія. На небѣ не видно было ни одной звѣзды; море казалось чернымъ покровомъ. Груберъ принесъ связку ключей. Скіельмо отворилъ дверь и началъ спускаться въ подземелье по крутой и узкой лѣстницѣ; на каждахъ двухъ поворотахъ надлежало отпирать желѣзныя двери. Наконецъ, отворивъ послѣднія, они вошли въ длин-

ный коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго были небольшія круглыя двери съ запорами. Шаги Скіельма и его оруженосцевъ громко повпорялись эхомъ, и вдругъ звуки цѣпей и жалобные стоны раздались въ подземныхъ кельяхъ. Страшныя проклятія доходили до слуха Скіельма, и онъ удвоилъ шагъ, чтобы достигнуть скорѣе конца коридора. Здѣсь онъ опять отперъ двери и пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, которая вела въ угольную башню, стоящую на краю скалы, выдававшейся въ море. Скіельмо оставилъ своихъ оруженосцевъ въ нижней комнатѣ, а самъ, взявъ свѣщильникъ, пошелъ одинъ въ верхъ. Нестерпѣливою рукою отодвинулъ онъ запоры, и вошелъ въ послѣднее убѣжище, гдѣ помилась жертва его свирѣпства.

„Пришелъ ли мой конецъ? Если въ тебѣ есть хоть искра жалости, Скіельмо, убей меня!“

„Нѣтъ Бронислава,“ — сказалъ Скіельмо: „я не вѣстникъ смерти, но счастья твоего, если только ты согласишься сдѣлать меня счастливымъ. Одно твое слово, и ты свободна, и отецъ твой займешь первое мѣ-

сто послѣ меня, и соопечесивенники твои стануть моими братьями!“

„Славянка не умѣетъ играть клятвами и нарушать обѣты!“ — отвѣчала Бронислава.

„Но помни, что участь отца твоего зависитъ отъ твоего повиновенія моей волѣ. Суди о любви моей къ тебѣ по моему терпѣнію. Наконецъ оно исполнилось, и я клянусь, что если ты не согласишься быть моею женою, то завтра же отецъ твой подвергнется участи стараго Грэнцы, и въ твоихъ глазахъ будетъ низвергнутъ въ море съ вершины этой башни.“

„Варваръ!“ — воскликнула Бронислава: „кровопийца! такими ли средствами пріобрѣтаешь любовь? — Ты слышалъ, что сказалъ отецъ мой, когда въ послѣдній разъ ты призвалъ насъ вмѣстѣ къ себѣ. Не онъ ли угрозою проклятія родительскаго, запретилъ мнѣ спасать жизнь его моимъ поношеніемъ, и повелѣлъ мнѣ умереть, но никогда не быть женою врага имени Славянскаго? Ты слышалъ это!“

„Страданія помрачили разумъ старца,“ — сказалъ Скіельмо: — „и ты должна спасать

его и себя противу его воли. Слушай Бронислава! Зависимость отъ Короля Владиміра наскучила мнѣ. — При дворѣ умышляютъ противу меня, и самъ Абсалонъ разорвалъ со мною дружескую связь. Я намѣренъ ошло-житься, объявить Волинъ независимымъ, а себя Княземъ. Ты будешь Княгинею, и мы вмѣстѣ станемъ пещись о счастьи нашего народа, о благѣ твоихъ соплеменниковъ. У меня есть союзники на твердой землѣ, и я ожидаю помощи отъ Ганзы и отъ Князя Ратиборскаго. Подумай, Бронислава, ты будешь Княгинею — опецъ твой первымъ моимъ Совѣтникомъ!“

„И такъ одной измѣны не доставало къ твоимъ злодѣяніямъ, чтобы въ твоемъ лицѣ предсавишь свѣту совершеннаго изверга!“ — сказала Бронислава въ негодованіи. „Я женщина, но вѣрна моему долгу, а ты неужели думаешь, что мужи Славянскіе забудутъ обязанности къ своему законному Государю? Князь Тетиславъ въ плѣну, и чѣмъ онъ несчастнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ правъ на нашу вѣрность. Ты знаешь насъ давно; знаешь, что вѣрность и любовь къ своимъ Государямъ

суть отличительныя чершы Славянскихъ племенъ. Мы можемъ быть побѣждены — но не покорены; никогда не признаемъ надъ собою власти чужеземной, и никогда не измѣнимъ нашему Князю. Ты могъ обмануть легковѣрныхъ благовиднымъ предлогомъ, но они видѣли слѣдствія твоихъ обѣщаній, и теперь не повѣрятъ тебѣ болѣе. Перестань питать себя ложными надеждами, и не мысли совратить меня съ пути симъ признакомъ величія. Я Славянка — умѣю умереть вѣрно моему Князю, отечеству и любви моей!“

„Любови!“ — воскликнулъ Скіельмо съ злобнымъ хохотомъ. Неужели духъ Мечислава Гранцы навѣщаетъ тебя въ твоемъ започеніи? Мершвы не возстаютъ, а ты знаешь, что Гранца убитъ мною на мосту и низверженъ въ ровъ. Помни обѣтъ! Нѣтъ болѣе ни одного свободного вишязя на Волни!“ —

„Я не видѣлъ трупа Мечиславова,“ — сказала Бронислава: — „а мой долгъ быть вѣрною жениху, когда участь его мнѣ неизвѣстна. Пѣлница, я не знаю, есть ли свободные вишязи!...“

Въ это время послышался глухой шумъ

въ нижней комнатѣ, гдѣ оставались оруженосцы. Скіельмо обратилъ вниманіе къ дверямъ: звуки быстрыхъ шаговъ послышались на лѣстницѣ. „Кто тамъ! Что новаго, Груберъ?“ — сказалъ онъ съ безпокойствомъ, и вдругъ лице его покрылось смертною блѣдностью, холодный потъ выступилъ на чело, волосы отъ ужаса поднялись дыбомъ: толпа вооруженныхъ воиновъ стремглавъ вбѣжала въ темницу. „Мечиславъ!“ воскликнула Бронислава и бросилась въ его объятія.

„Вотъ онъ, вотъ злодѣй моего отечества и племени!“ — сказалъ Мечиславъ Гранца, указывая на Скіельма. — Воины бросились на него. Онъ хотѣлъ поразить себя кинжаломъ, который скрытъ былъ подъ рыцарскою мантиею, но Никита Серебрякъ обезоружилъ его. „Нѣтъ, Скіельмо,“ — сказалъ Мечиславъ: — „голова твоя принадлежитъ моему Королю и должна пасть на позорной плахѣ. — Измѣна твоя открыта. Князь Ратиборскій, Буривой, обнаружилъ злые твои замыслы, и самъ прибылъ съ нами на освобожденіе Волыни. Все кончено, спрѣжа твоя побита или полощена; корабли въ на-

шихъ рукахъ, и теперь войны мои вяжутъ твоихъ рыцарей, которые на пиршествѣ лишились силы и разума.“ Скіельмо хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на устахъ его. Мечиславъ оставилъ Скіельма въ башнѣ подъ стражею, взялъ ключи и сошелъ въ коридоръ съ Брониславою, которая проливала слезы радости. — „Найдемъ ли въ живыхъ отца моего, Мечиславъ? Можешь, бытъ онъ погибъ отъ рукъ злодѣя!“

Въ одно мгновеніе всѣ двери темницъ растворились, и первостепенные граждане Арконы, какъ адскія тѣни, выползли изъ норъ, обремененные оковами. Старый Домборъ былъ между ими. Бронислава упала безъ чувствъ на грудь своего родителя.

Мечиславъ поручилъ Роспиславу освобожденныхъ плѣнниковъ и самъ поспѣшилъ изъ подземелья въ Княжескіе чертоги. Тамъ уже Славяне занимали стражу, и Князь Буривой встрѣтилъ его, окруженный жителями Арконы, которые наполняли дворъ замка и тѣснились въ комнатахъ, чтобы видѣть своихъ избавителей. Ночь превратилась въ свѣтлый день; повсюду восплали огни. Зала пиршества на-

значена была мѣстомъ заключенія для плѣнныхъ рыцарей. — Обезоруженные, они пребывали въ безмолвіи, попустивъ взоры отъ стыда, и съ горестью слышали радостныя клики народа: Да здравствуютъ освободители Арконы! Слава выпязямъ Славянскимъ!

Между тѣмъ освобожденные изъ тяжелой неволи именитые граждане Арконскіе появились среди народа, который почиталъ ихъ погибшими; радость его дошла до изнеможенныхъ. „Гдѣ нашъ злодѣй, гдѣ Скіельмо?“ кричали со всѣхъ сторонъ: — „дайте намъ его на расперзаніе. — „Любезные сограждане!“ — сказалъ Мечиславъ: — „Скіельмо у насъ въ рукахъ, но мы должны справедливое мщеніе принести въ жертву вѣрности нашей Князю Тетиславу. Цѣльнъ Данскаго рыцарства въ плѣну у насъ, и мы выкупимъ ими нашего несчастнаго Князя, безъ котораго въ самомъ торжествѣ побѣды пребудемъ какъ семейство безъ отца. Господь справедливъ: онъ накажетъ злодѣянъ Скіельмы въ собственномъ его опечесствѣ; онъ измѣнникъ противу своего Короля, а измѣна противу присяги

стѣнахъ его начерпалъ имена Ростиславовой дружины на вѣчную чesнь и славу. О Скіельмѣ говорили, что онъ не дождался возмездія за свою измѣну и свирѣлость, и кончилъ жизнь въ мученіяхъ совѣсти. Слава объ освобожденіи Арконы разнеслась далеко по свѣту, и утвердила вѣру въ иноплеменикахъ, что Славяне нендобны, и только внутренними раздорами могутъ быть доведены до чужеземнаго порабощенія.

Конецъ четвертой части

въ страхъ безпечныхъ Датскихъ воиновъ, и они сдались безъ большого сопротивленія. Подземельемъ Мечиславъ дошелъ до самой башни, гдѣ была заключена Бронислава. Входъ въ коридоръ задѣланъ былъ легко однимъ рядомъ камней, которые обрушились по первому потрясенію. Свѣтъ указалъ имъ путь къ тому мѣсту, гдѣ оруженосцы ожидали Скіельма. Успѣхъ увѣичалъ смѣлое предпріятіе, и Аркона въ одну ночь освободилась отъ чужеземнаго ига.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Ганзейскіе купцы привезли въ Новгородъ новые дары Ростиславу и его сподвижникамъ отъ благодарныхъ Волинецъ. Купцы раказывали, что Князь Гешиславъ возвратился на Волинь, и послѣ того одержалъ побѣду надъ Дашчанали; что Христіанская Вѣра торжественно и добровольно принята жителями Волини, и что Мечиславъ Гранца, счастливый супругъ Брониславы, избранъ военачальникомъ. Онъ воздвигнулъ храмъ въ Арконѣ во имя Святой Софіи, въ память Великаго Новгорода, и на

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Часть третья.

П р а в ы.

	стр.
I. Модная лавка, или что значить фасонъ?	1
II. Урокъ санфаронамъ и выпренникамъ . . .	19
III. Пижная маменка и наснавинокъ, или плащъ моднаго воспитанія	34
IV. Воздушный шаръ Архипа Оаддсевича, или унышенія въ горестяхъ	45
V. Компастъ мнѣній, или слова и дѣла . . .	53
VI. Философическая исторія кармановъ . . .	61
VII. Постыженіе Доктора	77
VIII. Дешево и дорого	86
IX. Качели	95
X. Публика и Журналистъ	104
XI. Досугъ и недосугъ	114
XII. Новый Физиономикъ, или знаніе птицъ по полету, а молодца по ухвощкамъ . . .	121
XIII. Бѣда оныхъ денегъ	130
XIV. Пути къ богачеству. (Сновидѣніе) . . .	141
XV. Подписка на Журналы. (Сцена изъ частной жизни)	159
XVI. Добро и зло, или опыты экспериментальной Философіи	169
XVII. Чувствительное путешествіе по переднимъ	176
XVIII. Провинціалъ въ обществѣ большаго свѣта	197
XIX. Человѣкъ и совѣсть	210

	стр.
XX. Новое значеніе старыхъ словъ , или бесѣда у челоуѣка прошедшаго столѣтія .	221
XXI. Предразсудки, или что въстарь, то и нынѣ	233
XXII. Деревенскій житель. (Письмо оистваннаго Коллежскаго Регистратора Фалалая Недоучкина, изъ провинціи, къ пріятелю въ столицу)	253

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОВѢСТИ.

I. Освобожденіе Трѣмбовли. Историческое происшествіе XVII столѣтія . . .	1
II. Раздѣлъ наслѣдства. Восточная Повѣсть	14
III. Милость и правосудіе. Восточная Повѣсть	38
IV. Законъ и совѣсть. Восточное сказаніе .	52
V. Бѣдный Макарь, или кно за правду горой, поимъ истый ирой	57
VI. Исканіе кладѣ. Сказка	89
VII. Правосудіе и заслуга. Восточная сказка .	95
VIII. Славяне, или освобожденіе Арконы. Повѣсть древнихъ лѣтъ	104

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ Гг. ПОД- ПИСЧИКОВЪ (*).

ИМЕНА, ЧИНЫ И ЗВАНІЯ.

А.	Чис. экз.
Августининовичъ, Доминикъ, ордена Домин. Патеръ	1.
Авдулинъ, Генералъ Маіоръ	1.
Аклячесь, Иванъ Осдоров. Полковникъ	1.
Алашкинъ, Алексѣй, Маіоръ	1.
Александрійскій, Андрей Герасим.	1.
Алксѣевъ 2, Полковникъ	1.
Апаньинъ, Александръ Андр. 8 класса	1.
Андреевъ, Пѣль Яковл. 8 класса	1.
Андреевскій, Его Превосход.	1.
Апанинъ, Демьянъ Васильев. Тип. Совѣт.	1.
Анрьевъ, Василій Осдоров. Артил. Подпор.	1.
Анрьевъ, Семенъ, Повгород. Помѣщ.	1.
Архангельская Губерн. Гимназія	1.
Арсеньевъ, Яковъ Арсеньев. Протоіерей	1.
Архангельская Казенная Палата	1.
Арнольди, Его Превосход.	1.

Б.

Балабинъ, Осдоръ Ефимов. Полковникъ	1.
Балавенской Песпръ, Роммиспръ	1.

(*) Нѣкоторые не подписывали въ требованіяхъ своихъ чиновъ.

II

Баратаевъ, Князь Михаилъ Петров.	1.
Барсуковъ, Михайлъ Ивановичъ 2 гильдин купецъ	1.
Барышевскій, Штабсъ - Капитанъ	1.
Бартоломееусъ, Полковникъ	1.
Батурунъ, Сергій Герас. 19 егерск. полка Полков.	1.
Байковъ, Сергій Васильев. Полковникъ	1.
Байшевъ, Спешанъ Константинъ. Генералъ - Майоръ	1.
Бекетовъ, Иванъ Петр. Дѣйств. Спеш. Совѣщ.	1.
Безакъ, Константиновичъ Павл. Колл. Ассес.	1.
Барсенекъ, Юрій Никиновичъ, Директоръ Училища Коспром. Губери.	3.
Библиотска Л. Г. Семеновскаго полка	1.
Большое мѣщанское собраніе, въ С. Петербургѣ	1.
Баронъ Александръ, Боде, въ Крымскомъ Вишegrad- номъ Училищѣ	1.
Б — ны, П. и Я.	10.
Бочковскій, Августинъ Михайл. Штабсъ - Капитанъ	1.
Богуславскій, Николай Григорьев. Колл. Ассесоръ	1.
Болшинъ, Николай Алексан. Штабсъ - Капитанъ	1.
Богдановъ - Калининскій, Вароол. Андр. Полковникъ	1.
Богдановичъ, Александръ Петров. Его Благород.	1.
Бороздна, Иванъ Петров. Его Благород.	1.
Бухаринъ, Николай Григорьев. аршил. Подполк.	1.
Буриашевъ, Спешанскій Совѣтникъ	1.
Бункова, Варвара Иванов. Дѣйств. Спеш. Совѣщ.	1.
Бѣлавинъ Семенъ, Штабсъ - Капитанъ	3.
Брокеръ, 6-го класса	1.
Бркогоузенъ	1.
Бирюлинъ, Полковникъ	1.

III

В.

Воронцовъ, Графъ Михайло Семенов. Генер. Адъют.	2.
Вишнякъ, Хрисьянъ Яковл. Его Превосход.	1.
Вишунеминковъ, Афанасій Осип. Вологод. купецъ	1.
Всenedикновъ, Димитрій Михайлов. Его Благород.	1.
Вишнеvesкій, Пётръ Осипов.	1.
Войшиловичъ, Поручикъ	1.
Войцеховичъ, Лавреншій Яковл. Его Высокоблаг.	1.
Великопольскій, Маіоръ	1.
Вындомскій, Владиміръ Петров. Подполков.	1.
Волковъ, Иванъ Ильичъ, Оберъ - Прокуроръ	1.
Версиповъ, Андрей Павлов. Бергъ-гаупшманъ 6 класса	1.
Волковъ, Генералъ - Маіоръ	1.
Воронежская Гимназія	1.
Вошчинное Правленіе Кнзя Голицына, въ Оханскъ	2.
Власовъ, Александръ Николаев. полка Графа Аракъ.	
Поручикъ	1.
Виноровъ	1.
Вальцъ, А. П. Полковникъ, Командиръ 9 артил.	
бригады	1.

Г.

Глазуповъ, Илья Иванов. книгопродавецъ	100.
Ганскау, Яковъ Осдорв. Дѣйсств. Снапс. Совѣт.	
Архангельск. Граждан. Губернаторъ	1.
Гроховскій, Пётръ Модесеновичъ, Тин. Совѣт.	1.
Грузинскій, Михаилъ Васильев. Прошюіерей	1.
Гамалел, Капитанъ 1-го ранга	1.
Горняковскій; Александръ Васильев. Шнабъ-Ропм.	1.

IV

Гудовичъ, Графъ, Кирило Ивановичъ	1.
Головинъ, Капитанъ - Лейтенантъ	1.
Гиро, Иванъ Антонов. Тип. Совѣщ.	1.
Гельде, Полковникъ	1.
Голофеевъ, Подполковникъ	1.
Гурландъ, Аверкій Иванов. Полковникъ	1.
Горемыкинъ, Полковникъ	1.
Грудзинскій, Василій Осипов. Тип. Совѣщ.	1.
Грузевичъ - Иванъ Вечеславъ Николаевъ.	1.
Гаузенбергъ, Подполковникъ	1.
Голубковъ, Платонъ Васильев. Тип. Совѣщ.	1.
Грефъ, книгопродавецъ	1.
Грибовъ, купецъ	1.
Готовцовъ, Николай Александр. Артил. Подпор.	1.
Гордтъ Францъ	1.
Гебенеръ, Генералъ - Маіоръ	1.
Голлицыиъ, Князь Сергѣй Сергѣевичъ	1.

Д.

Довъ, Членъ Императорск. С. Петербургской и Королевск. Лондонской Академіи Художествъ	1.
Дегалевъ	1.
Даниловъ, Павелъ Данилов. купецъ	1.
Докудовскій, Шнабъ - Капитанъ	1.
Дмитріевъ, Михайло Александр. Падвор. Совѣщ.	1.
Добровольскій, Полковникъ	1.
Денисьевъ, Александръ Матвѣев. Маіоръ	1.
Держевъ, Карлъ Леоновичъ. Генералъ - Маіоръ	1.

У

Дашловъ, Александръ Маркелов.	1.
Должиковъ, Павелъ Петров. 19 егерск. полка Поруч.	1.
Дмипріевъ, Демьянъ Прокофьев. флота Лейтенантъ	1.
Домогацкая, Варвара Петровна	1.
Дьяконовъ, Иванъ Осдоров.	1.
Джунковский, Осдоръ Афанасьев.	1.
Давыдовъ, Тимѣйскаго артилл. гарнизона Полковн.	1.
Дерябинъ, Илья Иванов. Тим. Совѣщ.	1.

Е.

Есиповъ, Александръ Яковл.	1.
Есиповъ, Василій Николаев. Коллежск. Совѣщ.	1.
Есиповъ, Петръ Петров. Его Высокоблагор.	1.
Еницъ, Елисавета Яковлевна, Губ. Секретар.	1.
Евсцкой, Орестъ Степанов. Его Благор.	1.

Ж.

Жевановъ, Григорій Григорьев. Его Высокоблаг.	1.
Жиленковъ, Полковникъ	1.
Жаглевскій, Давидъ Осипов. Маіоръ и Командиръ Орловскаго Гарнизона	1.
Жинновъ, Аршил. Полковникъ	1.

З.

Закинъ, Иванъ Иванов. книгопродавецъ	45.
Замятинъ	1.
Зейдеръ, Лекаръ	1.
Загоскинъ, 3-го піоньерн. батал. Поруч.	1.

И.

Исаевъ, Осдоръ Васильев. книгопродавецъ	25.
Ивановъ, Петръ Иванов. Главн. Смотр. Москов. Удѣльн. Коншоры Помощ.	1.

Игнатъевъ, Алексѣй Николаев. Инженеръ Капит.	1.
Иллчевскій	1.
Ильинъ, Алексѣй Александров.	1.
Иловайскій, А. В. Войска Донс. Апаманъ	1.
Иловайскій 9-й Димитрій Иванов. Роммисиръ	1.
Инокентій, Архиман. Смолен. Сем. Ректоръ	1.
Инглицъ, Пётръ Александров. Подполковникъ	1.
Ивановскій, Андрей Андреевичъ, Его Высокобл.	1.

I.

Иеронимъ, Архиман. Черн. Сем. Ректоръ	1.
---------------------------------------	----

K.

Каришева, Елена Сергеевна	2.
Каменской, Графъ Сергѣй Михайлов.	1.
Каменевъ - Любавскій, Иванъ Алексеев, Полковн. и Команд. Самогнитс. гренадерс. полка	1.
Кабринъ, Александръ Осдоров. 8-го класса	1.
Казадасъ, Свѣтлы Его Императорскаго Вели- чества Преподобникъ	1.
Карповъ, Димитрій Иванов. Надворн. Совѣт.	1.
Корсаковъ, Семенъ Николаев. Коллеж. Совѣт.	1.
Корниловъ, Михайло Петров. Мичманъ.	1.
Калуновъ	1.
Канцевичъ, Егоръ Михайлов. Коллеж. Совѣт.	1.
Кайсаровъ, Пётръ Сергеев. Дѣйс. Служб. Совѣт.	1.
Квинка, Григорій Осдоров. Его Высокоблаг.	1.
Косицкій, Викентій Антонов. Пейшлом. пѣхот. полка Капитанъ	1.
Колковскій, Вас. Никол. Колл. Асс.	1.
Комынина, Надежда Васильевна	1.

VII

Конлевъ, Петръ Петров. Артил. Поруч.	1.
Комаревскій, Графъ, Евграфъ Оедор. Генер. Адъют.	1.
Кочубей, Семенъ Михайлов. Его Превосход.	1.
Кожинъ, Поручикъ	1.
Конейчиковъ, Капитанъ	1.
Косиельниковъ, Конст. Дмитриев. Тит. Совѣт.	1.
Козловъ, Иванъ Иванов. купеческій сынъ	1.
Коняревскій, Петръ Спенаов. Его Высопревос.	1.
Кохановскій, Афанасій Иванов. Его Высокобл.	1.
Крашениниковъ, Иванъ Семенов. купецъ	1.
Круглой, Иванъ Саменов.	1.
Краснокупскій, Александръ Григорьев. Его Прев.	1.
Кудрашевъ, Павелъ Иванов. купецъ	1.
Кутушевъ, Килъ Василій Михайлов.	1.
Кульманъ, О. П. Штабъ - Капитанъ	1.
Куницкій, Осипъ Петров. Его Благород.	1.
Коховскій, Графъ Василій Михайлов.	1.
Кузминскій, Петръ Романов. Падвор. Совѣт.	1.
Кунайсовъ, Графъ Павелъ Иванов. Сенапореъ	1.
Куриосовъ, Его Превосход.	1.
Кушнаревъ, Алексѣй Козмичъ	1.
Курилинъ, Тит. Совѣт.	1.
Кусовъ, Николай Ивановичъ, Падвор. Совѣт. С. Пешерб. градской Глава	5.
Конарекій, Михайло Иванов.	1.
Куцинскій, Поруч.	2.

Д.

Дамсдорфъ, Графъ.	1.
-------------------	----

VIII

Ладыжинскій, Василій Алексѣев. Подполков.	1.
Ланской, Сергій Иванов.	1.
Лапцкоронскій	1.
Лисенковъ, Иванъ Тимофѣев. мѣщанинъ	8.
Махшицъ, Сергій Козмичъ, Его Величества Императора Австрійскаго гренадер. полка Подпор.	1.
Девешталъ, Полковникъ	1.
Девчиско, Коллеж. Ассессоръ	1.
Девенецъ, Степанъ Оедоров. Спаш. Совѣт.	1.
Деонимовичъ, Паркизъ Паркизов. Поручикъ	1.
Дьвовъ, Пётръ Капитанъ	1.
Дибертъ, Коллеж. Совѣт.	1.
Депарскій, Его Превосход.	1.
Дончковскій, Пётръ, Протоіерей	1.
Дунинъ, Николай Иванов, гвардіи Корнетъ	1.
Дончковскій, Иванъ, Коллеж. Совѣт.	1.
Допатинъ, Григорій Никип. Маіоръ	1.
Допатинъ, Северіанъ Никипичъ, Коллеж. Секрет.	1.
Догиновъ, П. Н. Уральскаго Казачьяго войска войсковый Старшина	1.

M.

Михайловскій - Данилевскій, Александръ Иванов. Его Превосходит.	1.
Меркуловъ Степанъ, купческій сынъ	1.
Мезенцовъ 2-й, Его Превосход.	1.
Мейеръ, Коллеж. Совѣт.	1.
Медвѣнскій, Матвій Иванов. Губ. Секр.	1.
Мзюковъ, Павелъ Семенов. Подполков.	1.

IX

Мещниковъ, Илья Миронов.	1.
Мейеръ, Николай Мартынов. Поруч.	1.
Миллеръ, гвардіи Капитанъ.	1.
Миняковъ, 9-го класса.	1.
Масловъ, Егоръ.	1.
Масвскій, Генералъ Маіоръ.	1.
Магазинеръ, Анна Ефимовна, Ея Высокобл.	1.
Матюшинъ, Платонъ Александров.	1.
Миникевичъ, Иванъ Андреев. Свиты Его Импера- торскаго Величества Подпоруч.	1.
Мархренко Николай, Тип. Совѣт.	1.
Маккавевъ, Старшій Адъютантъ 6-й пѣхотной Дивизіи	1.
Миницкій, Павелъ Иванов.	1.
Михайловъ, Мих. Козм. Дѣйст. Стам. Совѣт.	1.
Маркѣвичъ, Михайло Тимофѣев.	5.
Межуевъ, Пётръ Корнилов. купецъ	1.
Мяслевъ, Пётръ Васильев. Тайный Совѣт.	1.
Мяслевъ, Пётръ Пётров. конной гвард. Ротмистръ	1.
Мяслевъ, Иванъ Пётров. Камеръ - Юнкеръ	1.
Моругинъ	1.

II.

Никольскій, Пётръ Александров.	2.
Нейдгартъ, 4-го класса	1.
Нероновъ Сергѣй, Городинчій въ Переславль	1.
Наумовъ, Павелъ Анолонов, Его Превосход.	1.
Нагель, Генералъ - Маіоръ	1.
Неизвѣстный	1.

X

Неизвѣстный	1.
Неизвѣстный	1.
Неизвѣстный	1.

O.

Обрадовичъ, Полковникъ	1.
Осмоловскій 1-й, Подполковникъ	1.
Олофсонъ, Коллеж. Советн.	1.
Орда, Непръ Анолларов. Коллеж. Ассесоръ	1.
Озерожинскій, Симеанъ Иванов. Губ. Секретарь	1.
Обуховъ, Непръ Иванов. Бригадиръ	1.

II.

Пирхъ, Баронъ Албертъ Карлов. Его Превосход.	1.
Прохоровъ, Амвросій Иванов. 2-й гильдин купецъ	1.
Поньгинъ, Аркадій Львовичъ	1.
Пешуровъ, Алексѣй Никишичъ Симап. Советн.	1.
Приклонской, Полковникъ	1.
Протопоповъ, Надгор. Советн.	1.
Панафидинъ, Всеволодъ Иванов. флота Капитанъ 2-го ранга	1.
Половцовъ, Андрей Петров. 5-го класса	1.
Печеринъ, Подполковникъ	1.
Павленковъ, Емельянъ Осипов. Его Превосход.	1.
Перемиловской Михайлъ, Губ. Секретн. Ревель. Ка- зен. Начальн. Начальн. стола	1.
Поповъ Штабъ - Капитанъ	1.
Пустошкинъ, Коллеж. Ассесоръ	1.
Павловъ 3-й, Подполковн.	1.
Поскотинъ, Николай Сергѣев.	1.
Пауль Яковъ, Тип. Советн.	1.

XI

Перестякинъ, Праклій Григорьев.	1.
Пивоваровъ, купецъ	1.
Правиковъ, Василий Михайлов.	1.
Пономаревъ, Михайло Андреев. купецъ	1.
Прущенко, Рязанскій Вице-Губернаторъ	1.
Персверзевъ	1.
Пров. Полсв. Коммисія Опдѣль. Личнов. корпуса	1.
Полежаевъ, Дмтрий Михайлов. купецъ 2-й гильдіи	1.
Поповъ, Иванъ Дмтриев. купецъ	1.
Пальцынъ, Аршил. Франорц.	1.
Пигаевскій, Егоръ Андреев. Его Благород.	1.

Р.

Рындинъ, Полковникъ	1.
Радищевъ, Николай Александров. Тип. Совѣш.	1.
Рогачевъ Оедоръ, 7 го класса	1.
Раль, Оедоръ Оедоров. Полковникъ	1.
Резановъ, А. П. Членъ Поршовой Таможни въ Архангельскѣ	1.
Романовъ, Полковникъ	1.
Рихтеръ, Карлъ Казимиров. Подпоруч. Полков.	
Адмюн. Нейшлюш. пѣхон. полка	1.
Ржецкій, 9-го класса	1.
Радивановской, Павелъ Михайлов. Подпоруч.	1.
Рогальскій, Леонъ Викентьев.	1.
Рогинскій, Василий Васильев.	1.
Рандовъ, Алексій Иванов. Предъ. Двор. Пенз. Уззд.	1.
Ракиннинъ, Иванъ Михайлов. Коллеж. Совѣш.	1.

С.

Смирдинъ, Александръ Филипп. книгопродавецъ	300.
---	------

XII

Слепичъ, И. В. книгопродавецъ	150.
Свѣшниковъ, Алексѣй, книгопрод.	10.
Сыренкинъ, Певель Пестров. С. П. бургс. купецъ	1.
Соколовъ, Пётръ Иван. Дѣйс. Стан. Совѣт.	1.
Сребровский, Юрій Игнатьев. Тип. Совѣт.	1.
Софоновъ, Степанъ Васильев. Его Благор.	1.
Спаневскій, Домин. Ордена Пашеръ	1.
Скопинъ, Пётръ Николаев. Его Высокоблаг.	1.
Смолинъ	1.
Сучковъ, Николай Александров. Тип. Совѣт.	1.
Сорочинскій, Илья Степанов.	1.
Симишинъ, Павелъ Михайлов. Полковникъ	1.
Смирновъ, П. Астраханскій купецъ	1.
Суражевскій, Михайло Степанов.	1.
Сшебунъ, Аптекарь	1.
Сацдерсъ, Его Превосход.	1.
Соболевская, Катерина Григорьев. Ея Высокобл.	1.
Семлинъ, Левъ Григорьев.	1.
Соколовскій, Поручикъ	1.
Соболевскій, Оома Игнатьев. Помѣщикъ	1.
Собининъ 1-й, Алексан. Алексѣев. 2-й гильдін купецъ	1.
Сокологорскій, Николай, 8-го класса	1.
Сесипренцевичъ, Иванъ, Чернигов. Повѣст. Маршалъ	1.
Семичевъ, Алексѣй Николаев. отсѣави. Поруч.	1.
Смирновъ, Егоръ Александров. купецъ	1.
Смолякъ, Осипъ Иванов. Надвор. Совѣт.	1.
Семелій, Подполк. и Команд. 2-го Егерск. полка	1.
Сатинъ, Павелъ Александров.	1.
Спруковъ, Дѣйсав. Снахс. Совѣт.	1.

Симопичъ, Графъ Иванъ	1.
Севарземидзевъ, Полковникъ	1.
Спанкевичъ, Павелъ Коллеж. Ассес.	1.
Свѣчинъ 1-й, Его Превосход.	1.

Т.

Тинновъ, Степанъ Иванов. книгопрод. въ Тулѣ	10.
Фонъ Трейблунтъ, Иванъ Хрисіофоров. Дѣйсвлншт.	
Синап. Совѣщ.	1.
Тинмеръ, Хрисіянъ Хрисіианов. Аптекарь	1.
Татаринновъ. 7-го класса	1.
Телепнева, Ея Превосход.	1.
Тарновской, Григорій Степанов. Его Высокоблаг.	1.
Тапищевъ, Алексій Александров.	1.
Трегубовъ, Евграфъ Васильев.	1.
Тамбовская Газетная Экспедиція	1.
Трембницкій, Адьюшаниъ	1.

У.

Унгебауръ, Александръ Андреев. Полков.	3.
Улановъ, Николай Васильев. Тип. Совѣщ.	1.
Усачевъ, Григорій Иванов. Москов. купецъ	1.
Угрюмовъ, Его Превосход.	1.

Ф.

Френдъ, Семень Карлов. Коллеж. Ассесоръ	1.
Флинге, Карлъ Яковлев. Подполков.	1.
Филимоновъ, Полковникъ	1.
Фалькенбергъ, Николай Яковлев. коп. Артил. бригад.	
4-й гусар. Дивизіи Командиръ	1.
Филадельфъ, Архимандр. Воронежс. Синод. Ректоръ	1.

XIV

Фрапцъ, Баронесса	1.
Феодосьевъ, Черномор. Аршил. Экспедиціи	1.
Филантовъ, Иванъ Яковлев. купецъ	2.
Фредериксъ, Николай Аснатьев. Штабсъ-Капит.	2.
Филансьевъ, П. . . . Дивизіон. пѣхот. полка Поруч.	1.
Финляндскій Кадетскій корпусъ	1.

X.

Хруцовъ, Алексѣй Павлов. Штабсъ-Капитанъ	1.
Холодовичъ, Василій Александров. Его Высокобл.	1.
Холодовичъ, Иванъ Осипов. Снапс. Совѣт.	1.
Хмѣлевъ, Николай Истров. Его Высокобл.	1.
Хлибниковъ, Димитрій Егоров. Надвор. Совѣт.	1.
Хруцовъ, Аркадій Павлов. Коллеж. Ассессоръ	1.
Хомуновъ, Тим. Совѣт.	1.

Ц.

Цяловскій, Капитанъ, Старшій Адъютантъ 9-й пѣхотной Дивизіи	1.
--	----

Ц.

Чижевъ, Ефимъ Сидоров. Москов. купецъ	1.
Чандинъ, купецъ	1.
Черкасовъ, Инженеръ-Подполковникъ	1.
Чикинъ, Степанъ Николаевъ	1.
Чертковъ, Казан. драгун. полк. Штабсъ-Капитанъ	1.
Черниговская Газетная Экспедиція	5.
Черторижскій, Полковникъ	1.
Чуполовцовъ, Андр. Испр. 5 класса	1.

III.

Шапошниковъ, Гаврило Михайлов. Оренбург. Узвд. учил. Смоленск.	1.
---	----

XV

Шаховъ, Егоръ Алексѣев.	1.
Шабельскій, Павелъ Васильев. Сшат. Совѣт.	1.
Шахманова, Варвара Петров.	1.
Шатошниковъ	1.
Шейко, Семенъ Андреев. 9-го класса	1.
Ширковъ, Николай Иванов.	1.
Шуклинъ, Оскаръ Никифоров. купецъ	1.
Шумковъ, Войска Донск. Подполк.	1.
Шурманъ 2-й, Полковникъ	1.
Шеснаковъ, Алексѣй, ошеставн. флота Капитанъ- Лейтенантъ	1.

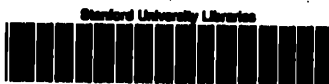
II.

Шулепниковъ, Коллежскій Совѣт.	1.
Щербановъ, Князь Павелъ Петров.	1.
Щасинный, Василій Николаев. Шшабъ-Капитанъ	1.

Л.

Якубовскій, Романъ Осдоров. 12-го класса	1.
Яковлева, Марія Андреев. Ея Высокобл.	1.
Яковлевъ, Михайло Михайлов. Его Высокобл.	1.

3 6105 004 679 127

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S MAY 30 1994

PG
3321
B8
1827
v.2

190